

ISSN 2219-6838

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ
ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ,
ИНФОРМАЦИОННОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ
ИНТЕРАКТИВНОЕ ИЗДАНИЕ**

Основано в 2010 году

6/2016

electronic.ruzh.org

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – к. ю. н., доц. **И. В. Федоров**

к. ю. н., доц. **О. Г. Алексеева**; д. ю. н., проф. **А. С. Барабаш**; к. ю. н., доц. **Ю. С. Безбородов** (зам. гл. редактора); д. ю. н., проф. **В. С. Белых**; д. ю. н., проф. **Л. Ю. Василевская**; д. ю. н., проф. **Д. В. Винницкий**; к. ю. н. **О. Г. Геймур**; д. ю. н., проф. **С. Ю. Головина**; д. ю. н., проф. **Л. Я. Драпкин**; к. ю. н., доц. **Д. В. Жернаков**; д. ю. н., проф. **С. К. Загайнова**; д. ю. н., проф. **Т. В. Заметина**; д. ю. н., проф. **С. В. Кодан**; д. ю. н., проф. **И. Я. Козаченко**; к. ю. н. **Я. Койстинен** (Финляндия); д. ю. н., проф. **А. Н. Кокотов**; к. ю. н., проф. **Т. В. Кондрашова**; к. ю. н., доц. **Т. Е. Логинова**; д. ф. н., проф. **И. П. Малинова**; д. и. н., проф. **В. П. Мотревич**; д. ю. н., проф. **В. В. Невинский**; д. ю. н., проф. **В. В. Никишин**; д. ю. н., проф. **Д. В. Осинцев**; проф. **П. Поликастро** (Польша); д. ю. н., доц. **С. Б. Поляков**; д. ю. н., проф. **В. Ф. Попондопуло**; к. ю. н., доц. **О. Н. Родионова**; к. ю. н., проф. **Р. К. Русинов**; д. ю. н., проф. **П. И. Савицкий**; д. ю. н., проф. **Ю. Н. Стариков**; д. ю. н., проф. **И. А. Тарханов**; д. ю. н., доц. **В. Л. Толстых**; д. ю. н., проф. **А. Трунк** (ФРГ); д. ю. н., проф. **М. Ю. Федорова**; проф. **Хуан Даосю** (Китай); проф. **П. Шокинс** (Бельгия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – **I. V. Fedorov** (candidate of law, assoc. prof.)

O. G. Alekseeva (candidate of law, assoc. prof.); **A. S. Barabash** (doctor of law, prof.); **Yu. S. Bezborodov** (candidate of law, assoc. prof.); **V. S. Belykh** (doctor of law, prof.); **L. Yu. Vasilevskaya** (doctor of law, prof.); **D. V. Vinnitskiy** (doctor of law, prof.); **O. G. Geymur** (candidate of law, assoc. prof.); **S. Yu. Golovina** (doctor of law, prof.); **L. Ya. Drapkin** (doctor of law, professor); **D. V. Zhernakov** (candidate of law, assoc. prof.); **S. K. Zagaynova** (doctor of law, prof.); **T. V. Zametina** (doctor of law, prof.); **S. V. Kodan** (doctor of law, prof.); **I. Ya. Kozachenko** (doctor of law, prof.); **Ja. Koistinen** (candidate of law) (Finland); **A. N. Kokotov** (doctor of law, prof.); **T. V. Kondrashova** (candidate of law, prof.); **T. E. Loginova** (candidate of law, assoc. prof.); **I. P. Malinova** (doctor of philosophy, prof.); **V. P. Motrevitch** (doctor of history, prof.); **V. V. Nevinskiy** (doctor of law, prof.); **V. V. Nikishin** (doctor of law, prof.); **D. V. Osintsev** (doctor of law, prof.); **P. Policastro** (prof.) (Poland); **S. B. Polyakov** (doctor of law, assoc. prof.); **V. F. Popondopulo** (doctor of law, prof.); **O. N. Rodionova** (candidate of law, assoc. prof.); **R. K. Rusinov** (candidate of law, prof.); **P. I. Savitskiy** (doctor of law, prof.); **Yu. N. Starilov** (doctor of law, prof.); **I. A. Tarkhanov** (doctor of law, prof.); **V. L. Tolstykh** (doctor of law, assoc. prof.); **A. Trunk** (doctor of law, prof.) (Germany); **M. Yu. Fedorova** (doctor of law, prof.); **Huang Daoxiu** (prof.) (China); **P. Schoukens** (prof.) (Belgium)

Редакционная коллегия определяет текущую редакционную политику журнала, рассматривает и утверждает содержание очередных номеров, контролирует деятельность журнала

Адрес редакции: 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23, оф. 207

Корреспонденцию, материалы и статьи направляйте по адресу:

620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, УрГЮУ,

редакция «Российского юридического журнала».

Тел./факс (343) 375-54-20. electronic.ruzh.org.

E-mail: ruzh@usla.ru.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-41478 от 28 июля 2010 г.

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции. Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в «Электронном приложении к „Российскому юридическому журналу“», допускается только с разрешения редакции

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

- Митин А. Н. (Екатеринбург)** Перечитывая Сергея Сергеевича Алексеева:
природа и превращения власти 5
- Белова А. П. (Екатеринбург)** Понятие «юридическая практика»:
основные подходы к пониманию и трактовки в исследованиях теоретиков права 9
- Мануйлов А. Е. (Екатеринбург)** Общественный контроль:
некоторые доктринальные и нормативные аспекты 19

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Вылегжанин А. Н., Дудыкина И. П., Моргунов Б. А. (Москва)**
Международно-правовая оценка зарубежного опыта установления прямых
исходных линий в Арктике 24
- Кешнер М. В. (Казань)** Присвоение государству поведения
как условие наступления международной ответственности:
нормативные основания и развитие международной практики 38
- Ключников А. Ю. (Липецк)** О процессуальной самостоятельности
национальных судов государств-членов Европейского Союза 52
- Норкина Е. В. (Москва)** Понятие «регион Берингова пролива» 57
- Хахина А. А. (Москва)** Территория как элемент международной
правосубъектности государства в контексте проблемы
«исчезающих» государств 64

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Загайнова С. К., Тарасов Н. Н. (Екатеринбург)** Роль суда в развитии
практики медиации в России на современном этапе 78
- Жабреев М. В. (Екатеринбург)** Способы образования юридических лиц:
теория, практика и нормативное регулирование 85

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Кольченко А. И. (Озерск)** Административно-правовое регулирование
электроэнергетического рынка 98

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

- Ергашев Е. Р. (Екатеринбург)** О проблемах организации работы
прокуратур первичного звена прокурорской системы Российской Федерации 104

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

- Левитан К. М. (Екатеринбург)** Развитие деонтологической компетентности юристов
в образовательном пространстве вуза 109

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Тесленко А. М. (Екатеринбург)** Об ограничении имущественных прав
иностранцев (физических лиц) в России в середине XIX – начале XX в. 119

ХРОНИКА

- Солнцев А. М. (Москва)** Обзор международного XIV коллоквиума,
проведенного Академией экологического права Международного союза охраны природы
(Осло, 20–24 июня 2016 г.) 125

CONTENTS

THEORY OF LAW AND STATE

- Mitin A. N. (Yekaterinburg)** Reading over Sergey Sergeevich Alekseev:
the nature and transformations of power 5
- Belova A. P. (Yekaterinburg)** The concept of juridical practice:
the main approaches to understanding and interpretations by theorists of law 9
- Manuilov A. E. (Yekaterinburg)** Public control: a number of doctrinal and normative aspects 19

INTERNATIONAL LAW

- Vylegzhanin A. N., Dudykina I. P., Morgunov B. A. (Moscow)** The international legal
review of foreign practices on drawing baselines in the Arctic region 24
- Keshner M. V. (Kazan)** Attribution of conduct to the state as a condition
for international responsibility: the normative grounding
and the international practice development 38
- Klyuchnikov A. Yu. (Lipetsk)** On the procedural autonomy of national courts
in the EU Member States 52
- Norkina E. V. (Moscow)** The concept of the Bering Strait region 57
- Khakhina A. A. (Moscow)** A territory as an element of the state international personality
in relation to the «disappearing» states problem 64

CIVIL LAW AND PROCEDURE

- Zagaynova S. K., Tarasov N. N. (Yekaterinburg)** The court's role
in the current development of mediation practices in Russia 78
- Zhabreev M. V. (Yekaterinburg)** The ways of establishing legal entities: theory,
practice and normative framework 85

ADMINISTRATIVE LAW AND PROCEDURE

- Kolchenko A. I. (Ozyorsk)** The administrative supervision over the electricity market 98

PROCURACY SUPERVISION

- Ergashev E. R. (Yekaterinburg)** On the issues of work organization
of primary care prosecutors' offices in the Russian Federation 104

PROBLEMS OF JUDICIAL SCIENCE AND EDUCATION

- Levitan K. M. (Yekaterinburg)** The development of the lawyers' deontological competence
in a higher learning institution 109

PAGES OF HISTORY

- Teslenko A. M. (Yekaterinburg)** On restrictions of the property rights
of foreigners (individuals) in Russia in the middle of the 19th –
the beginning of the 20th century 119

CHRONICLE

- Solntsev A. M. (Moscow)** International 14th annual colloquium of the IUCN academy
of environmental law (Oslo, 20–24 June 2016): a review 125

**ПЕРЕЧИТЫВАЯ СЕРГЕЯ СЕРГЕЕВИЧА АЛЕКСЕЕВА:
ПРИРОДА И ПРЕВРАЩЕНИЯ ВЛАСТИ****Митин Александр Николаевич**

Доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики управления
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: idom@list.ru

Заостряется внимание на ставшей классической формулировке С. С. Алексеева: государственная власть – это «отношения господства и подчинения, при которых воля и действия одних лиц (властвующих) доминирует над волей и действиями других лиц (подвластных)». В контексте наблюдений ученого о праве и власти утверждается, что сегодня в России актуальны две проблемы: претензия власти к гражданам и претензия граждан к власти. Подавляющее большинство граждан не знают о своих правах, они не укоренены в ментальности.

Ключевые слова: Конституция РФ, право, власть

**READING OVER SERGEY SERGEEVICH ALEKSEEV:
THE NATURE AND TRANSFORMATIONS OF POWER****Mitin Alexander**

Ural State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: idom@list.ru

The author focuses on the Alekseev's classic statement: a state power is «relations of domination and subordination, in which the will and actions of one persons (who are at power) prevail over the will and actions of others (who are under control)». Nowadays there are still two unresolved issues in Russia (in terms of Alekseev's observations on law and power): authorities complain about citizens while citizens complain about authorities. However, the vast majority of citizens know nothing about their rights that haven't took root in their minds yet.

Key words: RF Constitution, law, power

На протяжении веков существования цивилизации власть оставалась одним из самых загадочных и в то же время важных и распространенных феноменов социального бытия. В современном мире, где идет агрессивное переформатирование политической карты мира, трудно найти что-то более противоречивое и сложное, чем властные отношения. А поскольку человек, участвуя в таких отношениях, часто приобретает негативный опыт, так как одна из основных функций власти (подавление, подчинение) находится в противоречии с потребностью к свободе, то в массовом сознании доминирует скорее отрицательное, чем положительное отношение к власти.

Однако поскольку проблема власти столь значима в области гуманитарного знания, появилось самостоятельное направление научного поиска – кратология, которое в качестве объекта исследования избрало прежде всего государственную власть. Анализ исследований, посвященных вопросам государственной власти, позволяет заключить, что она рассматривается преимущественно в качестве политологической категории. Вместе с тем понятие «государственная власть» широко используется в практике правового регулирования. Термин «власть» четырежды употребляется в ч. 1 ст. 3 Конституции РФ,

а термин «государственная власть» получил широкое применение в судебной практике, в том числе в деятельности Конституционного Суда РФ.

Интерес к проблематике власти проявлялся еще в период античной философии, возрос в Средневековье, что было обусловлено необходимостью формирования идеологии власти суверена, нашел свое подтверждение в XX в. в трудах философов, социологов и политологов Запада, представителей дореволюционной юриспруденции (Х. Арендт, П. Блау, Д. Болдуин, М. Вебер, Т. Парсонс, К. Маркс, А. Д. Градовский, Л. И. Петражицкий, П. А. Сорокин, Б. Н. Чичерин и др.). В советской литературе было предложено три основных подхода к определению понятия «власть»: это необходимая функция любого коллектива, нуждающегося в руководстве; реальная способность осуществлять свою волю, навязывать ее другим; организованная сила¹.

В юридической литературе конца XX – начала XXI в. делается вывод о том, что «любая власть, в том числе государственная, – это особая функция по руководству, управлению и координации волевых действий людей»². С. С. Алексеев определял государственную власть как «отношения господства и подчинения, при которых воля и действия одних лиц (властвующих) доминирует над волей и действиями других лиц (подвластных)»³. Эта классическая формулировка позднее вошла в подготовленные им совместно с коллегами учебники по государству и праву. Впоследствии именно изучение коварной природы власти стало отправным моментом «похода» С. С. Алексеева во власть, использования ее для формирования Гражданского кодекса, подготовки действующей Конституции РФ. В текст Основного закона страны он вместе с другими разработчиками вкладывал разделяемые сегодня всеми правовые принципы, стремился вписать в правовые рамки всю законодательную, нормативную систему государства. Он полагал, что все, что не укладывается в эти рамки, противоречит духу права.

Именно в те годы, когда научное творчество С. С. Алексеева начало соединяться с государственной практикой (1990–2009 гг.), появились его концептуальные работы: «Круг замкнулся: повесть о праве», «Демон власти и культура права», «Две повести. О праве. О власти». В них прослеживается идея прав человека как основополагающей гуманитарной категории. Отсутствие отработанных юридических конструкций, устанавливающих права человека, позволяет расширять пространство абсолютной власти, не имеющей ограничений и противовесов, в связи с чем С. С. Алексеев справедливо утверждал: «Власти не нужно право – ей достаточно закона».

Однако очевидно, что закон – это инструмент, с помощью которого осуществляется нормативная регламентация общественной жизни, предполагающая обязательность определенного вида поведения. А право – совокупность представлений о том, каким образом должно быть организовано общество в его взаимоотношениях с государством. Следовательно, право всегда выше закона, что предполагает абсолютное равенство всех перед законом. Но тот или иной закон в угоду властвующим может быть и неправовым, противоречить праву. И чем чаще страна отстает от образца правового государства, тем больше появляется неправоваго законов.

Сегодня повсеместно проводится антикоррупционная экспертиза проектов нормативных правовых актов, сокращающая всевозможные «лазейки» в законе, которыми пользуются в своих корыстных интересах чиновники. Это хорошая и необходимая практика. Но власть постоянно ищет способы сформулировать законы в инструментальной, предназначенной для чиновника форме. Поэтому всегда будут расхождения между представ-

¹ Халипов В. Ф. Наука о власти. Кратология: учеб. пособие. М., 1990. С. 12.

² Манов Г. Н. Признаки государства: новое прочтение // Политические проблемы теории государства. М., 1993. С. 42.

³ Алексеев С. С. Государство и право: начальный курс. М., 1994. С. 6.

лениями о том высоком идеале, который относится к неотъемлемым правам человека, и формулировками законов. В исследованиях С. С. Алексеев четко прослеживается мысль о том, что управлять с помощью закона – это агрессивный менеджмент, при котором власть приобретает монопольное положение, а та духовная составляющая, которая и есть человек с его правами и свободой, исчезает, как и смысл Основного закона государства.

В контексте наблюдений С. С. Алексеева о праве и о власти можно утверждать, что в России остаются две проблемы: претензия власти к гражданам и претензия граждан к власти. Подавляющее большинство граждан РФ не знают о своих правах, они не укоренены в менталитете. Отсюда неразвитость институтов гражданского общества и, как следствие, отчуждение граждан от власти, игнорирование ими участия в выборах, при которых не только реализуется право гражданина, но и наступает ответственность за сделанный им выбор. Вторая претензия неразрывно связана с недостаточными прозрачностью, доступностью, понятностью власти людям и отсутствием возможности влиять на государственную политику.

Не требует особых доказательств тот факт, что, к примеру, современная исполнительная власть в РФ дает гражданам, общественным организациям и предпринимательству множество индивидуальных поводов для крайне низкой оценки качества этой власти. По мнению исследователей¹, такие оценки вызваны не частными, а общими причинами, корнящимися в самой сути этой власти. Во-первых, речь идет о невыборности (назначаемости) руководителей исполнительной власти, что в соединении с реальной возможностью влиять на судьбы людей создает у носителей этой власти уверенность в своей исключительности, высокой общественной значимости и своеобразной кастовости. Во-вторых, исполнительная власть наделена правом получения и распределения общественных ресурсов – не только финансовых и материальных (квоты, земельные участки, недвижимость и др.), но и административных – от законных механизмов распорядительной деятельности до известного «телефонного права». В-третьих, мощный властный потенциал создает неизменный диспаритет личностных отношений чиновника и гражданина: первый не всегда заинтересован в контакте с гражданином, а второй вынужден сам обращаться к чиновнику и попадать во временную зависимость от него. Это дает чиновнику ощущение не исполнения своих функций, а именно власти, и на этом фоне формируется система своего рода «неуставных отношений» (административной «дедовщины»), оправдывающих коррупцию и поборы («Деньги не всегда дают власть, но власть всегда дает деньги»), бюрократические унижения и т. д. При этом отдельный чиновник, имеющий отрицательные качества, как правило, начинает отождествляться в сознании граждан со всем органом исполнительной власти, а то и со всей системой государственной власти («Все они такие»).

Претензия граждан к власти не исчезает уже многие годы, несмотря на проведение административной реформы, которая, вероятно, продолжится еще достаточно долго. «Слизав» идеологию административного реформирования тех западных стран, где в деятельность государственных институтов активно привносятся принципы и технологии стандартного бизнес-управления, в России не учли того, что ментальная конструкция государственного управления Запада принципиально отличается от отечественной. Наша государственная власть, следуя принципам мощной централизации, не согласна быть разгосударствленной, а тем более передать в частные руки те функции государственных органов, исполнение которых будет выгодно предпринимательству.

¹ Лексин В. Н. Административная реформа и оценка качества государственного управления // Труды ИСА ДАН. 2006. Т. 2. С. 118–120.

Одну из последних своих книг С. С. Алексеев назвал «Крушение права», права как высшей гуманистической ценности. Он увидел новую угрозу распада правовой системы, грозную монаду власти, искажение самой идеи права «в том передовом значении, которое оно приобретает в гражданском обществе». В статье «О методологии выявления связи феноменов „право“ и „закон“ и роли правосознания в этом процессе» И. Л. Бачило трижды отмечает заслуги С. С. Алексеева¹, который констатировал состояние «драмы права», потери или падения права в практических делах и общественных мнениях², но и одновременно необходимость настраивать на право, а значит, на правовое гражданское общество³, развитие правосознания⁴, что особенно важно в условиях формирования информационного общества, когда власть претерпевает различные превращения.

Не будет преувеличением сказать, что творческое наследие этого мыслителя еще многие годы будет предметом научных интересов и практическим пособием в сфере государственного управления и права.

Библиография

Алексеев С. С. Государство и право: начальный курс. М., 1994.

Алексеев С. С. Общая теория права: учеб. 2-е изд. М., 2009.

Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия. Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. М., 2000.

Бачило И. Л. О методологии выявления связи феноменов «право» и «закон» и роли правосознания в этом процессе // URL: <http://www.igpran.ru/articles/3426>.

Лексин В. Н. Административная реформа и оценка качества государственного управления // Труды ИСА ДАН. 2006. Т. 2.

Манов Г. Н. Признаки государства: новое прочтение // Политические проблемы теории государства. М., 1993.

Халипов В. Ф. Наука о власти. Кратология: учеб. пособие. М., 1990.

Bibliography

Alekseev S. S. Gosudarstvo i pravo: nachal'nyj kurs. M., 1994.

Alekseev S. S. Obshchaya teoriya prava: ucheb. 2-e izd. M., 2009.

Alekseev S. S. Pravo na poroge novogo tysyacheletiya. Nekotorye tendencii mirovogo pravovogo razvitiya – nadezhda i drama sovremennoj ehpxi. M., 2000.

Bachilo I. L. O metodologii vyyavleniya svyazi fenomenov «pravo» i «zakon» i roli pravosoznaniya v ehtom processe // URL: <http://www.igpran.ru/articles/3426>.

Leksin V. N. Administrativnaya reforma i ocenka kachestva gosudarstvennogo upravleniya // Trudy ISA DAN. 2006. T. 2.

Manov G. N. Priznaki gosudarstva: novoe prochtenie // Politicheskie problemy teorii gosudarstva. M., 1993.

Xalipov V. F. Nauka o vlasti. Kratologiya: ucheb. posobie. M., 1990.

¹ URL: <http://www.igpran.ru/articles/3426>.

² Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия. Некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. М., 2000. С. 188–190.

³ Там же. С. 221.

⁴ Алексеев С. С. Общая теория права: учеб. 2-е изд. М., 2009. С. 139–152.

**ПОНЯТИЕ «ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА»:
ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ И ТРАКТОВКИ
В ИССЛЕДОВАНИЯХ ТЕОРЕТИКОВ ПРАВА****Белова Арина Павловна**

Аспирант кафедры теории государства и права
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: ArinaPavlovna@yandex.ru

Дан краткий обзор основных этапов становления и развития понятия «практика». Проанализированы основные подходы к пониманию юридической практики, ее сущности и структуры. Сделан вывод о том, что наиболее полным является подход, в котором юридическая практика рассматривается как единство деятельности и ее результатов. Аргументируется включение в структуру юридической практики субъектов юридической деятельности.

Ключевые слова: юридическая практика, практика, теория права

**THE CONCEPT OF JURIDICAL PRACTICE:
THE MAIN APPROACHES TO UNDERSTANDING
AND INTERPRETATIONS BY THEORISTS OF LAW****Belova Arina**

Ural State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: ArinaPavlovna@yandex.ru

There is a brief review on the development of concept of practice. The author investigates the main approaches to understanding of legal practice, its nature and structure. She comes to a conclusion that the most complete approach seems to be the one that considers practice as unity of behavior and results. The author suggests including the subjects of legal activities into the structure of legal practice.

Key words: legal practice, practice, theory of law

Несмотря на то что ученые традиционно уделяют внимание проблеме юридической практики, в ней остается много неисследованных областей и неразрешенных вопросов. Более того, развитие национальных правовых систем и эволюция международного права, усложнение социальных структур и профессиональной деятельности юристов ставят перед теоретиками права вопросы, требующие как переосмысления сложившихся представлений, так и поиска новых подходов к разрешению проблем юридической практики.

С точки зрения общей теории принципиально важно исследовать социокультурные контексты юридической практики, попытаться понять, как формировались и эволюционировали представления о ней. В первую очередь необходима реконструкция развития философских представлений о практике, что позволит определить основания теоретического обсуждения проблем юридической практики, сложившихся представлений и подходов к ее пониманию. Такая методология исследования связана с гносеологическими особенностями юриспруденции, которая как наука социальная формирует свои понятия в рамках конкретной философской традиции. Именно общефилософское понимание

практики задает основные направления размышлений о практике юридической, а в основе понятия юридической практики так или иначе лежат философские идеи.

Первые концептуализации практики обнаруживаются в Античности и принадлежат философам Древней Греции. В античной философии практика неразрывно связана с деятельностью¹, с ее целевым характером и человеком (они и сегодня служат базовыми характеристиками практики).

В классической древнегреческой философии выделяют онтологическую модель практики (Платон) и телеологическую (Аристотель)².

В онтологической модели практика соотносится с деятельностью и отождествляется с ней: без активных действий, которые изменяют действительность, нет практики. Платон вводит понятие «практика» в контекст разделения социальной структуры на слои (правители, воины, граждане), каждому из которых соответствует определенный вид деятельности³. Однако практика – не всякий вид деятельности, а только нравственно-благое деяние, которое невозможно без рассудительности, т. е. совершения хороших дел («рассудительность – это свершение хороших дел»)⁴.

Платон впервые говорит и о разделении знаний, лежащих в основе деятельности, противопоставляет знания практические, в которых «знание вырастает в дела», знаниям познавательным, т. е. «чистым»⁵. Благодаря практическому знанию создаются «предметы, которых раньше не существовало», тогда как знание чистое ничего нового для внешнего мира не дает. Принцип осуществления деятельности, по Платону, – сосредоточение человека на одном предмете: «У нас человек не двоится и не развлекается многими делами, а делает каждый одно»⁶.

Итак, согласно Платону определяющим для практики является изменение действительности, ее преобразование субъектом.

Телеологическое понимание практики мы находим у Аристотеля⁷. В активности человека Аристотель выделяет такие виды, как «праксис» – нравственно-благое действие и добродетельный поступок, имеющий целью самого себя; «пойесис» – творчество, искусство – и «теория» – созерцание, умозрение⁸. В практике он видит деление души на неразумную и разумную части. Последняя разделена на разум (теоретический) и рассудок (практический). Они различаются между собой целью: «ум, размышляющий о цели, направленный на деятельность», и есть рассудок⁹. По его мнению, виды практики зависят от объекта, на который направлена деятельность (политическая, законодательная, экономическая). Практическая деятельность «лишена покоя, стремится всегда к известной цели и желательна не ради ее самой»¹⁰.

Таким образом, с точки зрения Аристотеля, в практике первична цель, именно она является определяющей, а сама деятельность – лишь следствие самоценной цели. Деятельность перестает быть содержательной характеристикой практики.

Для Античности практика есть единство нравственно-этического, волевого и познавательного начала, она связана не просто с изменением внешнего мира, а с осмыслением цели этих изменений.

¹ *Praktikos* (гр.) – деятельный, активный.

² Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В. С. Степина. М., 2010. Т. 3. С. 505.

³ Платон. Государство // Платон. Собр. соч.: в 4 т. М., 1994. Т. 3. С. 188.

⁴ Там же. С. 64.

⁵ Платон. Государство. С. 65.

⁶ Там же. С. 3–4.

⁷ Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Соч.: в 4 т. / пер. Н. Брагинской. М., 1983. Т. 4. С. 89.

⁸ Там же. С. 10.

⁹ Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2010. Т. 3. С. 509.

¹⁰ Аристотель. Указ. соч. С. 90.

С наступлением Средневековья многие представления Античности, в том числе и представления о практике, были существенно изменены.

В отличие от античной философии, в христианстве человек больше не воспринимается как часть природы, грехопадение отдаляет человека от Бога, и единственным способом приблизиться к нему вновь становится труд, богоугодная деятельность. Практика в понимании мыслителей Средневековья с господствующим христианством неизбежно приобретает религиозный окрас. Так, Эриугена в труде «О разделении природы» говорит о необходимости подчинения любых поступков человека единственной цели – единению с Богом¹.

Понятие практики мы встречаем в учении Фомы Аквинского о добродетелях, которые представляют собой иерархическую лестницу, на вершине которой находятся богословские добродетели, а далее идут нравственные и интеллектуальные. Последние Аквинский подразделяет на умозрительные и практические. Практическим называет он и интеллект, управляющий волей. Необходимым элементом практики становится рассудительность, поскольку без нее невозможны практические суждения, а значит, и познание практических первооснов.

О связи разума и практической деятельности говорит и Боэций Дакийский в сочинении «О высшем благе, Или о жизни философа»². Практику он считает познанием истины, которая заключается в созерцании, осуществлении блага на деле и удовлетворении от этого³.

Характеристика практичности становится применимой лишь к божественному началу, а к человеку – только посредством добродетелей, т. е. попытки быть максимально похожим на Бога. Некоторые авторы по-прежнему выделяют «деятельностный» компонент, однако на первый план ставят добродетельность, что несколько сближает их понимание практики с аристотелевским телеологическим пониманием. Также помимо принятого критерия изменения действительности в Средневековье появляется и признак результата, который видим, осязаем или иным способом ощущаем.

Следующий этап развития представлений о практике приходится на Новое время. Философов Нового времени в большей степени, чем средневековых, интересует проблема понимания практики и ее места. Если ранее практическая деятельность нужна была для того, чтобы гармонично сосуществовать с природой, частью которой является человек, или для того, чтобы приблизиться к Богу, то в Новое время она направлена на познание природы и ее изменение. На первый план выдвигается тезис о превосходстве человека над природой, поэтому практика становится «законным истолкователем природы»⁴. Ф. Бэкон и Галилей, критикуя более ранние представления, считают, что практика не может быть таковой, если не применима к жизни и не облегчает человеческие страдания и бедствия⁵. Практика воспринимается как способ изменения именно материального мира, любая иная деятельность, результаты которой мы не можем осязать и видеть, которая не несет непосредственной выгоды человеку, практической не является.

Однако уже Дж. Локк говорит о возможности трансформации нематериального в контексте практической деятельности. Большое внимание, как и сторонники платоновской традиции, он уделяет цели и нравственности деяния⁶. Заметим, что основные положе-

¹ Эриугена И. С. О разделении природы // Антология средневековой мысли. Теология и философия европейского Средневековья: в 2 т. / пер. С. С. Неретиной. СПб., 2008. Т. 1. С. 122.

² Боэций Дакийский. О высшем благе, Или о жизни философа / пер. В. В. Библихина // Вопр. философии. 1994. № 5. С. 124.

³ Там же. С. 131.

⁴ Бэкон Ф. Соч.: в 2 т. М., 1978. Т. 1. С. 185.

⁵ Бэкон Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 68; Галилей. Избр. труды: в 2 т. М., 1966. Т. 2. С. 16.

⁶ Локк Дж. Избранные философские произведения: в 2 т. М., 1960. Т. 1. С. 694.

ния концепции Платона (с соответствующими поправками) будут преобладать в понимании практики и в период немецкой классической философии. Так, И. Кант вводит применительно к разуму дихотомию «теория – практика». Теоретический разум созерцает; практический же – переходит от созерцания к преобразованию и имеет приоритет перед теоретическим. Представления Канта о практике нам интересны и потому, что они в большей степени относятся к практике юридической. Акцент в них делается на приоритете изучения практики, на том, что именно практический разум устанавливает нормы и правила поведения. То есть право как система обязательных норм есть порождение разума практического и нравственного¹.

Окончательно верховенство практического над теоретическим закрепляет Гегель. Практика, с его точки зрения, – это одна из составляющих Абсолютного духа, который существует благодаря постоянному саморазвитию, самосознанию. С помощью практики происходит объективирование сознания, которое находит отражение в измененной действительности. Цель практической деятельности – осознание, представление себя, достигается же она (цель) «посредством изменения внешних предметов, на которые он накладывает печать своей внутренней жизни и снова находит в них свои собственные определения»².

В работе «Феноменология духа» Гегель приходит к выводу о том, что сфера практического воздействия не должна быть обязательно материальной, несмотря на то что между практикой и трудом фактически ставится знак равенства. Дело в том, что труд как форма практики понимается Гегелем в качестве абстрактно-духовной деятельности. Отчуждение результатов труда, необходимое для осознания человеком себя и противопоставления природе, возможно посредством духовной деятельности. С помощью практики происходит объективирование сознания, т. е. человек изменяет действительность, накладывает на нее отпечаток своего разума. Таким образом, практика является доказательством существования человека, а результаты практической деятельности – итогом опредмечивания Абсолютного духа.

Немецкие идеалисты в практике видят один из способов отношения человека к миру, его познанию. В отличие от мыслителей Нового времени практическая деятельность рассматривается ими как феномен, менее соотносимый с человеком, а практика – выражение некоторого абсолютного начала, лежащего вне природы человека.

С гегелевскими воззрениями тесно связан марксизм. Практика не просто возвышается над теорией, она превращается в критерий истинного знания и в его основу³. Сферой практического воздействия становится лишь материя. Необходимость введения понятия практики в философию К. Маркс обосновывает в «Тезисах о Фейербахе», полагая, что «только в практике человек может доказать истинность, действительность и мощь своего мышления»⁴. По его мнению, практика – «материальная деятельность, от которой зависит всякая иная деятельность: умственная, политическая, религиозная и т. д.»⁵.

В России традиции материализма Маркса продолжил В. И. Ленин, подчеркивающий, что «практика выше теоретического познания, ибо она имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности». Что касается места практической деятельности в жизни человека, то Ленин обращает внимание на то, что целеполагающая деятельность – одна из двух форм объективного процесса наряду с природой⁶. Он предлагает ее деление в зависимости от уровня социальной структуры на практические

¹ Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1965. Т. 4. С. 456.

² Гегель Г. В. Ф. Соч.: в 14 т. М., 1938. Т. 12. С. 33.

³ Ленин В. И. Диалектический материализм // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 5.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1955. Т. 3. С. 2.

⁵ Там же. С. 71.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 179.

действия внутри социальной группы; практику самой социальной группы; практику человека внутри социального института; практику класса, воля которого воплощается в активности политических институтов (государства, партии и др.)¹.

На современное понимание практики немалое влияние оказали работы Г. В. Плеханова. Он ставил практику выше теории, считая, что «практика всегда предшествует науке»², возникновение которой возможно только на основе анализа результатов и конкретных примеров измененной действительности³.

В целом можно говорить о необходимости и важности осмысления практики индивидом и обществом. Пусть и в различных формах, но происходит возврат к идеям Нового времени об изменении с помощью практической деятельности материального мира, о решающей роли субъекта и его волевых действий в процессе практики. Практика становится первичным видом деятельности, от которого зависят иные ее виды.

Однако XX в. предлагает не только марксистское понимание практики. Как феномен она интересует последователей прагматизма, конструктивизма, экзистенциализма и множества других течений.

Одной из самых известных является концепция Ж.-П. Сартра, разделявшего практику на индивидуальную и общественную. Согласно ей в результате существования общественной практики возможно объединение людей в «практические группы», общности и коллективы, которые могут называться классами, кастами, сословиями⁴.

С точки зрения французского социолога П. Бурдьё, практика есть проверка индивидом соответствия своего поведения сложившимся в сознании представлениям об окружающей действительности⁵. В это же понятие включаются и рутинные привычные действия, создающие базу для устойчивости и возможности сохранения и воспроизведения практики⁶.

Таким образом, можно утверждать, что к концу XX – началу XXI в. произошел возврат к телеологическому и онтологическому пониманию практики. Сторонники инструментального подхода рассматривают практику в духе аристотелевской концепции – в качестве деятельности, которая определяется целью, причем сама деятельность может не приводить к изменению материальной действительности.

Представители материализма (марксизма) вслед за Платоном рассматривают практику как неотъемлемую часть и главный способ общественного развития и изменения окружающей среды в соответствии с нуждами человечества (точнее, той группы (класса), чья воля доминирует).

В России, в силу того что традиция философской и научной мысли находилась под влиянием материалистических взглядов, практика понимается в рамках онтологической концепции, с учетом изменений, внесенных философией марксизма.

Из изложенного следует, что практика – целенаправленная непрерывная деятельность, результатом которой является общественное развитие, осуществляемое посредством изменения общественных отношений и (или) материальной действительности.

Разумно полагать, что юридическая практика находится в родовидовых отношениях с общесоциальной практикой, будучи одним из ее проявлений. Однако для понимания ее природы и особенностей нужно более полно изучить подходы к ее осмыслению и определению.

¹ Ленин В. И. Указ. соч. Т. 38. С. 190.

² Плеханов Г. В. Собр. соч.: в 24 т. / под ред. Д. Рязанова. М., 1925. Т. 3. С. 338.

³ Там же. Т. 7. С. 153.

⁴ Sartre J. P. Critique of dialectical reason. L., 1976. P. 32.

⁵ Бурдьё П. Начала = Choses dites / пер. Н. А. Шматко. М., 1994. С. 19.

⁶ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М., 1995. С. 34.

Изучение развития взглядов на какой-либо правовой феномен принято начинать с дореволюционной науки о праве. Однако применительно к юридической практике стоит отметить, что в досоветский период понятие «юридическая практика» не использовалось, вместо него употреблялось словосочетание «судебная практика», т. е. между ними ставился знак равенства.

В советской и современной юриспруденции существуют три точки зрения на юридическую практику: 1) ее отождествляют с деятельностью; 2) понимают как результат деятельности; 3) рассматривают как единство процесса деятельности и результатов ее осуществления.

Ученые, придерживающиеся первой точки зрения, полагают, что правовая практика есть «методологическое измерение» деятельности в правовой сфере, а потому данное понятие необходимо, чтобы была возможность исследовать процесс деятельности. Так, Г. С. Арефьева считает, что практика – форма социально-преобразующей деятельности, выделяемая по критерию идеологических отношений, подвергающихся преобразованию (ближе всего к экономическим отношениям)¹. То есть юридическая, или правовая, практика – один из способов преобразования действительности, точнее, особой ее части, специфика которой и позволяет выделить практику правовую в отдельный вид.

Схожее понимание встречаем у В. П. Казимирчука, который рассматривает правовую практику как общественную практику в целом, как реальную предметную деятельность людей, в состав которой входит и государственно-правовая практика². Таким образом, практика в сфере права признается одним из видов деятельности по преобразованию действительности. К специфике данного определения относится то, что практика правовая выступает в единстве с практикой в сфере государственного управления. Возможно, точнее говорить об определении не правовой, а управленческо-правовой практики.

Правда, было бы ошибочно утверждать, что в рамках данного подхода взгляды исследователей на толкование понятия правовой практики идентичны. Ряд ученых, признавая, что практика – это прежде всего процесс деятельности, не считают ее частью практики общесоциальной. Например, В. П. Реутов описывает практику как составную часть процесса правового регулирования, которая служит «поставщиком информации» для канала обратной связи между нормами права и общественными отношениями³. По его мнению, это та профессиональная деятельность, с помощью которой возможно регулирование отношений существующими нормами права. В таком контексте практика есть издание нормативных правовых актов и совершение индивидуальных правовых действий в процессе формирования и реализации норм права⁴.

Существуют и определения, сужающие понятие практики до объемов профессиональной деятельности специалистов. Так, И. Сабо практикой называет процесс применения права, правотворчества и соблюдения права⁵. Аналогичное определение дает В. А. Сапун: практика – деятельность юристов-профессионалов в сфере правотворчества и правоприменения. П. А. Гук ограничивается перечислением таких видов практики, как судебная, административная, прокурорская, следственная, хотя очевидно, что под практикой он понимает профессиональную деятельность как один из элементов правового регулирования.

Т. Н. Радько сущность практики видит в возможности применения права к реальным явлениям жизни. Однако практика, с его точки зрения, – лишь одна из сфер деятельно-

¹ Арефьева Г. С. Общество, познание, практика. М., 1988. С. 9.

² Казимирчук В. П. Право и методы его изучения. М., 1965. С. 193.

³ Реутов В. П. Стадии воздействия юридической практики на развитие законодательства // Правоведение. 1970. № 3. С. 115.

⁴ Там же.

⁵ Сабо И. Основы теории права / под ред. В. А. Туманова. М., 1974. С. 266.

сти юриста наряду с наукой и образованием. Среди ее видов он перечисляет судебную, следственную, прокурорскую, арбитражную, нотариальную, оперативно-розыскную, хозяйственно-правовую и пр.¹ С одной стороны, он представляет практику как разноплановую деятельность, с другой – ограничивает ее рамками должностных обязанностей или профессиональной деятельности специально подготовленного субъекта.

Несмотря на некоторые отличия в терминологии, во всех определениях указывается, что правовая практика – это непрерывный процесс изменения действительности. Такой процесс может осуществляться в ходе как профессиональной юридической, государственно-управленческой деятельности, так и любой другой социально-преобразовательной деятельности (в зависимости от подхода и широты определения), однако действия в любом случае выполняются в рамках правовой сферы, в рамках правоотношений и оказывают влияние именно на них.

Согласно второй точке зрения практика воспринимается как феномен только тогда, когда есть внешне выраженный результат действий, поскольку деятельность, не имеющая выражения вовне и не изменяющая действительность, сама по себе бесполезна. Любое действие, в том числе в сфере права, будет ценным лишь в случае, если существует конкретный инструмент для решения правовой проблемы, ситуации. Именно таким инструментом и является результат правовой практики.

С. Н. Братусь и А. Б. Венгеров под юридической практикой понимают судебную практику, раскрывающую содержание и смысл применяемых норм, а также конкретизирующую и разъясняющую их. При таком подходе практика – опыт применения норм. Она существует тогда, когда необходимо конкретизировать формулировки закона². Оба ученых выступают против причисления любого действия в сфере права, включая неправомерное, к юридической практике.

В. И. Червонюк расширяет понятие юридической практики до объективированного социально-правового опыта, накопленного в процессе осуществления совокупной правовой деятельности (правотворческой, правоприменительной, интерпретационной). Опыт, полагает он, есть «коллективная социально-правовая память, хранящая и передающая правовую информацию о практической деятельности в правовой сфере». Такая память, составляющая содержание практики, складывается «в процессе селекции в юридических действиях и операциях, принятых решениях, а также фактических результатах деятельности прогрессивного и социально полезного для правового регулирования общественных отношений и общественной практики в целом»³. Таким образом, результаты правовой практики охватывают как правовые позиции высших судебных инстанций, так и иные нормативные обобщения, возникающие в ходе применения правовых норм. Важное условие, которое устанавливает В. И. Червонюк, – появление упорядоченности и элементов конструктивности в процессе достижения такого результата в правовой системе.

Л. С. Явич образно сравнивает практику с историческим экспериментом, который так или иначе отражается в человеческом сознании, духовно усваивается и в логических категориях юридической науки, и в общей теории права⁴. Практика вновь рассматривается как феномен общесоциальный. Причем деятельность, в ходе которой возникнет опыт, необязательно относится к правовой сфере. Однако практикой будет считаться только такой результат, который может быть выражен в понятиях юриспруденции.

¹ Радько Т. Н. Теория государства и права в схемах и определениях: учеб. пособие. М., 2011. С. 89.

² Братусь С. Н. Судебная практика в советской правовой системе. М., 1975. С. 16–17.

³ Элементарные начала общей теории права: учеб. пособие для вузов / под ред. В. И. Червонюка. М., 2003. С. 119.

⁴ Явич Л. С. Общая теория права. Л., 1976. С. 87.

Стоит отметить, что представленная выше (вторая) точка зрения наименее распространена. Однако она заслуживает внимания, поскольку ее сторонники делают акцент на результате практического процесса, а именно по результату воздействия на общественные отношения удобнее всего проводить оценку значения и роли правовой практики.

Наиболее многочисленная группа ученых придерживается третьей точки зрения, понимая под практикой единство двух ее видов: непосредственно деятельности в правовой сфере и опыта, т. е. обобщенных результатов этой деятельности.

По С. С. Алексееву, юридическая практика складывается из правоприменительных действий, совершаемых в ходе повседневной деятельности органов власти. Постепенно на основе таких действий вырабатываются устойчивые стереотипы поведения. Возможно также обобщение результатов практики в виде актов вышестоящих судебных органов и органов исполнительной власти. Правовая практика, по мнению С. С. Алексеева, – обобщенный опыт индивидуально-правовой деятельности компетентных органов (судов, других органов применения права), складывающийся в результате применения права при решении юридических дел¹. На наш взгляд, в данном определении под практикой вновь понимается профессиональная деятельность.

Н. И. Матузов и А. В. Малько трактуют практику как деятельность компетентных субъектов по принятию (толкованию, применению и т. д.) юридических предписаний в единстве с накопленным социально-правовым опытом². Под обобщенным опытом они подразумевают созданные при реализации и применении права правовоположения. Безусловно, этот опыт должен быть длительным и многосторонним, т. е. учитывать все виды правовых практик (правотворческой, правоприменительной, правореализационной).

Аналогичные определения встречаются у С. Ю. Лавруся и А. Сухарева³. С их точки зрения, практика направлена на преобразование общественных отношений путем издания, толкования, реализации, применения, доведения до сведения правовых предписаний.

В. Н. Карташов считает, что юридическая практика есть единство трудовой, управленческой, государственно-властной деятельности компетентных органов, нацеленной на выполнение задач и функций (создание законов, осуществление правосудия, конкретизацию права и т. п.), удовлетворение общесоциальных, групповых и индивидуальных потребностей и интересов. Он утверждает, что деятельность опосредуется правом и всегда облечена в правовую форму. Также он подчеркивает значение правового опыта, акцентирует внимание на его роли в процессе практики. По мнению В. Н. Карташова, именно опыт позволяет решать проблемы правотворчества, применения, реализации права, делать выводы и заключения по правовым проблемам, обобщать результаты практики в теоретических положениях.

В. Н. Кудрявцев в понятие юридической практики предлагает включить деятельность по созданию, использованию и применению правовых актов законодательных и исполнительных органов власти⁴.

Для В. И. Леушина практика правовая – часть практики социальной, в которой выделяются материальный и идеальный моменты (деятельность и опыт). Деятельность в сфере правовой действительности – важная составляющая юридической практики, однако необходимо... «концентрированное... обобщенное выражение деятельности», которым выступает опыт. Последний также выполняет функцию воздействия на будущую

¹ Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 340.

² Большой юридический словарь / под ред. А. В. Малько. М., 2009. С. 312; Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. М., 2004. С. 112.

³ Сухарев А. Большой юридический словарь. М., 2005. С. 672.

⁴ Кудрявцев В. Н. Юридическая конфликтология. М., 1993. С. 10.

практику. Роль практики и ее влияние на общество можно оценить только по ее результатам. Юридическая практика сводится к трем основным формам: правотворчеству, применению права, юридической деятельности участников правоотношений. В. И. Леушин указывает на двуединую природу субъекта практики: 1) решения, выраженные внешне и документально оформленные; 2) реальные фактические действия. Практика выступает единственным способом правового решения социальной ситуации, т. е. определения того, кому и какие права и обязанности принадлежат.

На наш взгляд, именно такой подход к толкованию понятия юридической практики наиболее разработан и предпочтителен. Рассматривая практику только в динамике (т. е. отождествляя ее с деятельностью), вряд ли можно говорить о ее воздействии на общественные отношения, поскольку как только речь заходит об изменении действительности, мы неизбежно сталкиваемся с представлениями о результате этих изменений. Более того, если признавать, что практика – деятельность в правовой сфере, то нужно помнить, что результат является элементом структуры самой деятельности, а значит, пренебрегать им и исключать его из определения нельзя.

Не вполне верным мы считаем и представление юридической практики как только формально выраженного итога деятельности. Да, возможно, сам процесс деятельности, пока он оформлен в виде того или иного решения, не изменяет правовой действительности. Однако он неизбежно влияет на результат, который будет складываться лишь благодаря существованию определенного порядка выполняемых действий в правовой сфере. Выбор методов и способов изменения правовой действительности происходит лишь на этапе деятельности, а потому его исключение из понятия юридической практики не позволит изучить ее полностью.

Итак, понятие юридической практики (наряду с деятельностью по принятию решений правового содержания¹ и итогом (результатами) такой деятельности) должно содержать указание и на субъекты юридической деятельности («профессиональных» и «непрофессиональных» участников правоотношений). Именно это делает возможным дальнейшее изучение понятия юридической практики и выработку новых дефиниций, учитывающих различные его аспекты.

На основании изложенного мы предлагаем следующее определение: *«Юридическая практика – целенаправленная культурно обусловленная и профессионально нормируемая деятельность особых субъектов (обладающих определенными правовыми знаниями и имеющих законные основания на осуществление подобной деятельности), направленная на формирование правовой действительности и объективируемая в установленных формах».*

Библиография

Sartre J. P. Critique of dialectical reason. L., 1976.

Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М., 1981. Т. 1.

Арефьева Г. С. Общество, познание, практика. М., 1988.

Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Соч.: в 4 т. / пер. Н. Брагинской. М., 1983. Т. 4.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М., 1995.

Большой юридический словарь / под ред. А. В. Малько. М., 2009.

Бозций Дакийский. О высшем благе, Или о жизни философа / пер. В. В. Бибикина // Вопр. философии. 1994. № 5.

Братусь С. Н. Судебная практика в советской правовой системе. М., 1975.

Бурдые П. Начала = Choses dites / пер. Н. А. Шматко. М., 1994.

Бэкон Ф. Соч.: в 2 т. М., 1978. Т. 1.

Галилей. Избр. труды: в 2 т. М., 1966. Т. 2.

Гегель Г. В. Ф. Соч.: в 14 т. М., 1938. Т. 12.

¹ Леушин В. И. Юридическая практика в системе общественных отношений. Красноярск, 1987. С. 52.

- Казимирчук В. П. Право и методы его изучения. М., 1965.
Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1965. Т. 4.
Кудрявцев В. Н. Юридическая конфликтология. М., 1993.
Ленин В. И. Диалектический материализм // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29, 38.
Леушин В. И. Юридическая практика в системе общественных отношений. Красноярск, 1987.
Локк Дж. Избранные философские произведения: в 2 т. М., 1960. Т. 1.
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М., 1955. Т. 3.
Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. М., 2004.
Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В. С. Степина. М., 2010. Т. 3.
Платон. Государство // Платон. Собр. соч.: в 4 т. М., 1994. Т. 3.
Плеханов Г. В. Собр. соч.: в 24 т. / под ред. Д. Рязанова. М., 1925. Т. 3, 7.
Радько Т. Н. Теория государства и права в схемах и определениях: учеб. пособие. М., 2011.
Реутов В. П. Стадии воздействия юридической практики на развитие законодательства // Правоведение. 1970. № 3.
Сабо И. Основы теории права / под ред. В. А. Туманова. М., 1974.
Сухарев А. Большой юридический словарь. М., 2005.
Элементарные начала общей теории права: учеб. пособие для вузов / под ред. В. И. Червонюка. М., 2003.
Эриугена И. С. О разделении природы // Антология средневековой мысли. Теология и философия европейского Средневековья: в 2 т. / пер. С. С. Неретиной. СПб., 2008. Т. 1.
Явич Л. С. Общая теория права. Л., 1976.

Bibliography

- Alekseev S. S. Obshchaya teoriya prava: v 2 t. M., 1981. T. 1.
Aref'eva G. S. Obshchestvo, poznanie, praktika. M., 1988.
Aristotel'. Nikomakhova ehtika // Aristotel'. Soch.: v 4 t. / per. N. Braginskoy. M., 1983. T. 4.
Behkon F. Soch.: v 2 t. M., 1978. T. 1.
Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovaniye real'nosti: traktat po sociologii znaniya. M., 1995.
Boehcij Dakijskij. O vysshem blage, ili o zhizni filosa / per. V. V. Bibixina // Vopr. filosofii. 1994. № 5.
Bol'shoj yuridicheskij slovar' / pod red. A. V. Mal'ko. M., 2009.
Bratus' S. N. Sudebnaya praktika v sovetskoj pravovoj sisteme. M., 1975.
Burd'e P. Nachala = Choses dites / per. N. A. Shmatko. M., 1994.
Ehlementarnye nachala obshhej teorii prava: ucheb. posobie dlya vuzov / pod red. V. I. Chervonyuka. M., 2003.
Ehriugena I. S. O razdelenii prirody // Antologiya srednevekovoy mysli. Teologiya i filosofiya evropejskogo Srednevekov'ya: v 2 t. / per. S. S. Neretinoj. SPb., 2008. T. 1.
Galilej. Izbr. trudy: v 2 t. M., 1966. T. 2.
Gegel' G. V. F. Soch.: v 14 t. M., 1938. T. 12.
Kant I. Soch.: v 6 t. M., 1965. T. 4.
Kazimirchuk V. P. Pravo i metody ego izucheniya. M., 1965.
Kudryavcev V. N. Yuridicheskaya konfliktologiya. M., 1993.
Lenin V. I. Dialekticheskij materializm // Lenin V. I. Poln. sobr. soch. T. 29, 38.
Leushin V. I. Yuridicheskaya praktika v sisteme obshchestvennyx otnoshenij. Krasnoyarsk, 1987.
Lokk Dzh. Izbrannyye filosofskie proizvedeniya: v 2 t. M., 1960. T. 1.
Marks K., Ehngel's F. Soch. M., 1955. T. 3.
Matuzov N. I., Mal'ko A. V. Teoriya gosudarstva i prava. M., 2004.
Novaya filosofskaya ehnciklopediya: v 4 t. / pod red. V. S. Stepina. M., 2010. T. 3.
Platon. Gosudarstvo // Platon. Sobr. soch.: v 4 t. M., 1994. T. 3.
Plexanov G. V. Sobr. soch.: v 24 t. / pod red. D. Ryazanova. M., 1925. T. 3, 7.
Rad'ko T. N. Teoriya gosudarstva i prava v sxemax i opredeleniyax: ucheb. posobie. M., 2011.
Reutov V. P. Stadii vozdejstviya yuridicheskoy praktiki na razvitie zakonodatel'stva // Pravovedenie. 1970. № 3.
Sabo I. Osnovy teorii prava / pod red. V. A. Tumanova. M., 1974.
Sartre J. P. Critique of dialectical reason. L., 1976.
Suxarev A. Bol'shoj yuridicheskij slovar'. M., 2005.
Yavich L. S. Obshchaya teoriya prava. L., 1976.

**ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ:
НЕКОТОРЫЕ ДОКТРИНАЛЬНЫЕ И НОРМАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ****Мануйлов Антон Евгеньевич**

Помощник ректора Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: mae7629@gmail.com

Представлен обзор некоторых доктринальных подходов к определению категорий «контроль» и «общественный контроль». Отмечено, что категория «общественный контроль» в современном российском законодательстве трактуется ограничительно. Названы основные признаки общественного контроля и приведено авторское определение этого понятия.

Ключевые слова: общественный контроль, государство, функции государства, гражданское общество

**PUBLIC CONTROL:
A NUMBER OF DOCTRINAL AND NORMATIVE ASPECTS****Manuilov Anton**

Ural State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: mae7629@gmail.com

There is a review of some doctrinal approaches to the definition of «control» and «public control». In author's opinion, the category «public control» is narrowly interpreted. He reveals the main characteristics of public control and gives his own definition of this concept.

Key words: public control, state, state functions, civil society

В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 2011 г.¹ отмечалось, что одной из целей развития российского общества является приближение к народу важнейших функций государства, обеспечение качественного исполнения обязанностей государства перед гражданами. Это обуславливает необходимость поиска новых подходов к организации взаимодействия государственных структур и институтов гражданского общества.

В настоящее время расширяется практика привлечения общественных объединений к рассмотрению вопросов управления социально-экономической сферой, привлечения на общественной основе граждан в качестве специалистов и экспертов для решения проблем государственного управления, активизируется работа общественных формирований, действующих при органах публичной власти. Общественное мнение в деятельности органов публичной власти представляет собой один из важнейших критериев оценки работы государственного аппарата.

Многие аспекты института общественного контроля в юридической науке, на наш взгляд, раскрыты недостаточно полно и нуждаются в научном исследовании.

Контролю, в том числе общественному, уделялось пристальное внимание уже в работах 1960–70-х гг. Например, В. Г. Афанасьев² и В. Э. Шляпентох³ рассматривали контроль широко – как форму социалистической демократии, функцию социального управления,

¹ Рос. газ. 2011. 23 дек.

² Афанасьев В. Г. Научное управление обществом. М., 1973.

³ Шляпентох В. Э. Социология для всех. М., 1970.

функцию Советского государства, форму вовлечения трудящихся в управление, средство их коммунистического воспитания, обеспечения дисциплины и законности в государственной и общественной деятельности.

Польский ученый Е. Старосьяк утверждал, что контроль сам по себе не представляет первичной деятельности, а касается действий, осуществляемых независимо от контроля¹. В. М. Горшенев и И. Б. Шахов характеризовали контроль в рамках деятельностного подхода: «Прежде всего, контроль – такая правовая форма деятельности, юридическая природа которой определяется тем, что соответствующий контрольный орган или его должностное лицо ставятся в условия, когда они должны непосредственно использовать нормы права для разрешения конкретных юридических задач. Причем в качестве предмета операций в данном случае выступают одновременно и нормы материального, и нормы процессуального права»².

Б. А. Страшун рассматривает контроль как одну из неотъемлемых функций управления, позволяющую сопоставить фактический результат управленческой деятельности с желаемым, выявить ее недостатки и их причины³. Н. В. Лазарева определяет контроль как систему наблюдения, сопоставления, проверки и анализа функционирования управляемого субъекта с целью оценки обоснованности и эффективности принимаемых и принятых управленческих решений, выявления степени их реализации, наличия отклонений фактических результатов от заданных параметров и нормативных предписаний и принятия решений по их ликвидации⁴. Р. Г. Сомоев отмечает, что контроль представляет собой систему наблюдения, сопоставления, проверки и анализа функционирования управляемого объекта с целью оценки обоснованности и целесообразности принимаемых и принятых решений, выявления степени их реализации, наличия отклонений фактических результатов от заданных параметров и нормативных предписаний и принятия решений по их ликвидации⁵.

А. В. Ерицян трактует контроль как правовую процедуру, направленную на выявление возможных составов правонарушений, состоящую из трех стадий: получение контролирующим субъектом необходимой информации, правовая квалификация и принятие решения о применении принудительных мер к подконтрольному объекту⁶.

В Лимской декларации руководящих принципов контроля, принятой на IX Конгрессе Международной организации высших контрольных органов, отмечается, что контроль является не самоцелью, а неотъемлемой частью системы регулирования, ориентированной на вскрытие отклонений от принятых стандартов и нарушений принципов законности, эффективности и экономии расходования материальных ресурсов на максимально ранней стадии с тем, чтобы иметь возможность принять корректирующие меры, привлечь виновных к ответственности, получить компенсацию за причиненный ущерб или осуществить мероприятия по предотвращению или сокращению подобных нарушений в будущем⁷.

¹ Старосьяк Е. Элементы науки управления. М., 1965. С. 197.

² Горшенев В. М., Шахов И. Б. Контроль как правовая форма деятельности. М., 1987. С. 12.

³ Страшун Б. А. Конституционное право зарубежных стран: учеб. М., 1996. С. 304.

⁴ Лазарева Н. В. Финансовый контроль как элемент управления финансовыми ресурсами территории. Ростов н/Д, 2000. С. 51.

⁵ Сомоев Р. Г. Бюджетный контроль в РФ. СПб., 1998. С. 5.

⁶ Ерицян А. В. Государственный контроль за соблюдением законодательства субъектами предпринимательской деятельности (теоретический аспект) // Государство и право. 2002. № 2. С. 106.

⁷ Филиппова Н. А., Ефремова Т. А. Повышение результативности налогового контроля: теория и практика. Саранск, 2010. С. 5.

Представляет интерес такой правовой аспект контрольной деятельности, как разработка вопросов о взаимосвязи контроля и власти как общественного отношения, о властном характере контрольных действий. «Власть контроля» проявляется в наличии у контрольных органов ряда полномочий, предоставленных законом¹. В рамках режима законности контроль рассматривается как один из способов обеспечения данного режима. При осуществлении контроля субъект не только не ограничивается решением вопросов, связанных с соблюдением обязательных предписаний законов и других нормативных правовых актов, но и проверяет целесообразность деятельности контролируемого объекта. Положение усугубляется тем, что в современных условиях все больший вес приобретают сложные объекты, контроль за которыми не вписывается в рамки сложившихся методологических представлений. Ошибки контроля за такими объектами приводят к серьезным моральным и материальным потерям общества. Это напрямую относится к общественному контролю.

Таким образом, при существующем многообразии дефиниций понятия «контроль» его общепризнанного определения в науке сегодня не сложилось. Усугубляет ситуацию и отсутствие толкования производной от него категории «общественный контроль». В современном законодательстве России, на наш взгляд, она трактуется преимущественно ограничительно. Принятие Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (далее – Закон № 212-ФЗ)² поставило точку в дискуссии о необходимости комплексной регламентации общественного контроля в России. Проект данного Закона претерпел большое число редакций, при этом изменения касались не только юридической техники, но и идеологической составляющей его положений. По проекту Закона после его рассмотрения в правовом управлении Аппарата Совета Федерации было высказано много замечаний. В частности, сомнения вызвала самостоятельность предмета его регулирования, так как законопроект либо частично дублировал положения уже действующих нормативных актов, либо вводил новые, которые не согласовывались с уже действующими, что нарушало системность регулирования, либо содержал множественные отсылки к иным нормативным актам.

Закон должен был стать правовой базой для развития интегрированных в систему электронной демократии форм гражданского участия, в том числе общественных экспертиз, мониторингов, общественных инициатив, проверок, слушаний и т. д. Разработчики законопроекта предостерегали, что есть те, кто хотел бы «вычистить» из законопроекта все реальные правовые механизмы и оставить только пустые декларации, приводя в качестве негативного исторического примера Закон СССР 1979 г. о трудовых коллективах. Эти опасения были небезосновательны.

В ходе «борьбы за закон» существенно изменилось понимание общественного контроля. В редакции законопроекта, вынесенной на общественное обсуждение в Общественной палате России 3 ноября 2012 г., общественным контролем называлась деятельность субъектов общественного контроля по наблюдению, проверке и оценке соответствия общественным интересам деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных объектов общественного контроля. Ключевым в рамках данного определения выступало понятие общественных интересов, которые в редакции 2012 г. трактовались как «осознаваемые обществом потребности в обеспечении безопасности, стабильности, устойчивом развитии общества, прав и свобод граждан, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права». Из итогового текста Закона № 212-ФЗ исчезло понятие обществен-

¹ Новиков А. В. Контроль в социально-политической системе российского общества. М., 2005. С. 9.

² СЗ РФ. 2014. № 30 (Ч. 1). Ст. 4213.

ного интереса, а под общественным контролем стала пониматься деятельность субъектов общественного контроля, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений¹.

На наш взгляд, нужно выделить следующие основные признаки общественного контроля: 1) является деятельностью субъектов гражданского общества; 2) имеет особый субъект деятельности – граждане и их объединения; 3) нацелен на обеспечение соблюдения законности и правопорядка; 4) может осуществляться лишь в условиях широкого доступа к информационным ресурсам.

Итак, под общественным контролем можно понимать осуществляемую в условиях широкого доступа к информационным ресурсам деятельность субъектов гражданского общества по наблюдению за деятельностью органов государственной власти, органов государства, организаций, ее анализу и последующему реагированию на выявленные нарушения с целью обеспечения законности и правопорядка в обществе.

Библиография

Афанасьев В. Г. Научное управление обществом. М., 1973.

Горшенев В. М., Шахов И. Б. Контроль как правовая форма деятельности. М., 1987.

Ерицын А. В. Государственный контроль за соблюдением законодательства субъектами предпринимательской деятельности (теоретический аспект) // Государство и право. 2002. № 2.

Исаева Е. А. Формирование комплексной нормативной базы для внедрения общественного контроля в России. М., 2014.

Лазарева Н. В. Финансовый контроль как элемент управления финансовыми ресурсами территории. Ростов н/Д, 2000.

Новиков А. В. Контроль в социально-политической системе российского общества. М., 2005.

Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ // СЗ РФ. 2014. № 30 (Ч. 1). Ст. 4213.

Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 2011 г. // Рос. газ. 2011. 23 дек.

Сомоев Р. Г. Бюджетный контроль в РФ. СПб., 1998.

Старосьцяк Е. Элементы науки управления. М., 1965.

Страшун Б. А. Конституционное право зарубежных стран: учеб. М., 1996.

Филиппова Н. А., Ефремова Т. А. Повышение результативности налогового контроля: теория и практика. Саранск, 2010.

Шляпентох В. Э. Социология для всех. М., 1970.

Bibliography

Afanas'ev V. G. Nauchnoe upravlenie obshhestvom. M., 1973.

Ericyan A. V. Gosudarstvennyj kontrol' za soblyudeniem zakonodatel'stva sub'ektami predprinimatel'skoj deyatel'nosti (teoreticheskij aspekt) // Gosudarstvo i pravo. 2002. № 2.

Filippova N. A., Efremova T. A. Povyshenie rezul'tativnosti nalogovogo kontrolya: teoriya i praktika. Saransk, 2010.

Gorshenev V. M., Shaxov I. B. Kontrol' kak pravovaya forma deyatel'nosti. M., 1987.

Isaeva E. A. Formirovanie kompleksnoj normativnoj bazy dlya vnedreniya obshhestvennogo kontrolya v Rossii. M., 2014.

Lazareva N. V. Finansovyj kontrol' kak ehlement upravleniya finansovymi resursami territorii. Rostov n/D, 2000.

¹ Исаева Е. А. Формирование комплексной нормативной базы для внедрения общественного контроля в России. М., 2014. С. 152–153.

- Novikov A. V.* Kontrol' v social'no-politicheskoy sisteme rossijskogo obshhestva. M., 2005.
- Ob osnovax obshhestvennogo kontrolya v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 21 iyulya 2014 g. № 212-FZ // SZ RF. 2014. № 30 (Ch. 1). St. 4213.
- Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii Federal'nomu Sobraniyu Rossijskoj Federacii 2011 g. // Ros. gaz. 2011. 23 dek.
- Shlyapentox V. Eh.* Sociologiya dlya vsekh. M., 1970.
- Somoev R. G.* Byudzhetnyj kontrol' v RF. SPb., 1998.
- Staros'cyak E.* Ehlementy nauki upravleniya. M., 1965.
- Strashun B. A.* Konstitucionnoe pravo zarubezhnyx stran: ucheb. M., 1996.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА
УСТАНОВЛЕНИЯ ПРЯМЫХ ИСХОДНЫХ ЛИНИЙ В АРКТИКЕ**Вылегжанин Александр Николаевич**

Заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой международного права Московского государственного института
международных отношений МИД России (Москва),
e-mail: danilalvy@mail.ru

Дудыкина Инна Петровна

Кандидат юридических наук, эксперт Аналитического центра
при Правительстве Российской Федерации (Москва),
e-mail: inna_mel3008@mail.ru

Моргунов Борис Алексеевич

Доктор географических наук, директор Института экономики природопользования
и экологической политики Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (Москва),
e-mail: bmorgunov@hse.ru

Характеризуется практика установления государствами исходных линий. Авторы анализируют применимые международные обычаи, касающиеся данной практики, уделяют особое внимание комментариям к статьям по морскому праву, принятым Комиссией международного права ООН. Кроме того, они исследуют и сопоставляют официальные позиции в отношении установления исходных линий иностранных арктических государств: Дании (в части острова Гренландии), Канады, Норвегии, Исландии, а также США. Отмечаются юридические особенности установления Норвегией прямых исходных линий вдоль побережья архипелага Шпицберген. В заключение предлагается своеобразный реестр географических, экономических, международно-правовых и национально-законодательных факторов, которые учитывались названными арктическими государствами при уточнении местоположения исходных линий вдоль их побережья в морях Северного Ледовитого океана.

Ключевые слова: Северный Ледовитый океан, арктические государства, нормальные исходные линии, прямые исходные линии

THE INTERNATIONAL LEGAL REVIEW OF FOREIGN PRACTICES
ON DRAWING BASELINES IN THE ARCTIC REGION**Vylegzhanin Alexander**

MGIMO University (Moscow),
e-mail: danilalvy@mail.ru

Dudykina Inna

Analytical center for the Government of the Russian Federation (Moscow),
e-mail: inna_mel3008@mail.ru

Morgunov Boris

Higher School of Economics – National Research University (Moscow),
e-mail: bmorgunov@hse.ru

The authors describe foreign practices on drawing baselines in the Arctic region. They analyze some international customs related to such practices, pay special attention to the commentaries to articles concerning the law of the sea, adopted by the International Law Commission. Besides that, they

compare the official positions by the foreign arctic states in relation to drawing baselines: Denmark (in relation to Greenland), Canada, Norway, Iceland as well as the USA. It is stated that the straight baselines drawn along the coastline of the Svalbard archipelago by Canada is rather distinctive. In conclusion the authors propose the range of geographic, economic, international legal, and national legal factors which were taken into account by the mentioned arctic states in order to clarify the location of baselines along the coast of the Arctic Ocean.

Key words: Arctic Ocean, Arctic states, normal baselines, straight baselines

Россия имеет самое протяженное в мире материковое побережье в Северном Ледовитом океане. Данное утверждение справедливо при любом из двух толкований географического и правового термина «Северный Ледовитый океан», используемых в современной науке. Первое приведено в изданной Наркоминделом СССР книге В. Л. Лахтина: это все водные, ледовые, подводные и подледные части Мирового океана, находящиеся к северу от Северного полярного круга¹. Второе сформулировано, в частности, Всемирной гидрографической организацией: это еще и примыкающие к Северному полярному кругу с юга некоторые районы Мирового океана. Наличие у России столь протяженного арктического побережья в свою очередь является правоустанавливающим фактом. В силу него наша страна имеет наибольшие по площади территориальное море, исключительную экономическую зону, континентальный шельф в Арктике². Ширина всех этих морских пространств отсчитывается от исходных линий.

В соответствии с международным правом различают: 1) нормальные исходные линии, т. е. линии наибольшего отлива вдоль морского побережья государства; 2) прямые исходные линии, соединяющие избранные прибрежным государством выступающие в море точки берега. Нормы международного права об исходных линиях представлены: а) в обычных нормах международного права; б) договорных нормах, прежде всего в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (далее – Конвенция 1982 г.) и Конвенции о территориальном море и прилежащей зоне 1958 г. (далее – Конвенция 1958 г.). Согласно Конвенции 1982 г. нормальной исходной линией государства считается «линия наибольшего отлива вдоль берега, указанная на официально признанных прибрежным государством морских картах крупного масштаба», «если иное не предусмотрено в настоящей Конвенции» (ст. 5). Вместе с тем возможно проведение и прямых исходных линий – прежде всего «в местах, где береговая линия глубоко изрезана и извилиста или где имеется вдоль берега и в непосредственной близости к нему цепь островов», через определенные точки, без «скольких-нибудь заметных отклонений от общего направления берега» и с сохранением «тесной связи» вод, заключаемых во внутренние воды, с береговой территорией (ст. 7 Конвенции 1982 г.). Аналогичные нормы содержатся в ст. 3 и 4 Конвенции 1958 г.

В настоящее время проблема толкования и выполнения правовых норм об исходных линиях в Северном Ледовитом океане имеет для Российской Федерации приоритетное значение. Россия в целях обеспечения экономических и иных интересов в Арктике вправе обозначить новые прямые исходные линии. Такие уточнения, вместе с тем, допустимы в рамках корректного толкования применимых международно-правовых норм и с учетом соответствующего зарубежного опыта, прежде всего Дании, Канады, Норвегии – граничащих с Россией государств, имеющих смежные и противолежащие по отношению к ней арктические побережья. В отличие от названных арктических государств, США

¹ Лахтин В. Л. Права на северные полярные пространства. М., 1928.

² О правовом режиме морских пространств см.: Международное морское право / отв. ред. С. А. Гуреев. М., 2003. С. 448.

придерживаются подхода, в соответствии с которым исходные линии, в том числе вдоль арктического побережья, проводятся по линии наибольшего отлива¹.

Начнем характеристику практики установления государствами исходных линий с анализа применимых международных обычаев. К международным обычаям относятся правила поведения, которые складываются постепенно вследствие повторяющихся действий государств (практики государств); признаются юридически обязательными, т. е. наличествует, как отметил Международный суд ООН в деле «Ливия против Мальты» (1985 г.), *opinio juris* – мнение, убеждение государств в юридической обязательности таких правил. При этом «общая практика» государств должна быть «последовательной и внутренне согласованной»².

Международный суд ООН в деле о рыбных ресурсах («Великобритания против Норвегии» 1951 г.), чаще называемом делом об исходных линиях, решал главным образом вопрос о правомерности проведения Норвегией прямых исходных линий для отсчета ширины ее территориального моря и рыболовной зоны. Это решение Суда стало «юридической классикой», на него ссылаются государства при обосновании своих позиций относительно проведения исходных линий.

Как установил Суд, королевским декретом Норвегии от 12 июля 1935 г. были обозначены прямые исходные линии для отсчета ширины территориального моря данного государства. Эти прямые линии соединяли перечисленные в Декрете точки на материковом побережье, наиболее выступающие в море, а также точки шхерного пояса северного побережья Норвегии (точки не только на континентальной части норвежского побережья страны, но и на островной, а также на скалах).

В соответствии с законодательством Норвегии ширина ее территориального моря на тот период составляла 4 морские мили, такую же ширину имела рыболовная зона страны. Правительство Норвегии уведомило, что оно «будет обходиться сдержанно» с иностранными рыбаками. Однако с 1948 г. норвежские власти стали жестко пресекать нарушения пределов рыболовной зоны, определенных с учетом прямых исходных линий, и задерживать британские траулеры. В ответ на это Великобритания в сентябре 1949 г. возбудила дело в Международном суде ООН, запросив Суд прежде всего «огласить принципы международного права, применимые к установлению исходных линий, со ссылкой на которые правительство Норвегии вправе осуществить делимитацию рыболовной зоны, простирающейся в море от этих исходных линий на 4 морские мили и резервируемой исключительно для норвежских подданных». Понятно, что запрашивалось содержание применимых обычно-правовых норм международного права, поскольку конвенционных норм об исходных линиях на тот период еще не было. Норвегия доказывала в Суде правомерность своих действий, прося учесть тот факт, что декрет от 12 июля 1935 г. не противоречит международному праву и что Норвегия в любом случае имеет исторические права на все воды в пределах, определенных этим декретом.

Суд признал, что ширина территориального моря отсчитывается по общему правилу от линии наибольшего отлива. Вместе с тем Суд напомнил, что исходные линии для отсчета ширины территориального моря могут проводиться несколькими способами,

¹ Общеисторические характеристики международно-правовых оснований проведения исходных линий, в том числе в Арктике, изложены в ряде работ (См., например: Новое в международном морском праве / отв. ред. М. И. Лазарев. М., 1972. С. 117–139; Колодкин А. Л. Правовой режим территориальных вод и открытого моря. М., 1961. С. 21–24; Вылегжанин А. Н., Гуреев С. А., Иванов Г. Г. Международное морское право. М., 2003. С. 75–95; Elferink A. G. O., Rothwell D. R. The Law of the Sea and Polar Maritime Delimitation and Jurisdiction. The Hague, 2001. P. 68–84; Вылегжанин А. Н. К толкованию международно-правовых постановлений об исходных линиях // Московский журн. междунар. права. 2011. № 2. С. 3–22.

² Подробнее см.: Вылегжанин А. Н., Каламкарян Р. А. Значение международного обычая в современном международном праве // Московский журн. междунар. права. 2012. № 2. С. 5–29.

в том числе параллельно извилинам берега (способ «параллельной трассы»); спрямлением в некоторых пределах извилин, вогнутостей на побережье (способ прямых исходных линий); проведением дуг, соединяющих определенные точки берега. Суд счел правомерным отсчитывать ширину территориального моря от внешней цепи шхерных скал, образующих с континентальным побережьем Норвегии «одно целое». Сделав значимый вывод о том, что исходные линии могут не только следовать общему направлению побережья, но и обозначаться прямыми линиями, соединяющими наиболее выступающие в море места на побережье, Суд не квалифицировал избранный Норвегией способ прямых исходных линий как противоречащий международному праву, отклонив доводы Великобритании.

Выводы Суда о правомерности проведения прямых исходных линий были восприняты Комиссией международного права ООН и впоследствии учтены государствами-участниками I Конференции ООН по морскому праву 1958 г.: в Конвенции 1958 г. предусматривается, в частности, что «нормальной исходной линией для измерения ширины территориального моря является линия наибольшего отлива вдоль берега, указанная на официально признанных прибрежным государством морских картах крупного масштаба» (ст. 3); а в местах, «где береговая линия глубоко изрезана и извилиста или где имеется вдоль берега и в непосредственной близости к нему цепь островов, для проведения исходной линии, от которой отмеряется территориальное море, может применяться метод прямых исходных линий, соединяющих соответствующие пункты» (ст. 4). Некоторые современные аспекты толкования этого судебного решения принимались во внимание при уточнении исходных линий, проходящих вдоль арктического побережья Норвегии, Дании, Канады.

В обоснование правомерности проведения Норвегией прямых исходных линий по Декрету 1935 г. Суд сослался на хозяйственную значимость такой делимитации для местного населения. Норвежцы «с незапамятных времен» вели промысел на спорных участках моря, жизненно важных для местного хозяйства. Участки моря, как описывал Суд, ограничивались ими путем проведения прямых линий между выбранными точками «желаемых» местностей, полных морской фауны. Все это происходило в течение долгого времени, сформировав некое обыкновение, которое следует должным образом учитывать.

Суд также отметил, что промульгирование Норвегией декретов 1869 и 1889 гг., в которых она последовательно проводила политику установления прямых исходных линий, не вызвало протеста других государств, кроме Великобритании. При этом указанные нормативные акты Суд счел прецедентными, положенными в основу целостной, «хорошо определенной и единообразной системы» Норвегии в части установления исходных линий. «Пассивная» реакция заинтересованных государств на данные акты позволила сделать Суду вывод о том, что практика Норвегии юридически признана, поскольку не было ее принципиального неприятия, и что применение Норвегией метода прямых исходных линий вызвано особыми географическими, экономическими и историческими факторами и соответствует международному праву. Суд также пошел навстречу Норвегии в вопросе о протяженности прямых исходных линий, указав, что в современном международном праве нет общепризнанного понимания того, нужно ли данные линии ограничивать по протяженности, и нет единообразной практики их установления.

Конвенцией 1982 г. предусмотрены некоторые правила проведения прямых исходных линий: необходимо соблюдать «достаточно тесную» связь между внутренними участками проводимых линий и береговой линией прибрежного государства для того, чтобы на них можно было распространить режим внутренних вод; недопустимо «сколько-нибудь

заметное отклонение от общего направления берега»; «при установлении отдельных исходных линий могут приниматься в расчет особые экономические интересы данного района, реальность и значение которых ясно доказаны их длительным существованием». Но и в Конвенции 1982 г. не предусмотрена максимальная протяженность прямых исходных линий. Воды, расположенные в сторону берега от исходной линии территориального моря, составляют часть внутренних вод государства (п. 1 ст. 8 Конвенции 1982 г.), т. е. прибрежное государство обладает в этих водах суверенитетом. Если же проведение прямых исходных линий приводит к включению во внутренние воды прибрежного государства районов, которые до того рассматривались как часть территориального моря или открытого моря, то это государство обязано предоставить судам других государств право мирного прохода в этих водах (п. 2 ст. 8 Конвенции 1982 г.).

От прямых исходных линий следует отличать прямые архипелажные исходные линии (или исходные линии архипелага). Ни одно из пяти государств, прибрежных к Северному Ледовитому океану, не является государством-архипелагом, поэтому конвенционные постановления об архипелажных исходных линиях (в том числе об их максимальной длине) к ним не применимы.

В практике государств используются прямые исходные линии разной протяженности. Так, Бирма в ходе делимитации вод залива Мартабан установила прямую исходную линию через его вход длиной порядка 220 морских миль (эта линия связывает наиболее удаленные в сторону моря пункты); от самых ближних к материку островов проведены исходные линии длиной 75 морских миль, а замыкающая линия в устье реки Ситтанг достигает 120 миль (декларация президента Бирмы от 15 ноября 1968 г.). Гвинея согласно закону от 3 июня 1964 г. провела исходную линию длиной 120 морских миль от юго-западной оконечности острова Сено на юг до юго-западной оконечности острова Тамара. Мавритания декретом от 21 января 1967 г. установила прямую исходную линию длиной 89 морских миль, связывающую мысы Кап-Блан и Тимирис. Филиппины использовали прямые исходные линии протяженностью до 140 морских миль, Эквадор – до 147, Индонезия – до 120. Подобная практика не встретила протестов большинства государств.

В соответствии с Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 899 (IX) от 14 декабря 1954 г. Комиссия международного права ООН (далее – Комиссия, КМП) систематизировала нормы по морскому праву. В 1956 г. КМП приняла текст статей по морскому праву, а также дала к ним комментарии. Поскольку в последующем упомянутые статьи легли в основу четырех Женевских морских конвенций 1958 г., Комментарии КМП до сих пор имеют практическое значение.

КМП так сформулировала правило о нормальной исходной линии: «С исключениями, предусматриваемыми в постановлениях статьи 5 и в постановлениях, относящихся к заливам и островам, ширина территориального моря отмеряется от линии наибольшего отлива вдоль берега, как она обозначается на картах большого масштаба, официально признаваемых прибрежным государством» (ст. 4). По вопросу о режиме прямых исходных линий КМП предусмотрела следующее: «Если обстоятельства вызывают необходимость в установлении специального режима ввиду того, что берег очень извилист или изрезан или имеются острова в непосредственной к нему близости, то исходная линия может не зависеть от линии наибольшего отлива. В этих случаях допускается пользоваться методом проведения прямых исходных линий, соединяющих соответствующие точки. При проведении таких исходных линий не допускается сколько-нибудь заметных отклонений от общего направления берега, а участки моря, лежащие с внутренней стороны этих линий, должны быть достаточно тесно связаны с владениями на суше, чтобы распространить на них режим внутренних вод. Тем не менее могут приниматься, где не-

обходимо, во внимание составляющие особенность какого-либо района экономические интересы, о реальности и значении которых ясно свидетельствует долговременная практика. Исходные линии не должны проводиться ни от обсыхающих скал и обсыхающих банок, ни к таким скалам и банкам. Прибрежное государство должным образом объявляет о проведенных им прямых исходных линиях во всеобщее сведение» (ст. 5).

В комментарии к ст. 5 КМП обратилась к рассмотренному решению Международного суда ООН по спору между Великобританией и Норвегией и пояснила: «При таких условиях уже нельзя ссылаться на правило о линии наибольшего отлива, которое предписывает следовать линии берега со всеми ее извилинами. Далее, те очень многие отклонения, которые необходимы вследствие такой изрезанности берега, нельзя считать простыми исключениями из этого правила. Подобные исключения отменяли бы самое правило. Такой берег, если смотреть на него как на целое, требует применения иного метода, а именно – метода проведения исходных линий, которые могли бы отклоняться, в разумных пределах, от физической линии берега...». Некоторые члены Комиссии подчеркивали, что КМП выработала указанные постановления для применения «в качестве общего правила» и от них всегда можно будет отступать, если это оправдывается особыми обстоятельствами; прямые исходные линии могут проводиться только между пунктами, находящимися на территории какого-либо одного государства; соглашение между двумя государствами, по которому такие исходные линии проводятся по берегу и соединительным пунктам, находящимся на территориях различных государств, не может быть обязательно для других государств.

Анализ положений об исходных линиях дан также в шеститомном Комментарии к Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.¹ Это наиболее цитируемое издание, в том числе в материалах ООН. Авторы Комментария, воспроизводя ст. 5 Конвенции 1982 г. о том, что «нормальной исходной линией для измерения ширины территориального моря является линия наибольшего отлива вдоль берега», пишут, что начальная формулировка этой статьи («Если иное не предусмотрено в настоящей Конвенции») указывает на возможность определения исходных линий другими методами, не только по линиям отлива. При этом сделаны ссылки на ст. 6 («Рифы»), ст. 7 («Прямые исходные линии»), ст. 9 («Устья рек»), ст. 10 («Заливы»), ст. 13 («Осыхающие при отливе возвышения») и ст. 14 (о сочетании различных методов) Конвенции.

Секретариат ООН в исследовании по вопросам исходных линий дал определения некоторых терминов, в том числе термина «прямые исходные линии»: это системы линий, напрямую соединяющих установленные или расчетные точки². В Комментарие отмечается общеизвестное: с математической точки зрения прямая линия – это кратчайшее расстояние между двумя точками; подчеркивается, что Конвенцией 1982 г. установлены два географических обстоятельства, позволяющие использовать метод прямых исходных линий: 1) береговая линия «глубоко изрезана и извилиста»; 2) «вдоль берега или в непосредственной близости к нему имеется цепь островов». Первое положение взято без изменения из упомянутого решения Международного суда ООН 1951 г. Второе – это несколько измененная формулировка, использованная Судом в том же решении.

Наличие лишь нескольких изолированных островов не формирует, по мнению авторов Комментария, «достаточно устойчивой цепи». Такие группы островов относят к одной из следующих категорий: острова, которые, по всей вероятности, образуют одно целое с материком; острова, расположенные на некотором расстоянии от побережья, соз-

¹ UN Convention on the Sea. 1982. A Commentary: Vol. I–VI / ed. by M. H. Nordquist. Dordrecht; Boston; L., 1985–1992. Vol. II.

² Baselines: An Examination of the Relevant Provisions of the United Nations Convention on the Law of the Sea. Appendix 1. Glossary of Technical Terms. 1989. P. 47.

дающие своего рода «экран», закрывающий значительную часть побережья со стороны моря. При этом, комментируя п. 3 ст. 7 Конвенции 1982 г. (закрепляющий два требования к определению прямых исходных линий), авторы подчеркивают: во-первых, прямые исходные линии не должны иметь каких-либо заметных отклонений от общего направления берега (что созвучно утверждению Суда о том, что «направление исходных линий не должно сколько-нибудь заметно отклоняться от общего направления берега»); во-вторых, морские районы, находящиеся с внутренней стороны этих линий, должны быть достаточно тесно связаны с массивом суши, чтобы на них можно было распространить режим внутренних вод. В Комментарий отмечено, что ни одно из этих требований не связано с необходимостью производить математические расчеты; нет каких-либо общепринятых критериев соответствия этим требованиям.

Конвенционный термин «особые экономические интересы данного района, реальность и значение которых ясно доказаны их длительным осуществлением» (п. 5 ст. 7 Конвенции 1982 г.) также взят из решения Международного суда 1951 г. Пункт 6 ст. 7 (о запрете такого проведения прямых исходных линий, при котором территориальное море другого государства оказалось бы «отрезанным от открытого моря» или исключительной экономической зоны) нацелен на то, чтобы сохранить доступ прибрежного государства к району открытого моря, несмотря на действия другого государства по установлению прямых исходных линий¹.

Возникает вопрос: соответствует ли такому прочтению применимых норм международного права современная практика Дании, Канады, Норвегии по проведению прямых исходных линий в Арктике? Так, Норвегия установила только прямые исходные линии вдоль всего своего побережья, а также вдоль значительно удаленного от ее материкового побережья острова Ян-Майен. Более того, Норвегия в 2001 г. провела лишь прямые исходные линии вдоль всего побережья архипелага Шпицберген без каких-либо консультаций с государствами-участниками Договора о Шпицбергене 1920 г. Аналогична практика Канады, которая провела только прямые исходные линии вдоль своего арктического побережья, тем самым включив в состав своих внутренних вод не только Северо-Западный проход, но и общие с Гренландией морские районы в море Линкольна и море Баффина. Требуют оценки и действия Дании и Исландии, которые, установив лишь прямые исходные линии вдоль арктического побережья, также существенно увеличили площадь своей морской территории. Еще больше вопросов вызывает позиция США, которые, в отличие от перечисленных арктических государств, не используют в Арктике прямые исходные линии.

Такая крупная экономическая и военная держава, как США, заинтересована в морском правопорядке, при котором максимально большие морские пространства лежали бы за пределами национального суверенитета и юрисдикции прибрежных государств и были бы открыты для американских вооруженных сил и хозяйствующих субъектов². Неудивительно поэтому политика США в данном вопросе: исходные линии должны в общем случае устанавливаться по линии наибольшего отлива с тем, чтобы под суверенитетом (и соответственно юрисдикцией) прибрежного государства находилось наименьшее пространство. Такого рода нормальные исходные линии США проводят и вдоль своего арктического побережья, используя замыкающие прямые линии только в случае «заливов в правовом смысле», т. е. заливов, которые по своим географическим параметрам отвечают правовым критериям, установленным в Конвенции 1958 г. (п. 1–5 ст. 7) и Конвенции 1982 г. (п. 1–5 ст. 10). США, однако, не имеют законодательства, которое

¹ UN Convention on the Sea. 1982. A Commentary. Vol. II. P. 97–103.

² Писарев В. Д. США и Мировой океан. М., 1977. С. 14 и след.

четко определяло бы пределы их внутренних вод. Это позволяет им, протестуя против юридических позиций других государств, осуществляя «систематический мониторинг их чрезмерных притязаний» на морские районы, конструировать для самих себя гибкое правовое поле экономической и иной морской деятельности.

Некоторые юридические вопросы установления прямых исходных линий на федеральном уровне детально рассматривались Верховным судом США в делах «USA v. Alaska» (1997 г.) и «USA v. State of Louisiana et al.» (1993 г.). Опираясь на анализ этих дел, можно заключить, что США исходят из правомерности учета исторически сложившихся правовых оснований при проведении прямых линий, замыкающих заливы¹. США, в настоящее время выступая против установления Данией, Канадой, Норвегией прямых исходных линий, вряд ли продолжат придерживаться данной позиции. Дело в том, что, во-первых, у этих государств и США есть масштабные общие экономические интересы, охватывающие, например, район открытого моря в центральной части Северного Ледовитого океана, за пределами 200-мильных экономических зон пяти арктических государств; во-вторых, не исключено, что сами США в будущем установят прямые исходные линии вдоль побережья Аляски.

Норвегия, как было показано, в прошлом умело опиралась на нормы международного обычного права о прямых исходных линиях. Эта страна в 1930-е гг. пошла по пути смелого (на тот период) установления весьма протяженных прямых исходных линий, которые включали в состав ее внутренних вод обширные морские пространства. В дальнейшем эта правовая политика получила развитие, особенно с принятием королевского декрета от 14 июня 2002 г. (действует сейчас в ред. 10 октября 2003 г.) относительно координат прямых исходных линий вдоль материкового побережья Норвегии. В этом акте приводятся актуальные до сих пор доводы в пользу правомерности проведения прямых исходных линий. Норвегия ссылается, во-первых, на особые географические условия, которые преобладают на ее побережье; во-вторых, на необходимость обеспечения жизненных интересов населения самой северной части страны; в-третьих, на исторически сложившиеся правовые основания, прежде всего на необходимость и далее исполнять имевшие место до 1935 г. законодательные требования в этой области (королевские декреты 1812, 1869, 1881 и 1889 гг.), т. е. выдвигая в качестве довода сложившуюся систему законодательных прецедентов. Установление исходных линий в Норвегии – это с точки зрения национального права прерогатива Короны (власти короля Норвегии), что подтверждается законом 2003 г. «О территориальном море и прилежащей зоне Норвегии» (ст. 1). Король имеет право определять исходные линии посредством принятия «правил».

Норвегия последовательно применяет нормы о прямых исходных линиях к своему арктическому побережью (примерно одна треть материкового побережья этой страны находится за пределами Северного полярного круга). Такие линии проведены не только вдоль ее материкового побережья, но и по наиболее отступающим точкам берегов острова Ян-Майен, несмотря на то что он не характеризуется значительными углублениями в береговой линии или множественностью островов в окружении.

Вместе с тем возникает вопрос о правомерности проведения Норвегией прямых исходных линий вдоль побережья Шпицбергена. Хотя Шпицберген – часть государственной территории Норвегии, он имеет особый статус в силу Договора о Шпицбергене 1920 г., предусматривающего вокруг островов «территориальные воды Шпицбергена», но не Норвегии². Норвегия, тем не менее, на основании королевского декрета от 25 сен-

¹ Подробнее см.: Вылегжанин А. Н., Матишов Г. Г., Моргунов Б. А. и др. Международно-правовая квалификация морских районов в качестве исторических вод (теория и практика государств). М., 2012. С. 76–85.

² Согласно Договору на условиях, предусмотренных им, признается суверенитет Норвегии над островами Шпицбергена (ст. 1), но граждане других государств-сторон Договора имеют «одинаковый

тября 1970 г. установила прямые исходные линии вокруг Шпицбергена без согласования с другими государствами-участниками Договора. От указанных в декрете координат и проведенных на их основе прямых исходных линий Норвегия отсчитала ширину «территориальных вод» Шпицбергена. В результате внутренними водами Норвегии стали большие участки моря, что, по мнению некоторых западных юристов, не вписывается в «разумное соотношение» между площадью суши и воды. Однако эта критика действий Норвегии малозаметна и игнорируется Министерством иностранных дел Норвегии. Практику Норвегии по установлению прямых исходных линий вдоль Шпицбергена правильнее проанализировать на более широкой правовой основе, т. е. в контексте современного толкования Договора о Шпицбергене 1920 г.¹, а этого западные критики не делают.

1 июня 2001 г. Норвегия издала предписания, которые предусматривают проведение новых прямых исходных линий вокруг Шпицбергена, отличающихся от тех, которые устанавливались королевским декретом 1970 г. Норвегия причины этих изменений объясняет достаточно свободно: например, «техническими ошибками», допущенными ранее². Новые прямые исходные линии включают в себя значительно более широкие морские пространства – это видно и на картах, подготовленных Норвежским картографическим ведомством. Показательно, что 1 июля 2001 г., после введения в действие новых правил относительно прямых исходных линий вокруг Шпицбергена, об этом изменении получили уведомление все государства-участники Договора о Шпицбергене: им была направлена копия новых предписаний на двух официальных языках Договора – английском и французском. После этого список новых координат исходных линий Шпицбергена со ссылкой на ст. 16 Конвенции 1982 г.³ был открыт для всеобщего ознакомления и препровожден Генеральному секретарю ООН.

Практическое значение установления новых прямых исходных линий Шпицбергена понятно: чем удаленнее от побережья эти линии, тем дальше в море простираются территориальные воды Шпицбергена, которые Норвегия считает своим территориальными морем. Более того, Норвегия последовательно увязывает свое законодательство о «национальных парках» на Шпицбергене (включают в себя территориальные воды Шпицбергена) с вопросом о морских границах и режиме морских вод. Например, в соответствии с норвежским законодательством губернатор Шпицбергена может запретить проход судов в водах Шпицбергена, если они (воды) являются национальным парком⁴.

Исландия начала применять метод прямых исходных линий с 1952 г., т. е. еще до принятия морских конвенций 1958 г. Необходимые уточнения в исландскую систему установления исходных линий, однако, были внесены 30 июня 1958 г. В результате обмена нотами с Великобританией 11 марта 1961 г. по вопросу о делимитации морских пространств Исландия в том же году издала правила относительно юрисдикции Исландии в области рыболовства. Эти правила внесли некоторые коррективы в систему прямых ис-

свободный доступ для любой цели и задачи» в воды, фиорды и порты местностей Шпицбергена, включая занятие «всякими морскими, промышленными, горными и торговыми операциями на условиях полного равенства» (ст. 3).

¹ Подробнее см.: *Вылегжанин А. Н., Зиланов В. К.* Шпицберген. Правовой режим прилегающих морских пространств. М., 2006. С. 248.

² *Fife R. E., Jervell K.* Elements of Nordic Practice 2000 // Norway. Nordic Journal of International Law. 2001. Vol. 70. P. 555.

³ В п. 2 ст. 16 Конвенции установлено: «Прибрежное государство должным образом публикует... карты или перечни географических координат и сдает на хранение копию каждой такой карты или каждого такого перечня Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций».

⁴ *Current Legal Developments, International Maritime Organization* // International Journal of Estuarine & Coastal Law. 1988. Vol. 44.

ходных линий Исландии. Новая редакция координат прямых исходных линий увидела свет 14 июля 1972 г.

Система прямых исходных линий, установленная Исландией, изначально включала в себя 48 исходных точек, которые соединялись между собой прямыми линиями. Три острова (*Kolbeinsey, Hvalbakur, Geirfugladrangur*) были объявлены «вариантными» (*optional*), т. е. их исходные линии не включались в жесткую систему прямых исходных линий страны и могли быть оперативно изменены. Исходные линии вдоль двух углублений морского побережья (*Breidafjordhur, Faxaflói*) были проведены «расширительно» – прямыми замыкающими линиями. В 1961 г. в результате переговоров с Великобританией Исландия уменьшила количество исходных точек до 40. Общая протяженность прямых исходных линий составила 785,6 морских миль, самая длинная из них достигла 74,1 морских миль (она значительно протяженнее самой длинной из тех прямых исходных линий Норвегии, которые оспаривались Великобританией в 1951 г. в Международном суде ООН).

В целом правоведы склоняются к выводу о том, что система прямых исходных линий Исландии во многом похожа на норвежскую. Вместе с тем особого внимания потребовал вопрос о том, вправе ли это государство проводить прямые исходные линии вокруг всего географического архипелага. Признается, что Исландия действовала в соответствии с нормами Конвенции 1958 г., в частности учитывала интересы местного населения, исторические правовые основания, требование об экономической связи образуемых внутренних вод с промыслом в них и т. д. Но в международном праве на тот период не было общепризнанного понимания того, вправе ли государство проводить прямые исходные линии по всей окружности архипелага. При этом правоведы предлагали даже делать различие между двумя гипотетическими ситуациями: государство-остров рассматривается в качестве острова, архипелага (и проведение прямых исходных линий по всей его окружности не является признанным в международном праве); государство предстает как политико-географическое образование, не лишенное политических признаков материкового государства (в этом случае на береговую линию Исландии распространялся бы тот же режим, что и в общем порядке на материковое побережье).

Критиковали Исландию и за то, что некоторые из установленных ею прямых исходных линий значительно отклоняются от направления берега, и за сочетание метода нормальных исходных линий с методом прямых исходных линий (критики отмечали, что такая смена методов не имеет четкого юридического и логического обоснования), и за неразумное использование метода исходных линий (в некоторых случаях Исландия применяла его вместо метода нормальных исходных линий). Тем не менее позиция Исландии о правомерности установленных ею прямых исходных линий оставалась неизменной.

Дания наряду с другими арктическими государствами восприняла метод прямых исходных линий как правовой, защищающий ее экономические и иные интересы, в том числе в Арктике (около трех четвертей морского побережья Гренландии находится в Арктическом регионе). Основным источником правового регулирования этого вопроса в Дании стал королевский указ о делимитации территориального моря от 21 декабря 1966 г. (в ред. от 19 апреля 1978 г.). Национальную законодательную основу установления прямых исходных линий вдоль побережья Гренландии составляют исполнительные приказы 1976 г. № 629 (о рыбоохранной зоне Гренландии), 1980 г. № 176. Всего по побережью Гренландии было нормативно обозначено 75 сегментов в южной части и 82 – в северной; вдоль них были проведены прямые исходные линии. Самые длинные из них достигают 65,6, 67,2 и 66,4 морских миль на западном побережье и 67,2 и 80,1 морских миль на северном (близ полуострова Принцессы Дагмар). Интересно, что

и в этом случае международное сообщество молча согласилось с установлением Данией вдоль побережья Гренландии прямых исходных линий, существенно превышающих по длине те, что оспаривались в Международном суде ООН в 1951 г.

Канада установила прямые исходные линии в соответствии с декретом о морских территориальных географических координатах 1985 г., разделив свою береговую линию на 139 сегментов. Самые длинные исходные линии составляют 99,2 и 99,5 морских миль (вдоль побережья ряда заливов и проливов). В декрете 1985 г. зафиксировано такое понятие, как «район 7», в который входят канадские арктические острова и канадская арктическая материковая часть, а также прилегающие «ледовые» и «водные» территории. В соответствии с Декретом по атлантическому и арктическому побережью Канады исходные линии проведены дифференцированно: по прямым линиям, которыми должны быть соединены географические координаты, указанные в приложении 1 к декрету; по линиям наибольшего отлива от прибрежной материковой части (приложение 2); по линиям наибольшего отлива от островов и от осыхающих при отливе возвышениях (приложение 3). При этом арктические территории Канады, согласно декрету, «оконтурены» прямыми исходными линиями полностью. По мнению госсекретаря Канады, декрет 1985 г. подтверждает, что определенные им «исходные линии устанавливают внешний предел исторических вод Канады». От этих исходных линий необходимо отчитывать 12 морских миль – ширину территориального моря Канады. Более того, Канада рассматривает все острова, составляющие Канадский архипелаг, и морские территории между ними как «единое целое».

США обратили внимание на то, что об установлении прямых исходных линий Канада не уведомила их и иные «затронутые» государства, тем более что это предусмотрено канадским законом о территориальном море и рыбоохранных зонах. Госсекретарь Канады, однако, оставил этот выпад без ответа. 26 февраля 1986 г. США направили Канаде официальную ноту, в которой выразили протест против проведения ею прямых исходных линий, указав, что эти правопритязания не имеют под собой международно-правового обоснования. США отметили, что действия Канады затрагивают существующий международно-правовой режим проливов, которые используются для международного судоходства. В юридической литературе обсуждается вопрос о том, является ли такая реакция США отрицанием самой правомерности проведения Канадой прямых исходных линий либо лишь квалификацией арктических проливов в качестве международных. Впрочем, нота США стала не единственным протестом против арктической политики Канады. Еще 1 ноября 1967 г. США в дипломатической ноте указали, что действия Канады «не находят оправдания, противоречат установленным принципам международного морского права». США «не признали» действительность обозначенных Канадой исходных прямых линий.

Европейский союз, как и США, также не одобрил отнесение Канадой вод Канадского архипелага к своим внутренним водам (нота ЕС от 9 июля 1986 г.), выразив сомнение в обоснованности проведенных прямых исходных линий. Протест был озвучен представителем Великобритании.

Неудивительно, что при ратификации Конвенции 1982 г. (в ноябре 2003 г.) Канада заявила об отказе в принятии обязательной процедуры разрешения по этой Конвенции некоторых обозначенных споров о делимитации в Арктическом регионе, особенно тех, что затрагивают исторические воды Канады.

Позиция Канады в отношении прямых исходных линий соответствует интересам всех других арктических государств. Кроме того, объективно аргументация Канады, в первую очередь ее сильные доводы – природоохранные, выглядит более убедительной, отве-

чающей современному международному праву, задаче обеспечения правовой стабильности в Арктическом регионе, чем аргументация США, которые ограничились общими фразами, не учтя специфику статуса Северного Ледовитого океана. Но есть и признаки смягчения канадо-американского арктического противостояния: в 1988 г. было заключено Соглашение между Правительством Канады и Правительством Соединенных Штатов Америки о сотрудничестве в Арктике¹. В ст. 1 Соглашения декларируется взаимное признание сторонами «особых интересов» в Арктике и их ответственности как соседствующих государств. Отмечается недопустимость негативного воздействия на уникальную окружающую среду и благополучие жителей данного региона (ст. 2). Ключевое положение Соглашения 1988 г. (для Канады) изложено в последнем абзаце ст. 3: «Правительство Соединенных Штатов обещает, что любое судоходство ледоколов США в водах, считаемых Канадой внутренними, будет осуществляться с согласия Правительства Канады». Существует мнение, что в обмен на эту договорную клаузулу Канада обещала *de facto* не препятствовать проходу вдоль арктического побережья Канады ледоколов США². Вместе с тем в ст. 4 Соглашения стороны зафиксировали: «Ничто в настоящем соглашении не затрагивает точку зрения Правительства Соединенных Штатов и Канады в отношении морского права, применительно к данному или иным морским пространствам или к отношениям с третьими сторонами». В западной литературе по международному праву считается, что если стороны соглашения фактически оставили соответствующий вопрос «открытым», то по нему не возникает молчаливого согласия³.

И все же Соглашение 1988 г. не сняло противоречия между США и Канадой по вопросу о режиме судоходства в Арктике. Об этом свидетельствует, например, документ, принятый 10 ноября 2009 г. Министерством военно-морских сил США, – «Арктическая дорожная карта для ВМС США»⁴. В литературе отмечается, что США может оспорить территориальные притязания Канады на районы в пределах Северо-Западного прохода⁵.

В заключение обозначим базовые факторы, на которые ссылались арктические государства при установлении прямых исходных линий вдоль арктического побережья.

1. Географические (прежде всего протяженность арктического побережья государства и его конфигурация). Арктические государства посредством учета этого фактора оказались подготовленными к применению международно-правового критерия пропорциональности, используемого Международным судом ООН при делимитации континентального шельфа⁶. Важнейшими географическими факторами, принимаемыми во внимание при проведении прямых исходных линий, арктические государства посчитали изрезанность и извилистость берегов; наличие вдоль берега и в непосредственной близости от него цепи островов; наличие дельт или других природных условий, влияющих на непостоян-

¹ Canada Treaty Series 1988/29. Ottawa, 1989.

² См., например: Melting ice threatens sovereignty over Arctic waters: expert // CBC News. 14 June 2006; URL: <http://www.cbc.ca>.

³ MacGibbon J. C. The Scope of Acquiescence in International Law // British Yearbook of International Law. 1954. Vol. 31. P. 143.

⁴ Подробнее см.: Арктический регион: проблемы международного сотрудничества: в 3 т. Т. 3: Применимые правовые источники / гл. ред. И. С. Иванов, науч. ред. А. Н. Вылегжанин. М., 2013. С. 412–437.

⁵ Drummond K. The Pentagon's New Arctic Map // World Politics Review. 2009. 30 November.

⁶ Суть критерия пропорциональности состоит в том, что в результате делимитации континентального шельфа должно возникнуть пропорциональное соотношение между площадью каждого из районов континентального шельфа конкретных государств и протяженностью соответствующего побережья таких государств в районе делимитации. Как отметил Суд, «элемент разумной степени пропорциональности между площадью континентального шельфа заинтересованных государств и протяженностью соответствующих побережий, которая должна иметь место в случае осуществления делимитации на основе принципов справедливости, является завершающим фактором, подлежащим учету» (Цит. по: Вылегжанин А. Н. Решения Международного Суда ООН по спорам о разграничении морских прав. М., 2004. С. 108).

ство береговой линии; наличие заливов, ширина входа в которые превышает 24 морские мили, но которые могут быть объявлены историческими.

2. Экономические. Учет экономических интересов обосновывался приведенными выше статьями Конвенции 1958 г. и Конвенции 1982 г.

3. Историко-правовые (исторические основания в совокупности с принятыми ранее национальными законодательными и договорно-правовыми источниками). При проведении прямых исходных линий вдоль побережья Северного Ледовитого океана арктические государства опирались на результаты анализа совокупного воздействия широкой правовой базы, определяющей современное правовое положение Северного Ледовитого океана, не ограничиваясь вырванными из контекста отдельными международными договорами и, тем более, отдельными их статьями.

Изложенное показывает целесообразность организации в России масштабного международно-правового исследовательского проекта по подготовке к проведению прямых исходных линий вдоль арктического побережья страны с учетом опыта зарубежных арктических государств. Как известно, по законодательству России на большей части ее арктического побережья применяются нормальные исходные линии, хотя вряд ли юридически корректно идентифицировать «линии наибольшего отлива» в Карском, Восточно-Сибирском морях, море Лаптевых, покрытых льдами большую часть года.

Библиография

Baselines: An Examination of the Relevant Provisions of the United Nations Convention on the Law of the Sea. Appendix 1. Glossary of Technical Terms. 1989.

Canada Treaty Series 1988/29. Ottawa, 1989.

Current Legal Developments, International Maritime Organization // International Journal of Estuarine & Coastal Law. 1988. Vol. 44.

Drummond K. The Pentagon's New Arctic Map // World Politics Review. 2009. 30 November.

Elferink A. G. O., Rothwell D. R. The Law of the Sea and Polar Maritime Delimitation and Jurisdiction. The Hague, 2001.

Fife R. E., Jervell K. Elements of Nordic Practice 2000 // Norway. Nordic Journal of International Law. 2001. Vol. 70.

MacGibbon J. C. The Scope of Acquiescence in International Law // British Yearbook of International Law. 1954. Vol. 31.

Melting ice threatens sovereignty over Arctic waters: expert // CBC News. 14 June 2006; URL: <http://www.cbc.ca>.

UN Convention on the Sea. 1982. A Commentary: Vol. I–VI / ed. by M. H. Nordquist. Dordrecht; Boston; L., 1985–1992. Vol. II.

Арктический регион: проблемы международного сотрудничества: в 3 т. Т. 3: Применимые правовые источники / гл. ред. И. С. Иванов, науч. ред. А. Н. Вылегжанин. М., 2013.

Вылегжанин А. Н. К толкованию международно-правовых постановлений об исходных линиях // Московский журн. междунар. права. 2011. № 2.

Вылегжанин А. Н. Решения Международного Суда ООН по спорам о разграничении морских прав. М., 2004.

Вылегжанин А. Н., Гуреев С. А., Иванов Г. Г. Международное морское право. М., 2003.

Вылегжанин А. Н., Зиланов В. К. Шпицберген. Правовой режим прилегающих морских пространств. М., 2006.

Вылегжанин А. Н., Каламкарян Р. А. Значение международного обычая в современном международном праве // Московский журн. междунар. права. 2012. № 2.

Вылегжанин А. Н., Матишов Г. Г., Моргунов Б. А. и др. Международно-правовая квалификация морских районов в качестве исторических вод (теория и практика государств). М., 2012.

Колодкин А. Л. Правовой режим территориальных вод и открытого моря. М., 1961.

Лахтин В. Л. Права на северные полярные пространства. М., 1928.

Международное морское право / отв. ред. С. А. Гуреев. М., 2003.

Новое в международном морском праве / отв. ред. М. И. Лазарев. М., 1972.

Писарев В. Д. США и Мировой океан. М., 1977.

Bibliography

Arkticheskij region: problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva: v 3 t. T. 3: Primenimye pravovye istochniki / gl. red. I. S. Ivanov, nauch. red. A. N. Vylegzhanin. M., 2013.

Baselines: An Examination of the Relevant Provisions of the United Nations Convention on the Law of the Sea. Appendix 1. Glossary of Technical Terms. 1989.

Canada Treaty Series 1988/29. Ottawa, 1989.

Current Legal Developments, International Maritime Organization // International Journal of Estuarine & Coastal Law. 1988. Vol. 44.

Drummond K. The Pentagon's New Arctic Map // World Politics Review. 2009. 30 November.

Elferink A. G. O., Rothwell D. R. The Law of the Sea and Polar Maritime Delimitation and Jurisdiction. The Hague, 2001.

Fife R. E., Jervell K. Elements of Nordic Practice 2000 // Norway. Nordic Journal of International Law. 2001. Vol. 70.

Kolodkin A. L. Pravovoj rezhim territorial'nyx vod i otkrytogo morya. M., 1961.

Laxtin V. L. Prava na severnye polyarnye prostranstva. M., 1928.

MacGibbon J. C. The Scope of Acquiescence in International Law // British Yearbook of International Law. 1954. Vol. 31.

Melting ice threatens sovereignty over Arctic waters: expert // CBC News. 14 June 2006; URL: <http://www.cbc.ca>.

Mezhdunarodnoe morskoe pravo / otv. red. S. A. Gureev. M., 2003.

Novoe v mezhdunarodnom morskome prave / otv. red. M. I. Lazarev. M., 1972.

Pisarev V. D. SShA i Mirovoj okean. M., 1977.

UN Convention on the Sea. 1982. A Commentary: Vol. I–VI / ed. by M. H. Nordquist. Dordrecht; Boston; L., 1985–1992. Vol. II.

Vylegzhanin A. N. K tolkovaniyu mezhdunarodno-pravovyx postanovlenij ob isходnyx liniyax // Moskovskij zhurn. mezhdunar. prava. 2011. № 2.

Vylegzhanin A. N. Resheniya Mezhdunarodnogo Suda OON po sporam o razgranichenii morskix prav. M., 2004.

Vylegzhanin A. N., Gureev S. A., Ivanov G. G. Mezhdunarodnoe morskoe pravo. M., 2003.

Vylegzhanin A. N., Kalamkaryan R. A. Znachenie mezhdunarodnogo obychnaya v sovremennom mezhdunarodnom prave // Moskovskij zhurn. mezhdunar. prava. 2012. № 2.

Vylegzhanin A. N., Matishov G. G., Morgunov B. A. i dr. Mezhdunarodno-pravovaya kvalifikaciya morskix rajonov v kachestve istoricheskix vod (teoriya i praktika gosudarstv). M., 2012.

Vylegzhanin A. N., Zilanov V. K. Shpicbergen. Pravovoj rezhim prilegayushhix morskix prostranstv. M., 2006.

**ПРИСВОЕНИЕ ГОСУДАРСТВУ ПОВЕДЕНИЯ
КАК УСЛОВИЕ НАСТУПЛЕНИЯ
МЕЖДУНАРОДНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ:
НОРМАТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ
И РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАКТИКИ****Кешнер Мария Валерьевна**

Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права
юридического факультета Казанского федерального университета (Казань),
e-mail: mvkeshner@rambler.ru

Важнейшее условие наступления международной ответственности государства состоит в возможности присвоения ему противоправного поведения по международному праву. Автор задается вопросом о том, когда противоправное поведение, выраженное в каком-либо действии или бездействии, считается поведением данного государства. Исследуется влияние международной судебной и арбитражной практики на формирование специальных правил присвоения государству противоправного поведения, тенденции ее развития.

Ключевые слова: международная ответственность, присвоение государству противоправного поведения, Статьи об ответственности государств за международно-противоправные деяния, Международный суд ООН, Европейский Суд по правам человека, фрагментация международного права

**ATTRIBUTION OF CONDUCT TO THE STATE
AS A CONDITION FOR INTERNATIONAL RESPONSIBILITY:
THE NORMATIVE GROUNDING
AND THE INTERNATIONAL PRACTICE DEVELOPMENT****Keshner Mariya**

Kazan Federal University (Kazan),
e-mail: mvkeshner@rambler.ru

The most important condition for occurrence of the international responsibility of the state is the possibility to attribute to it internationally wrongful conduct. The author wants to know when the illegal behaviour, consisting of any actions and omissions, could be considered the behavior of the state. She investigates the impact of international judicial and arbitral practices on creating special rules of attribution of illegal behavior to the state, as well as some trends of its development.

Key words: international responsibility, attribution of wrongful conduct to the state, Articles on Responsibility of States for internationally wrongful acts, International Court of Justice, European Court of Human Rights, fragmentation of international law

Присвоение поведения государству: нормативные основания

Присвоение как действие нормативного характера состоит в установлении для целей международной ответственности того, что деяние является деянием государства. Присвоение основывается на критериях, определяемых международным правом, а не только на признании причинно-следственной связи. По общему правилу государству как субъекту международного права присваивается только поведение его органов управления или других субъектов, действующих по указанию, под руководством или под контролем

таких органов, т. е. агентов государства¹. Такой подход обусловлен двумя факторами: стремлением ограничить международную ответственность поведением, в котором государство участвует как единая структура, а также необходимостью признания автономности лиц, действующих по своему усмотрению, а не по указанию какого-либо государственного органа.

Правила присвоения отражены в гл. II Статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния (далее – Статьи об ответственности государств)². Принцип, в соответствии с которым государство отвечает за поведение своих органов, действующих в качестве таковых, признан и воспроизводится в многочисленных судебных и арбитражных решениях. Так, Межамериканский суд по правам человека в решении по делу «Castillo González v. Venezuela» указал, что ст. 2 и 4 являются частью «базового принципа правового регулирования международной ответственности государств»³. Аналогичную позицию занял Европейский Суд по правам человека в решении по делу «Catan and others v. Moldova and Russia», сославшись на ст. 6 и 8 Статей об ответственности государств⁴.

Согласно основной норме, присваивающей государству поведение его органов, поведение любого органа государства рассматривается как деяние данного государства по международному праву независимо от того, какие функции осуществляет этот орган: законодательные, исполнительные, судебные или какие-либо иные, какое положение он занимает в системе государства, и от того, является ли он органом центральной власти или административно-территориальной единицы государства. Обычный характер данной нормы отмечен в решении Международного суда ООН по делу «Difference Relating to Immunity from Legal Process of a Special Reporter of the Commission on Human Rights»⁵.

«Базовая» норма присвоения определяет основные случаи присвоения и является исходной для других ситуаций. Так, в силу ст. 8 Статей об ответственности государств поведение, которое санкционировано государством и поэтому может быть присвоено ему, должно быть прямо или косвенно санкционировано органом государства.

Термин «орган государства» употребляется в самом широком смысле слова: это не только органы центральной власти, высокопоставленные должностные лица и лица, отвечающие за внешние сношения государства, но и органы всех ветвей власти, независимо от их функций и положения в системе государства. Группа ВТО, рассматривавшая вопрос о требованиях к маркировке страны происхождения товара, отметила, что «соответствующие положения» Статей об ответственности государств согласуются с концепцией, по которой действия или бездействие, присваиваемые члену ВТО, «как правило, являются действиями или бездействием органов государств, включая органы исполнительной власти»⁶. Международный арбитраж (по Конвенции МЦУИС), образованный для рассмотрения дела «Electrocable S. A. v. Republic of Hungary», заявил, что, «без сомнения,

¹ Brownlie I. System of the Law of Nations. State Responsibility. Oxford, 1983. Part I. P. 132–166; Caron D. The Basis of Responsibility: Attribution and other Trans-Substantive Rules. Irvington-on-Hudson, 1998. P. 109.

² Ответственность государств за международно-противоправные деяния: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 56/83 от 12 декабря 2001 г. // Рос. ежегодник междунар. права. 2002. С. 361–376; Crawford J. The International Law Commission's Articles on State Responsibility: Introduction, Text and Commentaries. Cambridge, 2002. P. 78.

³ Inter-Am. Ct. H. R. Judgment, 27 November 2012. Para. 110 // URL: http://www.corteidh.or.cr/cf/Jurisprudencia2/busqueda_casos_contenciosos.cfm?lang=en.

⁴ ECHR, Grand Chamber, Applications № 43370/04, 8252/05 and 18454/06, Judgment, 19 October 2012. Para. 74 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int>.

⁵ Difference Relating to Immunity from Legal Process of a Special Reporter of the Commission on Human Rights // ICJ Reports. 1999. P. 62; P. 87. Para. 62.

⁶ WTO, Reports of the Panel, WT/DS384/R and WT/DS386/R, 18 November 2011. Para. 7.16 // URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/distab_e.htm.

действия парламента Венгрии должны присваиваться Венгерскому государству в соответствии со статьей 4 статей КМП...»¹. Постоянная палата третейского суда в решении по делу «*Chevron Corporation and Texaco Petroleum Company v. Republic of Ecuador*» отметила, что «с точки зрения международного права государство может нести ответственность за поведение своих органов, в том числе своих судебных органов...»².

Для целей присвоения не проводится принципиального различия между действиями вышестоящих и нижестоящих должностных лиц при условии, что они действуют в своем официальном качестве. Это нашло отражение в формулировке ст. 4 Статей об ответственности государств: «Независимо от положения, которое он (орган государства. – М. К.) занимает в системе государства». Также не имеет значения, чем является административно-территориальная единица – составной частью федеративного государства или особым автономным районом – и позволяет ли внутреннее право конкретного государства контролировать выполнение административно-территориальной единицей международных обязательств государства. Это положение последовательно подтверждается в международной судебной практике.

Международный суд ООН в постановлении по делу «*LaGrand (Germany v. United States of America)*» указал на необходимость принять во внимание следующие обстоятельства: международная ответственность государства возникает в результате действий в этом государстве компетентных органов и властей, какими бы они ни были; Соединенные Штаты должны принять любые имеющиеся в их распоряжении меры для обеспечения того, чтобы Вальтер Лагранд не был казнен до принятия окончательного решения в ходе данного судебного разбирательства; согласно информации, которой располагает Суд, осуществление мер, указанных в настоящем постановлении, относится к юрисдикции губернатора Аризоны; правительство Соединенных Штатов соответственно обязано проводить настоящее постановление упомянутому губернатору; губернатор Аризоны обязан действовать в соответствии с международными обязательствами Соединенных Штатов³. В этом проявляется принцип единства государства для целей международной ответственности, в силу которого действия и бездействие всех органов государства есть действия и бездействие государства. Очевидно, что при многообразии международных обязательств государств в системе органов государственной власти невозможно выделить группу органов, которые были бы специально предназначены для совершения международно-противоправных деяний.

При применении рассмотренных положений трудности может вызвать определение того, действует ли лицо, являющееся органом государства, в качестве такового. Так, лицо может иметь скрытые или неправомерные мотивы либо злоупотреблять государственной властью. Однако если оно явно действует в официальном качестве или под прикрытием предоставленных государственных полномочий, его действия присваиваются государству. Необходимо избегать смешивания частного поведения с поведением органа, функционирующего в качестве государственного, но действующего *ultra vires* или в нарушение норм, регулирующих его деятельность. В последнем случае орган считается действующим от имени государства.

Поведение органа государства или лица и образования, уполномоченных осуществлять элементы государственной власти, рассматривается как деяние этого государства по международному праву, при условии что этот орган, лицо или образование действу-

¹ ICSID, Case № ARB/07/19, Decision on Jurisdiction, Applicable Law and Liability, 30 November 2012. Para. 7.89 // URL: <https://icsid.worldbank.org/en/Pages/cases/searchcases.aspx>.

² PCA, Case № 2009-23, First Interim Award on Interim Measures, 25 January 2012. Para. 2.10.2 // URL: <https://pca-cpa.org/en/cases>.

³ *LaGrand (Germany v. United States of America)*, Provisional Measures // ICJ Reports. 1999. P. 9; P. 16. Para. 28.

ют в официальном качестве, даже если они превышают свои полномочия или нарушают указания. Формирование и закрепление данной нормы в праве международной ответственности обусловлены необходимостью обеспечения верховенства международного права в международных отношениях. В противном случае любая другая норма противоречила бы одному из основных принципов международной ответственности, закрепленному в ст. 3 Статей об ответственности государств, так как позволяла бы государству ссылаться на национальное право в обоснование того, что ему не может быть присвоено поведение его органов.

В международной практике нашло поддержку положение, сформулированное правительством Великобритании: «Все правительства должны всегда нести ответственность за все деяния, совершенные их агентами при исполнении ими своих официальных функций». США также высказались в пользу принятия «норм международного права, согласно которым суверены не несут ответственности в рамках дипломатической процедуры за ущерб, причиненный иностранцам в результате поведения агентов, действовавших с превышением не только своих реальных, но и кажущихся полномочий»¹. В настоящее время рассматриваемое положение нормативно закреплено и отражено в международной судебной и арбитражной практике. Так, в силу ст. 91 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г. «сторона, находящаяся в конфликте... несет ответственность за все действия, совершаемые лицами, входящими в состав ее вооруженных сил»². Показательно, что в комментарии к данной статье сказано: норма была принята консенсусом и соответствует общим правовым принципам международной ответственности, а «все действия» включают также действия, совершаемые в нарушение приказов или указаний³.

Межамериканский суд по правам человека в решении по делу «*Velasquez Rodriguez v. Honduras*» отметил: «...согласно международному праву государство несет ответственность за действия или оплошности своих агентов, совершенные или допущенные ими в их официальном качестве, даже если эти агенты превысили свои полномочия или нарушили внутригосударственное право»⁴. Международный арбитраж (по Конвенции МЦУИС) в решении по делу «*Ioannis Kradassopulos and Ron Fuks v. Republic of Georgia*» постановил, что в соответствии со ст. 7 «даже в случаях, когда образование уполномочено осуществлять элементы государственной власти *ultra vires*, указанное поведение, тем не менее, присваивается государству». Арбитраж сделал вывод о том, что Грузия не может избежать правовых последствий своего поведения, ссылаясь на то, что оно изначально было недействительным в соответствии с правом Грузии⁵.

Присвоение государству поведения лиц или образований, осуществляющих элементы государственной власти

Развитие внутригосударственной практики многих государств характеризуется значительным распространением органов, не являющихся государственными, но уполномоченных осуществлять элементы государственной власти. К числу таких субъектов могут относиться государственные корпорации, государственные предприятия, государствен-

¹ «American Bible Society» incident, statement of United States Secretary of State. 17 August 1885 // A Digest of International Law. 1906. Vol. VI. P. 743; *Shine and Miligen case* // Digest of International Law – Hackworth. 1943. Vol. V. P. 575.

² United Nations, Treaty Series. Vol. 1125. P. 3.

³ International Committee of the Red Cross, Commentary on the Additional Protocols. Geneva, 1987. P. 1053–1054.

⁴ Inter-Am. Ct. H. R. Judgment of July, 29. 1989. Series C. № 4. Para. 170 // URL: http://www.corteidh.or.cr/cf/Jurisprudencia2/busqueda_casos_contenciosos.cfm?lang=en.

⁵ ICSID, Case № ARB/05/18 and ARB/07/15, Award, 3 March 2010. Para. 274 // URL: <https://icsid.worldbank.org/en/Pages/cases/searchcases.aspx>.

ные учреждения различного рода, частные компании, при условии что они уполномочены выполнять функции государственного характера или их поведение связано с осуществлением соответствующих полномочий. В пример можно привести деятельность частных охранных агентств, наделенных государственными полномочиями содержания под стражей, контроля за соблюдением режима в соответствии с приговором суда.

На практике возникает вопрос о критериях присвоения государству поведения того или иного образования. Ключевой критерий – уполномоченность государством осуществлять определенные элементы государственной власти. Иными критериями, которые учитываются, но не имеют решающего значения для указанных целей, могут быть: создание и деятельность на основании публичного (частного) национального права¹, степень участия государства в капитале (активах).

Международный арбитраж (по Конвенции МЦУИС), образованный для рассмотрения дела «*Gustav F. W. Hamester GmbH & Co. KG v. Republic of Ghana*», указал, что «для того, чтобы деяние присваивалось государству, оно должно иметь тесную связь с этим государством». Арбитраж заявил, что такая связь может возникнуть, когда «совершающее деяние лицо является частью внутренней структуры государства (статья 4); или использует конкретные государственные полномочия для совершения такого деяния, даже если это лицо является самостоятельным образованием (статья 5); или действует под эффективным контролем... государства, даже если оно является частным или публичным лицом (статья 8)». Суд отметил, что согласно ст. 5 «совершенно ясно, что налицо должны быть два совокупных условия (для присвоения): образование облечено государственной властью и деяние совершено в порядке реализации государственной власти»².

Европейский Суд по правам человека в постановлении по делу «*Liseyitseva and Maslov v. Russia*»³ впервые детально рассмотрел вопрос об ответственности государства по долгам муниципальных унитарных предприятий (МУП), проходящих процедуру банкротства, в контексте неудовлетворения требований работников-кредиторов, основанных на судебных решениях по искам к таким предприятиям. Представляет особый интерес приведенное в постановлении обобщение прецедентной практики Суда по вопросу признания организаций «государственными» для целей Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в аспекте ответственности государства за поведение лиц или образований, осуществляющих элементы государственной власти. ЕСПЧ устанавливает степень «независимости» юридического лица от государства с учетом следующих обстоятельств: правовой статус юридического лица (частное или публичное право, регулирующее создание и деятельность юридического лица, объем и содержание прав и обязанностей по национальному праву); характер и цели деятельности юридического лица (сфера деятельности, нормативное регулирование в данной сфере, выполнение юридическим лицом общественно значимых функций); степень институциональной и управленческой независимости юридического лица от государства (доля государственного участия в капитале, государственные полномочия по управлению и осуществлению контроля за деятельностью юридического лица).

ЕСПЧ в решении по делу «*Liseyitseva and Maslov v. Russia*» пришел к выводу о том, что государство несет ответственность по долгам МУП по следующим основаниям: осуществление

¹ Данный критерий не является решающим. Так, в практике ЕСПЧ имеют место решения, согласно которым государство признавалось ответственным по обязательствам юридических лиц вне зависимости от их формального определения в национальном праве (ЕCHR. *Lisyanskiy v. Ukraine*. Case № 17899/02. 4 April 2006. Para. 19 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int>).

² ICSID, Case № ARB/07/24, Award, 18 June 2010. Para. 172–177 // URL: <https://icsid.worldbank.org/en/Pages/cases/searchcases.aspx>.

³ ECHR. *Liseyitseva and Maslov v. Russia*. Case № 39483/05 40527/10. 9 October 2014 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int>.

МУП деятельности в социально значимой сфере (предоставление услуг в области жилищно-коммунального хозяйства и общественного транспорта, в том числе на льготной основе с последующим правом требования компенсации за счет соответствующего бюджета); высокая степень контроля государства за деятельностью МУП, проявившаяся в том, что соответствующие муниципальные образования приняли решение о реорганизации МУП и передаче их имущества вновь созданным предприятиям.

Важно, что органы, не являющиеся государственными, но уполномоченные осуществлять элементы государственной власти, признаются осуществляющими государственную власть, даже если ее осуществление предполагает действия по собственному усмотрению или свободу действий.

Таким образом, чтобы считаться деянием государства для целей международной ответственности, поведение того или иного образования должно быть связано с выполнением государственных функций, а не с реализацией другой, частной или коммерческой, деятельности. Например, поведение авиационной компании, которой делегированы отдельные полицейские функции, считается деянием государства по международному праву, если оно связано с осуществлением подобных функций, и не считается таковым, если оно связано с другой деятельностью (в частности, продажей авиабилетов, закупкой авиапарка и его обслуживанием).

Присвоение поведения органов, предоставленных в распоряжение государства другим государством

Правила присвоения определены и для ситуаций, когда органы одного государства фактически предоставляются в распоряжение другого государства для временного выполнения действий в интересах, от имени и под руководством другого государства. Именно последнему присваивается поведение подобных органов.

Назовем существенные условия присвоения поведения соответствующего органа принимающему, а не направляющему государству.

1. Орган предоставлен в распоряжение государства. Предполагается, что такой орган действует с согласия, от имени и в целях принимающего государства. Кроме того, он должен быть назначен для выполнения функций, относящихся к ведению государства, в распоряжение которого он предоставлен; действовать при их выполнении в составе государственных органов и под исключительным управлением и контролем принимающего государства.

2. Орган имеет статус государственного органа направляющего государства, что исключает из сферы действия правил присвоения поведение частных образований и физических лиц. Чаще всего статуса государственного органа направляющего государства нет у экспертов и советников, предоставляемых в распоряжение других государств в рамках технической, консультационной помощи.

3. Поведение органа связано с осуществлением элементов государственной власти принимающего государства.

Показательны здесь решения Европейской комиссии по правам человека, вынесенные по итогам рассмотрения дела, связанного с осуществлением полицией Швейцарии делегированных полномочий в Лихтенштейне. Комиссия признала дело допустимым по следующим основаниям. В силу международного договора об отношениях между Швейцарией и Лихтенштейном 1923 г. Швейцария осуществляла в данном государстве с его согласия и в обоюдных интересах собственную таможенную и иммиграционную юрисдикцию. Сотрудники полиции руководствовались исключительно швейцарским законодательством и выполняли функции государственной власти Швейцарии. В этом смысле они не были «предоставлены в распоряжение» принимающего государства¹.

¹ *X and Y v. Switzerland*. Joined Apps. 7289/75 and 7349/76 // Yearbook ECHR. 1977. Vol. 372. P. 402–406.

Сфера применения ст. 6 Статей об ответственности государств исключает случаи договорного и иного межгосударственного сотрудничества. Так, согласно решению Европейского Суда по правам человека по делу «*Xhavara & others v. Italy & Albania*» Албании не было присвоено поведение Италии, связанное с осуществлением по соглашению с Албанией полицейских функций по пресечению незаконной иммиграции морским путем¹.

Присвоение государству поведения частных лиц и образований, действующих под руководством или контролем государства

По общему правилу поведение частных лиц или образований для целей международной ответственности не может присваиваться государству. Исключением является особая фактическая связь между лицом или образованием, осуществляющим такое поведение, и государством. Международный арбитраж (по Конвенции МЦУИС) в решении о юрисдикции, применимом праве и ответственности по делу «*Electrocable S. A. v. Republic of Hungary*» определил, что «хотя поведение частных лиц или образований не присваивается государству в соответствии с международным правом в качестве общего принципа, фактические обстоятельства могут обнаружить особую связь между лицом, допускающим такое поведение, и государством»².

Современная международная практика изобилует случаями, когда государственные органы осуществляют вербовку физических лиц, групп лиц для выполнения определенных задач на иностранной территории. Данные лица не мобилизованы непосредственно государством и не входят в состав вооруженных сил, полиции.

Поведение лица или группы лиц рассматривается как деяние государства по международному праву, если это лицо или группа лиц фактически действует согласно указаниям либо под руководством или контролем этого государства. Определяющим для целей присвоения является вопрос о степени контроля государства за действиями частных лиц или образований. Важно, что общую зависимость и поддержку нельзя назвать достаточными основаниями для присвоения государству того или иного поведения.

Показательно в связи с этим решение Международного суда ООН по делу «*Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*». Ключевой вопрос в деле касался возможности присвоения Соединенным Штатам поведения «контрас» и привлечения их к международной ответственности за совершенные «контрас» нарушения международного гуманитарного права. Международный суд ООН, признав ответственность США за оказание поддержки «контрас», присвоил США действия последних только в отдельных случаях на основании критерия «эффективного контроля» – фактического участия в таких действиях и руководства ими³. Суд заключил, что несмотря на широкую финансовую и другую поддержку, оказываемую «контрас» Соединенными Штатами, «нет однозначных свидетельств того, что США действительно осуществляли такую степень контроля во всех областях, что можно было бы считать, что „контрас“ действовали от их имени. Все упомянутые выше формы участия США и даже общий контроль государства-ответчика за силами, которые во многом зависели от них, сами по себе, без дополнительных доказательств, не означают, что США руководили действиями, нарушавшими права человека и нормы гуманитарного права, на которые ссылается государство-истец, или принуждали к совершению таких действий. Такие

¹ ECHR. *Xhavara & others v. Italy & Albania*, Application № 39473-98. Decision of 11 January 2001 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int>.

² ICSID, Case № ARB/07/19, Decision on Jurisdiction, Applicable Law and Liability, 30 November 2012. Paras. 7.71, 7.89.

³ О критерии «эффективного контроля» см. также: On the application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (*Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro*) // I.C.J. Reports 2007. P. 208. Para. 400.

действия вполне могли совершаться „контрас“ без контроля со стороны США. Для возникновения юридической ответственности США за это поведение необходимо в принципе доказать, что это государство осуществляло эффективный контроль за военными и полувоенными операциями, в ходе которых были совершены заявленные нарушения»¹.

Вопросы присвоения поведения частных лиц и образований, действующих под руководством или контролем государства, рассматривались и апелляционной палатой Международного трибунала по бывшей Югославии². При этом большинство членов палаты сочли необходимым выразить свое несогласие с подходом Международного суда ООН, сформулированным в решении по делу «*Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*». В свою очередь Международный суд отказался признать юрисдикцию МТБЮ по вопросам международной ответственности государств, подчеркнув, что юрисдикция МТБЮ – привлечение к ответственности отдельных лиц за уголовные преступления.

В решении по делу «*Prosecutor v. Tadic*» апелляционная палата МТБЮ отметила: «Условием присвоения государству по международному праву деяний частных физических лиц является контроль со стороны государства за такими лицами. Однако степень такого контроля зависит от фактических обстоятельств каждого дела. Апелляционная палата не видит причин, почему во всех без исключения случаях международное право должно требовать высокого порогового уровня при оценке такого контроля»³. В частности, апелляционная палата, определяя степень контроля югославских властей за вооруженными силами, выдвинула критерий «всеобъемлющего контроля, выходящего за рамки простого финансирования и оснащения таких сил и включающий участие в планировании и руководстве проведением военных операций». С учетом данного критерия действия боснийских сербов были присвоены Федеративной Республике Югославия.

Впоследствии Международный суд ООН применил критерий эффективного контроля при рассмотрении дела «*Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro (Genocide Convention)*». Суд не обнаружил связи отдельных лиц (генерал Младич, подразделение «Скорпионс») или организаций («Республика Сербская», «Вооруженные силы Республики Сербской») с Федеративной Республикой Югославия. Также Суд установил, что указанные организации не являлись официальными органами данной страны.

Присвоение государству поведения в отсутствие или при несостоятельности официальных властей

Вопросы присвоения государству того или иного поведения могут возникнуть при осуществлении элементов государственной власти лицом или группой лиц в обстоятельствах, сопровождающихся вооруженными конфликтами, революциями, иностранной оккупацией. При этом легитимные властные структуры могут отсутствовать либо утратить управление и контроль за территорией или ее восстановлением, в частности после иностранной оккупации. Действия правительства и государственного аппарата в таком государстве при определенных условиях подменяются или дополняются действиями частных лиц или групп лиц, которые соответственно не являются эквивалентом «правительства де-факто».

В решении по делу «*Yeager v. Islamic Republic of Iran*» Американско-Иранский трибунал, рассматривая вопрос о выполнении иммиграционных, таможенных и других аналогичных функций в Тегеранском аэропорту после революции, присвоил соответствующее

¹ *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*. Merits // ICJ Reports. 1986. P. 14, 62, 64–65. Paras. 109, 115.

² Case IT-94-1, *Prosecutor v. Tadic*. 1999 // I.L.M. 1999. Vol. 38. P. 1518.

³ Ibid. P. 1518; P. 1541. Para. 117.

поведение Исламской республики Иран на том основании, что даже если оно и не было санкционировано правительством, «стражи революции» «...по крайней мере осуществляли элементы государственной власти в отсутствие официальных властей при выполнении операций, о которых новому правительству должно быть известно и против которых оно конкретно не возражало»¹.

Выделяют три условия присвоения государству поведения лица или группы лиц:

поведение тесно связано с осуществлением элементов государственной власти. При этом преимущественное значение придается характеру выполняемой деятельности, а не существованию формальной связи между действующими лицами и аппаратом государства;

поведение осуществляется в отсутствие или при несостоятельности официальных властей. Речь идет о случаях, когда органы легитимной государственной власти прекратили выполнять свои функции как на всей территории государства, так и на ее части при утрате за ней контроля;

поведение имеет место в условиях, требующих осуществления элементов государственной власти, т. е. действий по осуществлению государственных функций (в частности, полицейских, таможенных и иных функций) в отсутствие официальных властей.

Присвоение государству поведения повстанческого или иного движения

Особым случаем присвоения является присвоение государству поведения повстанческого или иного движения, члены которого впоследствии формируют новое правительство или новое государство.

По общему правилу, признанному международной судебной и дипломатической практикой, поведение повстанческих движений в ходе их борьбы с существующей властью не может быть присвоено государству. Поведение участников такого движения представляет собой поведение частных лиц. Его возможно приравнять к поведению лиц или групп лиц, участвующих в беспорядках, массовых демонстрациях, которое также нельзя присвоить государству.

Показательно здесь решение по делу «*Solis*», в котором сказано, что ни одно правительство не может нести ответственность за действие, совершенное в нарушение его власти группами мятежников, если само это правительство нельзя обвинить в отсутствии добросовестности или в небрежности при подавлении восстания². Член Комиссии международного права ООН Нильсен назвал это положение «твердо устоявшимся принципом международного права». В обоснование приведенной позиции можно указать, что структуры и организации повстанческого, революционного движения действуют автономно от структур и организаций государства, которые борются с подобными движениями. При этом когда повстанческие, революционные движения достигают своих политических целей посредством создания нового правительства, нового государства на части территории ранее существовавшего государства, основанием для присвоения государству их поведения в период борьбы выступает реальная и существенная преемственность между движениями и образованным впоследствии правительством.

В решении международной смешанной комиссии, учрежденной для Венесуэлы (1903 г.), по делу «*Puerto Cabello and Valencia Railway company*» данная норма присвоения сформулирована следующим образом: «Государство несет ответственность за обязательства победоносной революции с самого начала этой революции, ибо теоретически она выражает собой *ab initio* изменение национальной воли, окончательно выкристаллизо-

¹ Iran – U.S. C.T.R. 2 November 1987. P. 104 // URL: <http://www.iusct.net>.

² UN RIAA. 2006. Vol. IV. P. 358, 361.

вавшееся в успешном исходе революции»¹. В данном случае государство не прекращает своего существования в качестве субъекта международного права. Развитие международного правопорядка требует, чтобы деяния, совершенные в период борьбы за власть повстанческими, революционными движениями, могли быть присвоены государству наряду с деяниями существовавшего в то время правительства.

Исключением из положений п. 1 ст. 10 Статей об ответственности государств является создание в ходе борьбы так называемых правительств национального примирения, согласия, оппозиционных правительств. Международная практика последовательно признает, что государство не должно нести ответственность за поведение прибегающих к насилию представителей оппозиционного движения только в силу того, что в интересах общего мирного урегулирования элементы оппозиции включены в состав вновь созданного правительства.

При разработке рассматриваемой нормы присвоения было принято решение о нецелесообразности проведения различий между видами движений по критерию их международной легитимности, а также законности их преобразования в правительство². Для целей международной ответственности освобождение нового правительства или нового государства от ответственности со ссылкой на легитимность (нелегитимность) его происхождения представляется неоправданным.

В силу п. 3 ст. 10 Статей об ответственности государств государству может быть также присвоено поведение, выразившееся в безосновательном бездействии по принятию в отношении повстанческих движений доступных мер предупреждения и наказания, в частности защиты помещений дипломатических представительств.

Исключительным правилом присвоения является присвоение государству поведения, которое не было и не могло быть присвоено ему в момент совершения, но которое впоследствии государство признало и приняло в качестве собственного. Необходимо проводить различие между действиями государства по признанию и принятию данного поведения в качестве собственного и случаями его поддержки или одобрения. Для целей ст. 11 Статей об ответственности государств критерием противоправности являются международно-правовые обязательства государства, принимающего поведение в качестве собственного.

Заключение

Многочисленные международные обязательства государств как субъектов международного права должны сопровождаться нормами об ответственности за международно-противоправные деяния, которые призваны сдерживать тенденцию к применению силы, возникшую вследствие неэффективности существующих методов урегулирования конфликтов. Но настоятельная необходимость кодификации международной ответственности государств, которая в значительной мере отвечала бы интересам развития международного права и мирного урегулирования споров, не находит отражения в политике ряда государств и международных организаций.

Применение международными судами и арбитражами отдельных положений Статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния не только «усиливает» их доктринальное значение, но и повышает вероятность утверждения всего их комплекса в обычном праве. Однако отсутствие единообразного подхода к решению вопросов о присвоении государству поведения для целей международной ответственности вынуждает вести речь о проблеме фрагментации международного права в практике

¹ UN RIAA. 2006. Vol. IX. P. 445, 453.

² Подробнее см.: *Atlam H. International Liberation Movements and International Responsibility* / ed. by B. Simma, M. Spinedi. N. Y., 1987. P. 35.

международных судов и арбитражей¹. О ней, в частности, свидетельствует ряд решений таких международных судов, как Международный суд ООН, Европейский Суд по правам человека, Международный трибунал по бывшей Югославии.

Примечательно, что при анализе вопроса о присвоении Международный арбитраж (по Регламенту ЮНСИТРАЛ) в решении по делу «*White Industries Limited Australia v. the Republic of India*» сделал вывод о том, что применение критерия ст. 8 Статей об ответственности государств затруднительно, «связано с высоким пороговым показателем» и «исключает из рассмотрения вопросы организационной структуры и „консультирования“ по оперативным или директивным вопросам»². Обращение международных судов к критерию «эффективного контроля» в отсутствие детализации условий общего и специального контроля создает предпосылки к политизации судебных решений. Кроме того, при решении вопроса о степени контроля государства за поведением того или иного образования для целей присвоения следует учитывать обстоятельства каждого конкретного дела.

Для Российской Федерации проблема присвоения имеет серьезное значение в связи с подачей Украиной в 2016 г. в Европейский Суд по правам человека серии исков против России, касающихся, в том числе, событий на востоке Украины.

Вопросы присвоения государству противоправного поведения актуализируются и в контексте проблем существования «несостоявшихся государств» («*failed states*»). В докладе Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам «Более безопасный мир: наша общая ответственность» наличие таких государств названо одним из новых вызовов³. К проблеме «несостоявшихся государств» также обращался Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан в докладе Генеральной Ассамблеи ООН «При большей свободе: к развитию, безопасности и правам человека для всех»⁴. Ряд исследователей к «*failed states*» относят Сомали, Руанду, Гаити, Либерию, Конго, Сьерра-Леоне, Афганистан, Ливию, Сирию⁵. Так, в письме Бельгии от 7 июня 2016 г., адресованном председателю Совета Безопасности ООН, отмечается, что меры, принимаемые в порядке самообороны, направлены против ИГИЛ (ДАИШ), а не в отношении Сирии (даже если бельгийские самолеты летают в воздушное пространство Сирии и осуществляют выгрузку оружия на сирийской территории без ее согласия). При этом необходимость получения Бельгией согласия Сирии не подразумевается со ссылкой на отсутствие у данного государства «эффективного контроля над соответствующей территорией»⁶. Аналогичная позиция отражена в письмах Германии и Норвегии, также направленных в адрес председателя Совета Безопасности ООН⁷.

¹ Анализ проблемы в контексте фрагментации международного права см.: Нешатаева Т. Н. Европейская конвенция по правам человека и интеграция интеграций: пути преодоления фрагментации международного права // *Международ. правосудие*. 2015. № 4. С. 7; Абдуллин А. И. Проблемы фрагментации и развития системы международного права // *Международ. публичное и частное право*. 2015. № 5. С. 9–12; Фрагментация международного права: трудности, возникающие в связи с диверсификацией и распространением международного права: доклад Комиссии международного права ООН от 13 апреля 2006 г. AGNU, A/CN.4/L.682.

² UNCITRAL, Final Award, 30 November 2011. Para. 8.1.2 // URL: <http://www.italaw.com/cases/documents/1170>.

³ URL: http://www.un.org/ru/events/pastevents/a_more_secure_world.shtml.

⁴ URL: <http://www.un.org/ru/events/pastevents/largerfreedom.shtml>.

⁵ См., например: Brooks R. E. Failed States, or the State of Failure? // *University of Chicago Law Review*. 2005. Vol. 72. № 3. P. 128.

⁶ URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2016/523#un.

⁷ Letter dated 10 December 2015 from the Chargé d'affaires a.i. of the Permanent Mission of Germany to the United Nations addressed to the President of the Security Council S/2015/946 10 December 2015 // URL: http://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_2015_946.pdf; Letter dated 3 June 2016 from the Permanent Representative of Norway to the United Nations addressed to the President of the Security Council. S/2016/513, 3 June 2016 // URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2016/513#un.

Библиография

«American Bible Society» incident, statement of United States Secretary of State. 17 August 1885 // A Digest of International Law. 1906. Vol. VI.

Atlam H. International Liberation Movements and International Responsibility / ed. by B. Simma, M. Spinedi. N. Y., 1987.

Brooks R. E. Failed States, or the State of Failure? // University of Chicago Law Review. 2005. Vol. 72. № 3.

Brownlie I. System of the Law of Nations. State Responsibility. Oxford, 1983. Part I.

Caron D. The Basis of Responsibility: Attribution and other Trans-Substantive Rules. Irvington-on-Hudson, 1998.

Case IT-94-1, *Prosecutor v. Tadic* // I.L.M. 1999. Vol. 38.

Crawford J. The International Law Commission's Articles on State Responsibility: Introduction, Text and Commentaries. Cambridge, 2002.

Difference Relating to Immunity from Legal Process of a Special Reporter of the Commission on Human Rights // ICJ Reports. 1999.

ECHR, Grand Chamber, Applications № 43370/04, 8252/05 and 18454/06, Judgment, 19 October 2012 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int>.

ECHR. *Liseyitseva and Maslov v. Russia*. Case № 39483/05 40527/10. 9 October 2014 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int>.

ECHR. *Lisynskiy v. Ukraine*. Case № 17899/02. 4 April 2006 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int>.

ECHR. *Xhavara & others v. Italy & Albania*, Application № 39473-98. Decision of 11 January 2001 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int>.

G. L. Solis (U.S.A.) v. *United Mexican States*. 3 October 1928 // UN RIAA. 2006. Vol. IV.

ICSID, Case № ARB/05/18 and ARB/07/15, Award, 3 March 2010 // URL: <https://icsid.worldbank.org/en/Pages/cases/searchcases.aspx>.

ICSID, Case № ARB/07/19, Decision on Jurisdiction, Applicable Law and Liability, 30 November 2012 // URL: <https://icsid.worldbank.org/en/Pages/cases/searchcases.aspx>.

ICSID, Case № ARB/07/24, Award, 18 June 2010 // URL: <https://icsid.worldbank.org/en/Pages/cases/searchcases.aspx>.

Inter-Am. Ct. H. R., Judgment, 27 November 2012 // URL: http://www.corteidh.or.cr/cf/Jurisprudencia2/busqueda_casos_contenciosos.cfm?lang=en.

Inter-Am. Ct. H. R. Judgment of July, 29. 1989. Series C. № 4 // URL: http://www.corteidh.or.cr/cf/Jurisprudencia2/busqueda_casos_contenciosos.cfm?lang=en.

International Committee of the Red Cross, Commentary on the Additional Protocols. Geneva, 1987.

Iran – U.S. C. T. R. 2 November 1987 // URL: <http://www.iusct.net>.

LaGrand (Germany v. United States of America), Provisional Measures // ICJ Reports. 1999.

Letter dated 10 December 2015 from the Chargé d'affaires a.i. of the Permanent Mission of Germany to the United Nations addressed to the President of the Security Council S/2015/946 10 December 2015 // URL: http://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_2015_946.pdf.

Letter dated 3 June 2016 from the Permanent Representative of Norway to the United Nations addressed to the President of the Security Council. S/2016/513, 3 June 2016 // URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2016/513№un.

Letter dated 7 June 2016 from the Permanent Representative of Belgium to the United Nations addressed to the President of the Security Council // URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2016/523№un.

Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (*Nicaragua v. United States of America*). Merits // ICJ Reports. 1986.

On the application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (*Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro*) // I.C.J. Reports 2007.

PCA, Case № 2009-23, First Interim Award on Interim Measures, 25 January 2012 // URL: <https://pca-cpa.org/en/cases>.

Puerto Cabello and Valencia Railway company. 1903 // UN RIAA. 2006. Vol. IX.

Shine and Miligen case // Digest of International Law – Hackworth. 1943. Vol. V.

UNCITRAL, Final Award, 30 November 2011 // URL: <http://www.italaw.com/cases/documents/1170>.

United Nations, Treaty Series. Vol. 1125.

WTO, Reports of the Panel, WT/DS384/R and WT/DS386/R, 18 November 2011 // URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/distab_e.htm.

X and Y v. Switzerland. Joined Apps. 7289/75 and 7349/76 // Yearbook ECHR. 1977. Vol. 372.

Абдуллин А. И. Проблемы фрагментации и развития системы международного права // *Международ. публичное и частное право*. 2015. № 5.

Более безопасный мир: наша общая ответственность: доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам // URL: http://www.un.org/ru/events/pastevents/a_more_secure_world.shtml.

Нешатаева Т. Н. Европейская конвенция по правам человека и интеграция интеграций: пути преодоления фрагментации международного права // *Международ. правосудие*. 2015. № 4.

Ответственность государств за международно-противоправные деяния: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 56/83 от 12 декабря 2001 г. // *Рос. ежегодник междунар. права*. 2002.

При большей свободе: к развитию, безопасности и правам человека для всех: доклад Генерального секретаря ООН, представленный для обсуждения главами государств и правительств в сентябре 2005 г. // URL: <http://www.un.org/ru/events/pastevents/largerfreedom.shtml>.

Фрагментация международного права: трудности, возникающие в связи с диверсификацией и распространением международного права: доклад Комиссии международного права ООН от 13 апреля 2006 г. AGNU, A/CN.4/L.682.

Bibliography

Abdullin A. I. Problemy fragmentacii i razvitiya sistemy mezhdunarodnogo prava // *Mezhdunar. publichnoe i chastnoe pravo*. 2015. № 5.

«American Bible Society» incident, statement of United States Secretary of State. 17 August 1885 // *A Digest of International Law*. 1906. Vol. VI.

Atlam H. International Liberation Movements and International Responsibility / ed. by B. Simma, M. Spinedi. N. Y., 1987.

Более безопасный мир: наша обшhaya ответственность: доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам // URL: http://www.un.org/ru/events/pastevents/a_more_secure_world.shtml.

Brooks R. E. Failed States, or the State of Failure? // *University of Chicago Law Review*. 2005. Vol. 72. № 3.

Brownlie I. System of the Law of Nations. State Responsibility. Oxford, 1983. Part I.

Caron D. The Basis of Responsibility: Attribution and other Trans-Substantive Rules. Irvington-on-Hudson, 1998.

Case IT-94-1, *Prosecutor v. Tadic* // *I.L.M.* 1999. Vol. 38.

Crawford J. The International Law Commission's Articles on State Responsibility: Introduction, Text and Commentaries. Cambridge, 2002.

Difference Relating to Immunity from Legal Process of a Special Reporter of the Commission on Human Rights // *ICJ Reports*. 1999.

ECHR, Grand Chamber, Applications № 43370/04, 8252/05 and 18454/06, Judgment, 19 October 2012 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int>.

ECHR. *Liseyitseva and Maslov v. Russia*. Case № 39483/05 40527/10. 9 October 2014 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int>.

ECHR. *Lisyanskiy v. Ukraine*. Case № 17899/02. 4 April 2006 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int>.

ECHR. *Xhavara & others v. Italy & Albania*, Application № 39473-98. Decision of 11 January 2001 // URL: <http://hudoc.echr.coe.int>.

Fragmentaciya mezhdunarodnogo prava: trudnosti, vznikayushhie v svyazi s diversifikaciej i rasprostraneniem mezhdunarodnogo prava: doklad Komissii mezhdunarodnogo prava OON ot 13 aprelya 2006 g. AGNU, A/CN.4/L.682.

G. L. Solis (U.S.A.) v. United Mexican States. 3 October 1928 // *UN RIAA*. 2006. Vol. IV.

ICSID, Case № ARB/05/18 and ARB/07/15, Award, 3 March 2010 // URL: <https://icsid.worldbank.org/en/Pages/cases/searchcases.aspx>.

ICSID, Case № ARB/07/19, Decision on Jurisdiction, Applicable Law and Liability, 30 November 2012 // URL: <https://icsid.worldbank.org/en/Pages/cases/searchcases.aspx>.

ICSID, Case № ARB/07/24, Award, 18 June 2010 // URL: <https://icsid.worldbank.org/en/Pages/cases/searchcases.aspx>.

Inter-Am. Ct. H. R., Judgment, 27 November 2012 // URL: http://www.corteidh.or.cr/cf/Jurisprudencia2/busqueda_casos_contenciosos.cfm?lang=en.

Inter-Am. Ct. H. R. Judgment of July, 29. 1989. Series C. № 4 // URL: http://www.corteidh.or.cr/cf/Jurisprudencia2/busqueda_casos_contenciosos.cfm?lang=en.

International Committee of the Red Cross, Commentary on the Additional Protocols. Geneva, 1987.

Iran – U.S. C.T.R. 2 November 1987 // URL: <http://www.iusct.net>.

LaGrand (Germany v. United States of America), Provisional Measures // ICJ Reports. 1999.

Letter dated 10 December 2015 from the Chargé d'affaires a.i. of the Permanent Mission of Germany to the United Nations addressed to the President of the Security Council S/2015/946 10 December 2015 // URL: http://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_2015_946.pdf.

Letter dated 3 June 2016 from the Permanent Representative of Norway to the United Nations addressed to the President of the Security Council. S/2016/513, 3 June 2016 // URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2016/513№un.

Letter dated 7 June 2016 from the Permanent Representative of Belgium to the United Nations addressed to the President of the Security Council // URL: http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2016/523№un.

Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (*Nicaragua v. United States of America*). Merits // ICJ Reports. 1986.

Neshataeva T. N. Evropejskaya konvenciya po pravam cheloveka i integraciya integracij: puti preodoleniya fragmentacii mezhdunarodnogo prava // Mezhdunar. pravosudie. 2015. № 4.

On the application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Serbia and Montenegro) // I.C.J. Reports 2007.

Otvetstvennost' gosudarstv za mezhdunarodno-protivopravnye deyaniya: Rezolyuciya General'noj Assamblei OON 56/83 ot 12 dekabrya 2001 g. // Ros. ezhegodnik mezhdunar. prava. 2002.

PCA, Case № 2009-23, First Interim Award on Interim Measures, 25 January 2012 // URL: <https://pca-cpa.org/en/cases>.

Pri bol'shej svobode: k razvitiyu, bezopasnosti i pravam cheloveka dlya vsekh: доклад General'nogo sekretarya OON, predstavlenyj dlya obsuzhdeniya glavami gosudarstv i pravitel'stv v sentyabre 2005 g. // URL: <http://www.un.org/ru/events/pastevents/largerfreedom.shtml>.

Puerto Cabello and Valencia Railway company. 1903 // UN RIAA. 2006. Vol. IX.

Shine and Miligen case // Digest of International Law – Hackworth. 1943. Vol. V.

UNCITRAL, Final Award, 30 November 2011 // URL: <http://www.italaw.com/cases/documents/1170>.

United Nations, Treaty Series. Vol. 1125.

WTO, Reports of the Panel, WT/DS384/R and WT/DS386/R, 18 November 2011 // URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/dispu_e/distab_e.htm.

X and Y v. Switzerland. Joined Apps. 7289/75 and 7349/76 // Yearbook ECHR. 1977. Vol. 372.

О ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ СУДОВ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Ключников Андрей Юрьевич

Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (Липецкий филиал) (Липецк),
e-mail: andrew19871961@mail.ru

Рассмотрена проблема процессуальной самостоятельности национальных судов. Сделана попытка наметить границы воздействия практики Суда ЕС на национальное процессуальное право. Указано, что данное влияние является секторальным, не порождающим обязанности по внесению изменений в национальные процессуальные правила, однако способствуя гармонизации процессуальных норм государств-членов ЕС.

Ключевые слова: суд, Европейский союз, инстанция, автономия, процесс, прецедент, компетенция

ON THE PROCEDURAL AUTONOMY OF NATIONAL COURTS IN THE EU MEMBER STATES

Klyuchnikov Andrey

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Lipetsk),
e-mail: andrew19871961@mail.ru

The article is dedicated to the problem of supranational and national courts' competence. The author attempts to delineate the boundaries of the EU Court's practice that influences the national procedural law. It is stated that this influence seems to be sectoral and doesn't entail duties to amend the national procedural legislation, however, it helps to harmonize procedural rules of the EU Member States.

Key words: court, European Union, authority, autonomy, court case, jurisdiction

Возможность процедурного воздействия наднациональных судебных органов на правоприменение национальными судебными инстанциями в ходе текущего отправления правосудия ограничена моментом принятия ими решения по существу. Итоговое судебное решение должно учитывать внутренние материально-правовые и процессуальные правила и нормы. Однако когда национальное право сосуществует с наднациональным правом, в значительной степени на него влияющим, соблюдение правил национального права может не дать должного правового результата.

Судебный акт обязан не просто соответствовать существующим на данном этапе развития общества стандартам юстиции, быть с ним совместимым, но и находиться в гармонии с аналогичными решениями, принимаемыми судами других государств, реализующих наднациональное право. В рамках ЕС, например, процессуальная самостоятельность судебных органов ограничена внешним механизмом контроля со стороны Суда ЕС. Национальный суд правомочен обратиться в Суд ЕС с преюдициальным запросом, если у него появляются сомнения в соответствии квалификации деяния или процедурного правила общеевропейским стандартам и если вопрос о соответствии праву ЕС воз-

никает в ходе разрешения дела по существу¹. В этом усматриваются черты традиционного конституционного нормоконтроля. Когда же процессуальное решение национальным судом принято, то в Суд ЕС уже обращаются национальные власти², в том числе в случаях, когда решения нижестоящих судов стали окончательными по обстоятельствам дела (к примеру, при истечении сроков давности привлечения к уголовной ответственности).

На наш взгляд, европейскому законодателю удалось создать гибкий механизм, позволяющий гармонизировать принятие процессуальных решений в рамках ЕС, поскольку инстанционным контролем стали охватываться все национальные процессуальные акты. Данный вопрос актуален и для российских юридических и физических лиц, ибо в ряде случаев Суд ЕС принимал к рассмотрению запросы судов Германии и Испании о применении права ЕС по делам, где истцами выступали российские граждане³.

Важный аспект исследуемой проблемы – объем «вмешательства» наднациональной судебной инстанции, поставленный в зависимость от возможности обжалования судебного акта. По этому критерию судебные акты условно делятся на промежуточные и итоговые.

Промежуточный судебный акт может быть предметом проверки национальной судебной инстанции по существу, и практика Суда ЕС «идет по пути признания автономии государств в сфере контроля промежуточных судебных решений»⁴. Для таких судебных актов, с нашей точки зрения, сформировался особый режим «правового вакуума» права ЕС, поскольку вышестоящие судебные инстанции обязаны пересмотреть решение сквозь призму принципов эффективной судебной защиты. На практике указанный подход используют для корректировки границ и способов контроля в целях правильного применения права ЕС, проверки как административных решений, так и обычного правоприменения⁵.

Итоговый национальный судебный акт нельзя изменить или отменить, подвергнуть дальнейшей проверке (даже из-за неподачи жалобы или несоответствия праву ЕС). Окончателюность решения – это исчерпывающий вывод о правовых последствиях заявленных требований, включая разрешение вопроса об исполнении решения. В отличие от промежуточных судебных актов итоговые акты находятся под двойным инстанционным контролем в ходе текущего нормоконтроля. Если раньше незыблемым считалось правило о невозможности проверки Судом ЕС вступившего в силу акта через преюдициальный запрос⁶, то в последнее время практика меняется⁷.

Необходимость и объем проверки в каждом случае зависят от типа компетенции ЕС (исключительная, совместная), степени унификации исследуемой области, регулирования вопроса в рамках вторичного права ЕС. Как отметил С. В. Ершов, «функционирование наднационального механизма ЕС в целом поддерживается и развивается Судом ЕС посредством обеспечения диалога и сотрудничества между институтами ЕС, децентра-

¹ The Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union (consolidated versions) // OJ. 2012. С 326. P. 0001-0390.

² Бирюков П. Н. Международное право: учеб. пособие: в 2 т. М., 2015. Т. 1. С. 280.

³ Калиниченко П. А. Правовое регулирование отношений между Россией и Евросоюзом: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 21.

⁴ Панюшкина О. В. О взаимном признании приговоров с целью исполнения наказаний между государствами-членами Европейского союза // Вестн. Воронежского гос. ун-та. Сер. Право. 2010. № 1. С. 527.

⁵ Schermers H., Waelbroek D. Judicial Protection in the European Union. N. Y., 2001. P. 251.

⁶ Хапов А. А. Налоговое право в системе международно-правовых отношений: методологический аспект // Рос. юстиция. 2005. № 9. С. 68.

⁷ Case. № C-444/07 *MG Probud Gdynia* // ECR. 2010. I-417.

лизации институциональной системы ЕС и гарантии институционального равновесия в данной области»¹.

Право ЕС исходит из того, что государства-члены ЕС могут самостоятельно формировать структуру судебных органов², способы и границы инстанционной проверки, если сложившаяся национальная судебная система позволяет реализовывать общеевропейские стандарты. Орган власти, обладающий судебной компетенцией, должен быть процессуально наделен правом обратиться с запросом в Суд ЕС. Корректировка модели судостроительства необходима, когда национальное право не отвечает требованиям эффективной судебной защиты, не способствует разрешению спора по существу. Однако в ЕС нет единого подхода даже к решению вопроса квалификации органа в качестве суда (ранее Суд ЕС к таковым относил квазисудебные, административные органы). Это свидетельствует о нечеткости нормативного оформления процессуальных границ.

Принцип *Rewe / Comet*³, согласно которому создание на общеевропейском уровне процессуальных норм должно отвечать требованию эффективности непосредственно действующих норм права сообществ с сохранением процессуальной автономии государств-членов ЕС, остается незыблемым процессуальным правилом. Право ЕС как централизованное право отличается от права федеративных государств, где федеральное право в основном применяется федеральными органами власти и использует иные институциональные решения. Суд ЕС компетентен рассматривать дела, касающиеся права ЕС, только в той мере, в какой это предусмотрено учредительными договорами. В остальных случаях, за исключением некоторых областей права, где господствует общеевропейское регулирование (например, защита конкуренции), право ЕС реализуется национальными органами власти. Правда, такая самостоятельность постоянно ограничивается ввиду роста законодательской деятельности ЕС и правотворческой активности Суда ЕС.

Сохранение национальной процессуальной самостоятельности оправдано стремлением государств к сокращению количества формальных юридических процедур, их известностью местным гражданам. Однако «поскольку право Сообщества в ходе применения и судебной защиты „проходит“ через национальные правовые системы, его действие неизбежно затрагивается особенностями этих систем. Местные процессуальные правила... не являются единообразными во всех государствах-членах. Это, несомненно, приводит к неравной судебной защите прав частных лиц. Компетенция национальных судов и эффективность способов защиты прав также может сильно отличаться в разных государствах-членах»⁴. По нашему мнению, введение единых процессуальных стандартов на общеевропейском пространстве должно стать одним из направлений нормотворческой деятельности ЕС.

Пока же практика Суда ЕС не оказывает существенного влияния на изменение национального процессуального права и воздействует на него секторально (эпизодически). Так, по делу «*Фактортама*» 1994 г.⁵ Суд ЕС признал отказ в наложении временных обеспечительных мер, которые могли затронуть публичный интерес, не соответствующим принципу эффективности. По делу «*Муньос*» 2002 г.⁶ Суд ЕС признал за предпринимате-

¹ Еришов С. В. Правовые особенности формирования наднациональной власти ЕС в процессе взаимодействия права ЕС и национального права государств-членов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 7.

² Марченко М. Н., Дерябина Е. М. Право Европейского союза. Вопросы истории и теории. М., 2010. С. 52.

³ Case № C-158/80 *Rewe-Handelsgesellschaft Nord mbH et Rewe-Markt Steffen v. Hauptzollamt Kiel* // ECR. 1981. 1805.

⁴ Наруцкий А. С. Защита коммунитарных прав в практике суда европейских сообществ // Законодательство. 2002. № 7. С. 66–76.

⁵ Case № C-213/89 *The Queen v. Secretary of State for Transport, ex parte: Factortame Ltd and others* // ECR. 1994. I-3325.

⁶ Case № C-253/00 *Antonio Muñoz y Cia SA i Superior Fruiticola SA v. Frumar Ltd i Redbridge Produce Marketing Ltd* // ECR. 2002. I-7289.

лями право обратиться в суд с иском по вопросам стандартов качества, предложив расширительно толковать его приемлемость при доказанности истцом нарушения субъективного права. Однако по указанным и иным делам Суд ЕС не уточнил процессуальный механизм, который мог бы быть введен в национальное право государств-членов ЕС.

Не изменилась ситуация и за последние несколько лет. По делу «Д. Хуэрос» 2013 г.¹ Суд ЕС разъяснил, что несмотря на заявленное им требование о расторжении договора купли-продажи, национальный суд может по собственной инициативе снизить потребительскую цену товара даже в случае отказа в иске по данному основанию. Суд в таких случаях должен исходить из правового результата (согласно испанскому процессуальному праву истица при получении отказа в иске лишалась права на предъявление любого другого иска по этому договору). По делу «Коне, Отис, Шиндлер, ТиссенКрупп» 2014 г.² Суд ЕС в ответ на преюдициальный запрос указал, что применение национального права, не допускающего наложения гражданско-правовой ответственности на компании за ущерб, причиненный в результате использования доминирующего положения на рынке в отношении участников рынка, не соответствует праву ЕС, а значит, такие участники рынка также являются надлежащими истцами.

Отметим, что во всех рассмотренных делах Суд ЕС ограничился лишь указанием на возможность более широкого толкования норм национального процесса при реализации норм права ЕС, не дав каких-либо рекомендаций по гармонизации правовых систем или применению единых процессуальных стандартов.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что Суд ЕС наделен правом опосредованно воздействовать на национальное правоприменение только на этапе рассмотрения дела по существу спора при условии, что по делу предполагается принятие итогового судебного решения. Практика Суда ЕС показывает, что он воздействует на национальное процессуальное право по некоторым вопросам, не затрагивая внутренний процессуальный механизм государств-членов ЕС. В его подходе нет целостности. Сегодня единого процессуального пространства в ЕС не существует, можно говорить лишь о рецепции отдельных процессуальных институтов.

Любая основанная на верховенстве права система должна включать механизмы, позволяющие самостоятельно обеспечивать его эффективность. Применительно к праву ЕС проблема распределения компетенции в рамках разноуровневых судебных систем демонстрирует отсутствие правовой определенности. В перспективе, как правильно отметил Л. А. Лазутин, при разрешении вопросов сотрудничества в международном уголовно-процессуальном праве необходимо разумное сочетание принципа суверенитета и принципа рациональности³. Активное взаимодействие судебных инстанций по отдельным аспектам процессуального регулирования способно стать эффективным средством унификации норм процессуального права в рамках интеграционного образования.

Библиография

Case № C-158/80 *Rewe-Handelsgesellschaft Nord mbH et Rewe-Markt Steffen v. Hauptzollamt Kiel* // ECR. 1981. 1805.

Case № C-213/ 89 *The Queen v. Secretary of State for Transport, ex parte: Factortame Ltd and others* // ECR. 1994. I-3325.

¹ Case № C-32/12 *Soledad Duarte Hueros v. Autociba SA and Automóviles Citroën España SA*. [2013] // ECR. 2013. I-8713.

² Case № C-557/12 *Kone AG Otis GmbH, Schindler Aufzüge und Fahrtreppen GmbH, Schindler Liegenschaftsverwaltung GmbH, ThyssenKrupp Aufzüge GmbH v. ÖBB-Infrastruktur AG* // ECR. 2014. I-0000.

³ Лазутин Л. А. Учредительные акты международных судов как регуляторы правовой помощи по уголовным делам // Рос. юрид. журн. 2012. № 6. С. 116.

Case № C-253/00 *Antonio Muñoz y Cia SA i Superior Fruiticola SA v. Frumar Ltd i Redbridge Produce Marketing Ltd* // ECR I-7289.

Case № C-32/12 *Soledad Duarte Hueros v. Autociba SA and Automóviles Citroën España SA* // ECR. 2013. I-8713.

Case № C-444/07 *MG Probud Gdynia* // ECR. 2010. I-417.

Case № C-557/12 *Kone AG Otis GmbH, Schindler Aufzüge und Fahrtreppen GmbH, Schindler Liegenschaftsverwaltung GmbH, ThyssenKrupp Aufzüge GmbH v. ÖBB-Infrastruktur AG* // ECR. 2014. I-0000.

Schermers H., Waelbroek D. Judicial Protection in the European Union. N. Y., 2001.

The Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union (consolidated versions) // OJ. 2012. C 326.

Бирюков П. Н. Международное право: учеб. пособие: в 2 т. М., 2015. Т. 1.

Ершов С. В. Правовые особенности формирования наднациональной власти ЕС в процессе взаимодействия права ЕС и национального права государств-членов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

Калиниченко П. А. Правовое регулирование отношений между Россией и Евросоюзом: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011.

Лазутин Л. А. Учредительные акты международных судов как регуляторы правовой помощи по уголовным делам // Рос. юрид. журн. 2012. № 6.

Марченко М. Н., Дерябина Е. М. Право Европейского союза. Вопросы истории и теории. М., 2010.

Наруцкий А. С. Защита коммунитарных прав в практике суда европейских сообществ // Законодательство. 2002. № 7.

Панюшкина О. В. О взаимном признании приговоров с целью исполнения наказаний между государствами-членами Европейского союза // Вестн. Воронежского гос. ун-та. Сер. Право. 2010. № 1.

Хапов А. А. Налоговое право в системе международно-правовых отношений: методологический аспект // Рос. юстиция. 2005. № 9.

Bibliography

Biryukov P. N. Mezhdunarodnoe pravo: ucheb. posobie: v 2 t. M., 2015. T. 1.

Case № C-158/80 *Rewe-Handelsgesellschaft Nord mbH et Rewe-Markt Steffen v. Hauptzollamt Kiel* // ECR. 1981. 1805.

Case № C-213/ 89 *The Queen v. Secretary of State for Transport, ex parte: Factortame Ltd and others* // ECR. 1994. I-3325.

Case № C-253/00 *Antonio Muñoz y Cia SA i Superior Fruiticola SA v. Frumar Ltd i Redbridge Produce Marketing Ltd* // ECR I-7289.

Case № C-32/12 *Soledad Duarte Hueros v. Autociba SA and Automóviles Citroën España SA* // ECR. 2013. I-8713.

Case № C-444/07 *MG Probud Gdynia* // ECR. 2010. I-417.

Case № C-557/12 *Kone AG Otis GmbH, Schindler Aufzüge und Fahrtreppen GmbH, Schindler Liegenschaftsverwaltung GmbH, ThyssenKrupp Aufzüge GmbH v. ÖBB-Infrastruktur AG* // ECR. 2014. I-0000.

Ershov S. V. Pravovye osobennosti formirovaniya nadnacional'noj vlasti ES v processe vzaimodejstviya prava ES i nacional'nogo prava gosudarstv-chlenov: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2003.

Kalinichenko P. A. Pravovoe regulirovanie otnoshenij mezhdru Rossiej i Evrosoyuzom: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2011.

Lazutin L. A. Uchreditel'nye akty mezhdunarodnyx sudov kak regulatory pravovoj pomoshhi po ugovolnym delam // Ros. yurid. zhurn. 2012. № 6.

Marchenko M. N., Deryabina E. M. Pravo Evropejskogo soyuza. Voprosy istorii i teorii. M., 2010.

Naruckij A. S. Zashhita kommunitarnyx prav v praktike suda evropejskix soobshhestv // Zakonodatel'stvo. 2002. № 7.

Panyushkina O. V. O vzaimnom priznanii prigovorov s cel'yu ispolneniya nakazaniy mezhdru gosudarstvami-chlenami Evropejskogo soyuza // Vestn. Voronezhskogo gos. un-ta. Ser. Pravo. 2010. № 1.

Schermers H., Waelbroek D. Judicial Protection in the European Union. N. Y., 2001.

The Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union (consolidated versions) 2012/C 326/01 // OJ. 2012. C 326.

Харов А. А. Налоговое право в системе международно-правовых отношений: методологический аспект // Рос. юстиция. 2005. № 9.

ПОНЯТИЕ «РЕГИОН БЕРИНГОВА ПРОЛИВА»

Норкина Елена Владимировна

Аспирант кафедры международного права

Московского государственного института международных отношений МИД России (Москва),

e-mail: lennorkina@gmail.com

Рассматривается использование понятия «регион Берингова пролива» в отечественной и зарубежной научной литературе, в отчете Арктического совета «Оценка морского судоходства в Арктике» 2009 г., в тематическом исследовании Берингова пролива и международных документах. Отмечается различие понятий «Берингов пролив» и «регион Берингова пролива». Берингов пролив – это пролив, используемый для международного судоходства, соединяющий Берингово и Чукотское моря и разъединяющий территории США и РФ. Единого подхода к определению понятия «регион Берингова пролива» нет. В зарубежной научной литературе под ним понимается не только сам Берингов пролив, но и южная часть Чукотского моря и северная часть Берингова моря. В международных документах регионом Берингова пролива называется Берингов пролив и особо охраняемые природные территории в Чукотском автономном округе и штате Аляска, прилегающие к Берингову проливу и образующие трансграничную особо охраняемую природную территорию в этом регионе. Автор предлагает свое определение данного понятия.

Ключевые слова: Берингов пролив, регион Берингова пролива, Берингия, Арктический Совет, коренные народы

THE CONCEPT OF THE BERING STRAIT REGION

Norkina Elena

Moscow State Institute of International Relations of the Russian Foreign Ministry (Moscow),

e-mail: lennorkina@gmail.com

The author considers the use of the concept of the Bering Strait region in Russian and foreign scientific literature, the report of the Arctic Council «Assessment of marine shipping in the Arctic» 2009, the case study of the Bering Strait region, and international documents. It is necessary to distinguish the concept of the Bering Strait and the Bering Strait region. The Bering Strait is the strait that is used for international navigation, unites the Chukchi and Bering seas and separates the territories of Russian and the USA. Regarding the concept of «the Bering Strait region» there is no any unified approach to its definition. Some studies refer to the Bering Strait region as the region that includes the Bering Strait and land areas adjacent to the Bering Strait where indigenous peoples reside. In international documents the Bering Strait region is considered as the Bering Strait and protected areas in Chukotka Autonomous district and the state of Alaska adjacent to the Bering Strait areas, which form a transboundary protected area. The author formulates her own definition of the mentioned concept.

Key words: Bering Strait, Bering Strait region, Beringia, Arctic Council, indigenous peoples

Берингов пролив, разделяющий Азию и Северную Америку, – единственный морской путь, соединяющий Северный Ледовитый и Тихий океаны. Из-за сокращения площади многовековой ледяной «шапки» в Арктике и развития судоходства¹ к нему усиливает-

¹ Вылегжанин А. Н., Дудыкина И. П., Норкина Е. В. Международно-правовой режим Берингова пролива // Государство и право. 2016. № 8. С 62–71; Berkman P. A., Vylegzhanin A. N., Young Oran R. Governing the Bering Strait Region: Current Status, Emerging Issues and Future Options // Ocean Development & International Law. 2016. № 2. Vol. 47. P. 186–217.

ся теоретический и практический интерес. Берингов пролив является местом обитания множества видов морских и анадромных рыб, птиц, а также миграционным коридором для сотен тысяч морских млекопитающих¹.

На прилегающих к Берингову проливу территориях США и РФ проживают коренные народы, которые осуществляют традиционные виды природопользования и зависят от окружающей среды. Резкий же рост экономической, рекреационной деятельности в регионе может нанести ущерб его флоре и фауне, негативно сказаться на жизни коренных народов. В связи с этим РФ и США должны выработать меры, направленные на смягчение возможных неблагоприятных последствий этой деятельности. Таким образом, исследование статуса региона Берингова пролива и правового регулирования соответствующих международных отношений становится все более актуальным.

Существует большое количество дефиниций термина «регион», мы же остановимся на одном: «Регион – это комплекс, состоящий из земли, воздуха, флоры, фауны и человеческого населения, которые могут рассматриваться в их особых отношениях друг с другом и которые составляют вместе определенную и характерную часть поверхности Земли»².

Отметим, что в отечественной научной литературе нет правового анализа термина «регион Берингова пролива», а вот в зарубежной научной литературе он встречается довольно часто. Так, одни авторы³ полагают, что понятия «Берингов пролив» и «регион Берингова пролива» различны. С их точки зрения, Берингов пролив есть проход через самую узкую часть вод между Чукотским полуостровом в Сибири и полуостровом Сьюарда на Аляске, ширина которого составляет 56 миль, между мысом Дежнева и мысом принца Уэльского; регион же Берингова пролива – территория, прилегающая к двум полуостровам (Чукотскому полуострову и полуострову Сьюарда), и их воды, а также часть вод Берингова и Чукотского морей. Другие ученые под регионом понимают северную часть Берингова моря, Берингов пролив и южную часть Чукотского моря⁴. Третьи регионом Берингова пролива считают морскую территорию между Северной Америкой и Азией (между 63 и 69° северной широты), состоящую из северной части Берингова моря, Берингова пролива и южной части Чукотского моря⁵.

Рассматривая понятие «регион Берингова пролива», стоит остановиться на отчете Арктического совета «Оценка морского судоходства в Арктике» 2009 г.⁶ В нем указывается, что Берингов пролив является международным проливом, соединяющим Тихий и Северный Ледовитый океаны, в которых из-за уменьшения морского льда в летний период может увеличиться судоходство, в том числе по направлению к месторождениям нефти и газа в Чукотском море и море Бофорта, а также к шахте Красная Собака на северо-западе Аляски. В связи с чем предлагается устанавливать схемы разделения движения судов, создавать службы управления ими и использовать меры по смягчению возможных неблагоприятных последствий в отношении окружающей среды и коренных народов.

В тематическом исследовании Берингова пролива⁷ (с участием представителей Службы береговой охраны США, Национального управления по исследованию океанов и ат-

¹ Судоходство. Берингов пролив // URL: http://ntt.wwf.ru/about/what_we_do/seas/shipping/doc3361/page1.

² Абрамов Ю. Ф., Арсентьева И. И. Регионоведение России: учеб. пособие. Иркутск, 2006. С. 22.

³ Fisher R. H. The Early Cartography of the Bering Strait Region // Arctic. 1984. № 4. Vol. 37. P. 574.

⁴ Hartsig A. and others. Arctic Bottleneck: Protecting the Bering Strait Region from Increased Vessel Traffic // Ocean & Coastal Law Journal. 2012. № 1. Vol. 18. P. 35–87.

⁵ Ristroph E. B. Loosening Lips to Avoid Sinking Ships: Designing a Ship Communications System for the Bering Strait Region // Indiana International & Comparative Law Review. 2014. Vol. 24. № 3. P. 584.

⁶ URL: http://www.arctic.noaa.gov/detect/documents/AMSA_2009_Report_2nd_print.pdf.

⁷ Brigham L. and others. Bering Strait Region Case Study // URL: <http://www.institutenorth.org/assets/images/uploads/files/5.5-Bering-Strait-Region-Case-Study.pdf>.

мосферы США, Национальной метеорологической службы, Военно-морского училища США, Службы охраны рыбных ресурсов и диких животных США и др.) говорится, что этот сравнительно небольшой регион имеет стратегическое значение. Подчеркивается, что в регионе проживает около 9 тыс. коренных российских и американских граждан, среди которых различают три языковые и культурные группы эскимосов: инупиаки, юпики центральной Аляски, юпики острова Святого Лаврентия. Данные народы занимаются традиционными видами природопользования и зависят от таких морских ресурсов, как млекопитающие, рыба и др.

Из изложенного видно, что зарубежные ученые, определяя термин «регион Берингова пролива», ведут речь лишь о самом Берингове проливе, южной части Чукотского моря и северной части Берингова моря и ничего не говорят ни о территориях, прилегающих к Берингову проливу, ни о населении, ни об окружающей среде. Правда, в исследованиях, хотя и поверхностно, затрагиваются вопросы, связанные с территориями, прилегающими к Берингову проливу. Так, в упоминавшемся выше отчете Арктического совета и тематическом исследовании Берингова пролива под регионом понимаются Берингов пролив и та часть его побережья, в которой проживают коренные народы.

Мы согласны с мнением ряда ученых, считающих, что включение в понятие региона только водных частей, т. е. Берингова пролива, южной части Чукотского моря и северной части Берингова моря, не совсем юридически корректно¹. В обоснование своей точки зрения они указывают, что иное толкование данного понятия предусмотрено в следующих документах.

1. Совместное заявление Президента Российской Федерации и Президента Соединенных Штатов Америки по сотрудничеству в регионе Берингова пролива от 26 мая 2011 г. Согласно ему стороны «заявляют о намерении углублять сотрудничество между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки в регионе Берингова пролива, включая расширение взаимодействия между национальными органами, отвечающими за особо охраняемые природные территории в Чукотском автономном округе и штате Аляска, в том числе о своей приверженности развитию диалога с коренными народами для определения конкретных задач и методов такого сотрудничества»².

2. Совместное заявление министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова и государственного секретаря Соединенных Штатов Америки Х. Клинтон по сотрудничеству в регионе Берингова пролива от 8 сентября 2012 г. В нем отмечается, что регион Берингова пролива является «областью современного сотрудничества между россиянами и американцами»³, что права коренных народов, проживающих на территории Чукотки и Аляски, нуждаются в защите.

В соответствии с данным документом «Министр и Госсекретарь согласились продолжать работать над созданием „трансграничной особо охраняемой природной территории в регионе Берингова пролива“ в координации с местными органами власти и органами самоуправления коренных племен, стремясь объединить создаваемый национальный парк „Берингия“ на Чукотке с национальным резерватом „Сухопутный Берингов мост“ и национальным природным памятником „Мыс Крузенштерна“ на Аляске». Более того, к 31 декабря 2012 г. планировалось заключить договор между РФ и США по предлагаемой «трансграничной особо охраняемой природной территории в регионе Берингова пролива», но осуществлено это не было.

¹ Berkman P. A., Vylegzhanin A. N., Young O. R. Op. cit. P. 189.

² URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/938>.

³ URL: http://www.mid.ru/maps/us/-/asset_publisher/unVXBbj4Z6e8/content/id/144298.

3. Проект меморандума о взаимопонимании между Правительством РФ и Правительством США о символическом объединении национальных парков в регионе Берингова пролива от 28 октября 2013 г. (далее – Меморандум)¹. В нем рассматриваются вопросы защиты культурного наследия Чукотки и Аляски, отмечается важность региона Берингова пролива для экономики двух стран, подтверждается взаимный интерес в углублении сотрудничества, указывается на необходимость обеспечения доступа к природным ресурсам в соответствии с национальным законодательством государств, подчеркивается значимость уникальных экосистем Чукотки и Аляски, высказывается обеспокоенность по поводу воздействия человека на климат данного региона и пр.

В Меморандуме определены национальные органы, координирующие взаимодействие государств в интересующей их сфере. Это Служба национальных парков США и Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. Установлены географические рамки сотрудничества – регион Берингова пролива, включающий Национальный парк «Берингия» (РФ) и национальный резерват «Сухопутный Берингов мост», национальный природный памятник «Мыс Крузенштерна» (США). Государства сами определяют границы национальных парков, а при их изменении уведомляют об этом другую сторону.

Объединение парков в регионе Берингова пролива предлагается в целях:

- упрощения взаимодействия между сторонами на национальном уровне;
- предоставления возможности обеим странам получить социальную и экономическую выгоду за счет поощрения экологического туризма, рекреации территорий и др.;
- укрепления взаимопонимания и сотрудничества в сфере защиты окружающей среды, сохранения культурного наследия и народного образования;
- защиты уникального, традиционного образа жизни коренных народов региона Берингова пролива;
- уважения прав коренных народов и других местных жителей в соответствии с законами каждой страны;
- поощрения изучения природных ресурсов и использования их, а также изучения и понимания культурного наследия международного значения в регионе;
- осуществления культурного, научного и образовательного сотрудничества, обмена экспертами и специалистами;
- обеспечения возможности для народов России и США участвовать в сохранении природного и культурного наследия и принимать совместные меры для защиты хрупкой арктической экосистемы в регионе Берингова пролива.

Меморандумом предусмотрены разработка совместного плана действий, который по мере необходимости будет пересматриваться и обновляться, а также назначение координаторов, которые будут сотрудничать и способствовать взаимодействию между сторонами. Совместные мероприятия сторон включают обмен информацией и техническим опытом в отношении управления природными и культурными ресурсами, ознакомительные поездки, стажировки, курсы, семинары, симпозиумы, исследовательские проекты и другие формы деятельности.

В настоящее время² действует программа «Общее наследие Берингии», которая была создана в рамках Соглашения между СССР и США о сотрудничестве в области охраны

¹ Memorandum of Understanding between the Government of the United States of America and the Government of the Russian Federation Symbolically Linking National Parks in the Bering Strait Region. Draft. 2013. October 28 // URL: http://www.legis.state.ak.us/basis/get_documents.asp?session=28&docid=18090.

² Однако стоит отметить, что целевые установки на сайте программы «Общее наследие Берингии» прописаны только на 2014 г., на 2015, 2016, 2017 гг. они отсутствуют.

окружающей среды 1972 г. и начала функционировать в 1991 г. Под Берингией понимается «регион, включающий морские и сухопутные территории, ограниченный с запада рекой Леной (Россия), с востока – рекой Маккензи (канадская провинция Британская Колумбия), с севера – семьдесят второй параллелью северной широты в Чукотском море, а с юга – оконечностью Камчатского полуострова»¹.

Задачами программы являются:

«1. Содействие установлению атмосферы взаимопонимания и сотрудничества между Соединенными Штатами, Россией и коренными народами Берингии в области охраны окружающей среды, а также сохранения и интерпретации исторических и культурных памятников.

2. Поддержка традиционного природопользования на территории Берингии, а также уникальных традиционных занятий и промыслов коренных народов региона.

3. Содействие изучению, интерпретации и использованию природных и культурных ресурсов, имеющих международное значение.

4. Содействие культурному обмену между коренными жителями по обе стороны Берингова пролива»².

Подведем итоги.

1. Понятие «регион Берингова пролива» является новым для отечественной науки международного права. Ни в России, ни в США нет юридически единообразного определения данного термина. В связи с этим необходимо разработать единое понятие «регион Берингова пролива», которое может стать основой для уточнения объекта международных договоров и иных международно-правовых актов по изучаемой проблематике.

2. Регион Берингова пролива предлагается рассматривать как целостный объект, поскольку вопросы судоходства, поддержания традиционного образа жизни коренных народов и охраны окружающей среды тесно взаимосвязаны. При принятии решения в отношении какого-либо составляющего элемента региона Берингова пролива нужно искать комплексные подходы. Это подтверждает и трактовка в зарубежной литературе термина «социально-экологическая система Берингова пролива» (*«the Bering Strait social-ecological system»*). В систему входят такие взаимодействующие элементы, как коренные народы и окружающие их экосистемы (морские млекопитающие, морские льды, прибрежные ландшафты); социальные институты, разработанные для поддержания экосистем. Социально-экологическая система Берингова пролива характеризуется как сложная, с изменяющимися условиями, подпадающая не под одну юрисдикцию, включающая мигрирующие виды животных и не одну культуру³.

3. Берингов пролив, расположенный на мировых морских путях, квалифицируется Россией и США как пролив, используемый для международного судоходства. Зарубежные исследователи в регион Берингова пролива включают и северную часть Берингова моря, и южную часть Чукотского моря. В рассмотренных нами международных документах под регионом понимаются еще и территории национальных парков, находящихся на суше, которые образуют трансграничную особо охраняемую природную территорию и в России, и в США.

4. Основываясь на сказанном, мы предлагаем следующее определение: «Регион Берингова пролива – это территория, включающая Берингов пролив, северную часть Берингова моря, южную часть Чукотского моря, два острова: Большой Диомид (Россия) и

¹ URL: <http://www.nps.gov/akso/beringia/beringia/ru-index.cfm>.

² Там же.

³ Meek C. L. and others. Building Resilience Through Interlocal Relations: Case Studies of Polar Bear and Walrus Management in the Bering Strait // Marine Policy. 2008. Vol. 32. № 6. P. 1080.

Малый Диомид (США) – и скалу Фэруэй (США), а также сухопутные территории, прилегающие к Берингову проливу со стороны США и РФ; причем перечисленные компоненты суши образуют трансграничную особо охраняемую природную территорию в России и США, где проживают коренные народы, осуществляющие традиционные виды природопользования».

Библиография

Berkman P. A., Vylegzhanin A. N., Young O. R. Governing the Bering Strait Region: Current Status, Emerging Issues and Future Options // *Ocean Development & International Law*. 2016. № 2. Vol. 47.

Brigham L. and others. Bering Strait Region Case Study // URL: <http://www.institutenorth.org/assets/images/uploads/files/5.5-Bering-Strait-Region-Case-Study.pdf>.

Fisher R. H. The Early Cartography of the Bering Strait Region // *Arctic*. 1984. № 4. Vol. 37.

Hartsig A. and others. Arctic Bottleneck: Protecting the Bering Strait Region from Increased Vessel Traffic // *Ocean & Coastal Law Journal*. 2012. № 1. Vol. 18.

Meek C. L. and others. Building Resilience Through Interlocal Relations: Case Studies of Polar Bear and Walrus Management in the Bering Strait // *Marine Policy*. 2008. Vol. 32. № 6.

Memorandum of Understanding between the Government of the United States of America and the Government of the Russian Federation Symbolically Linking National Parks in the Bering Strait Region. Draft. 2013. October 28 // URL: http://www.legis.state.ak.us/basis/get_documents.asp?session=28&docid=18090.

Ristroph E. B. Loosening Lips to Avoid Sinking Ships: Designing a Ship Communications System for the Bering Strait Region // *Indiana International & Comparative Law Review*. 2014. Vol. 24. № 3.

Абрамов Ю. Ф., Арсентьева И. И. Регионоведение России: учеб. пособие. Иркутск, 2006.

Вылегжанин А. Н., Дудыкина И. П., Норкина Е. В. Международно-правовой режим Берингова пролива // *Государство и право*. 2016. № 8.

Оценка морского судоходства в Арктике: отчет Арктического совета 2009 г. // URL: http://www.arctic.noaa.gov/detect/documents/AMSA_2009_Report_2nd_print.pdf.

Совместное заявление министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова и государственного секретаря Соединенных Штатов Америки Х. Клинтон по сотрудничеству в регионе Берингова пролива от 8 сентября 2012 г. // URL: http://www.mid.ru/maps/us/-/asset_publisher/unVXBbj4Z6e8/content/id/144298.

Совместное заявление Президента Российской Федерации и Президента Соединенных Штатов Америки по сотрудничеству в регионе Берингова пролива от 26 мая 2011 г. // URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/938>.

Судоходство. Берингов пролив // URL: http://ntt.wwf.ru/about/what_we_do/seas/shipping/doc3361/page1.

Что такое Берингия? // URL: <http://www.nps.gov/akso/beringia/beringia/ru-index.cfm>.

Bibliography

Abramov Yu. F., Arsent'eva I. I. Regionovedenie Rossii: ucheb. posobie. Irkutsk, 2006.

Berkman P. A., Vylegzhanin A. N., Young O. R. Governing the Bering Strait Region: Current Status, Emerging Issues and Future Options // *Ocean Development & International Law*. 2016. № 2. Vol. 47.

Brigham L. and others. Bering Strait Region Case Study // URL: <http://www.institutenorth.org/assets/images/uploads/files/5.5-Bering-Strait-Region-Case-Study.pdf>.

Что такое Берингия? // URL: <http://www.nps.gov/akso/beringia/beringia/ru-index.cfm>.

Fisher R. H. The Early Cartography of the Bering Strait Region // *Arctic*. 1984. № 4. Vol. 37.

Hartsig A. and others. Arctic Bottleneck: Protecting the Bering Strait Region from Increased Vessel Traffic // *Ocean & Coastal Law Journal*. 2012. № 1. Vol. 18.

Meek C. L. and others. Building Resilience Through Interlocal Relations: Case Studies of Polar Bear and Walrus Management in the Bering Strait // *Marine Policy*. 2008. Vol. 32. № 6.

Memorandum of Understanding between the Government of the United States of America and the Government of the Russian Federation Symbolically Linking National Parks in the Bering Strait Region. Draft. 2013. October 28 // URL: http://www.legis.state.ak.us/basis/get_documents.asp?session=28&docid=18090.

Ocenka morskogo sudoxodstva v Arktike: otchet Arkticheskogo soveta 2009 g. // URL: http://www.arctic.noaa.gov/detect/documents/AMSA_2009_Report_2nd_print.pdf.

Ristroph E. B. Loosening Lips to Avoid Sinking Ships: Designing a Ship Communications System for the Bering Strait Region // *Indiana International & Comparative Law Review*. 2014. Vol. 24. № 3.

Sovmestnoe zayavlenie ministra inostrannyx del Rossijskoj Federacii S. V. Lavrova i gosudarstvennogo sekretarya Soedinennyx Shtatov Ameriki X. Klinton po sotrudnichestvu v regione Beringova proliva ot 8 sentyabrya 2012 g. // URL: http://www.mid.ru/maps/us/-/asset_publisher/unVXBbj4Z6e8/content/id/144298.

Sovmestnoe zayavlenie Prezidenta Rossijskoj Federacii i Prezidenta Soedinennyx Shtatov Ameriki po sotrudnichestvu v regione Beringova proliva ot 26 maya 2011 g. // URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/938>.

Sudoxodstvo. Beringov proliv // URL: http://ntt.wwf.ru/about/what_we_do/seas/shipping/doc3361/page1.

Vylegzhanin A. N., Dudykina I. P., Norkina E. V. Mezhdunarodno-pravovoj rezhim Beringova proliva // *Gosudarstvo i pravo*. 2016. № 8.

**ТЕРРИТОРИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ
МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ГОСУДАРСТВА
В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ «ИСЧЕЗАЮЩИХ» ГОСУДАРСТВ****Хахина Анастасия Андреевна**

Аспирант кафедры международного права Юридического института
Российского университета дружбы народов (Москва),
e-mail: stasya_xax@mail.ru

Исследуются доктрина и отдельные нормы международного права по вопросу о правовой природе территории государства. Автор рассматривает территорию как юридический признак государственности с точки зрения международного права, принимая во внимание концепции, разработанные в рамках отечественной теории государства и права, а также римского права. Анализируются последствия исчезновения государственной территории для международно-правового статуса государств и предлагаются варианты решения проблемы «исчезающих» государств.

Ключевые слова: территория, международно-правовой статус государства, правосубъектность, государственность, территориальное верховенство, «исчезающие» государства

**A TERRITORY AS AN ELEMENT
OF THE STATE INTERNATIONAL PERSONALITY
IN RELATION TO THE «DISAPPEARING» STATES PROBLEM****Khakhina Anastasiya**

Russian University of Peoples' Friendship (Moscow),
e-mail: stasya_xax@mail.ru

The author examines the doctrine and certain provisions of international law on the legal nature of a state territory. She proves that the territory is an international criterion of a state in terms of international law by taking into account the concepts developed by domestic theory of state and law as well as by Roman law. She reveals the consequences of disappearance of the national territory for the international legal status of a state and proposes the ways to solve the «disappearing» states problem.

Key words: territory, international legal status of a state, legal personality, state, territorial sovereignty, «disappearing» states

В XXI в. мир столкнулся с феноменом «исчезающих» государств («disappearing» states). Есть опасность, что такие низко расположенные островные государства, как Мальдивские острова, Маршалловы острова, Кирибати, Тувалу, в ближайшее время полностью уйдут под воду из-за повышения уровня Мирового океана в результате глобального потепления, вызванного антропогенным воздействием на окружающую среду¹. Их исчезновение может стать беспрецедентным случаем утраты суверенной государственности

¹ Rajendra K. P., Meyer L. Climate Change 2014: Synthesis Report // URL: http://ar5-syr.ipcc.ch/ipcc/resources/pdf/IPCC_SynthesisReport.pdf.

в связи с потерей территории¹ и «вызвать прогрессивное развитие международного права относительно сохранения индивидуальности затронутых сообществ»².

В общем международном праве до сих пор не выработаны общеобязательный перечень признаков государственности и нормы, регулирующие порядок не связанного с правопреемством прекращения существования государства³. Международное право регламентирует такие вопросы, как появление новых государств и правопреемство государств, не касаясь вопросов континуитета и исчезновения государств⁴. В доктрине международного права высказано мнение о том, что к ситуации исчезновения государств применимы те же критерии, что и к ситуации возникновения новых государств⁵. Но существует и обратная точка зрения⁶.

В отечественной и зарубежной доктрине международного права нельзя найти ответы также на следующие вопросы:

является ли территория предопределяющим юридическим признаком государственности и соответственно теряет ли государство свой юридический статус автоматически при потере территории;

на каком правовом основании государство должно обладать территорией, чтобы отвечать критерию наличия определенной территории и соответственно иметь международно-правовой статус государства; другими словами, какова природа территориального верховенства государства?

До настоящего момента поиск ответов на перечисленные вопросы представлял в международном праве лишь теоретический интерес. Сейчас же, когда угроза полного погружения под воду государств вполне реальна, они стали как никогда актуальны.

В доктрине международного права отсутствует единообразная позиция по вопросу о государственной территории. В тот или иной исторический период находились сторонники как подхода о том, что территория *не является* первостепенным признаком, который необходим для юридической конструкции государства и при утрате которого государственность не прекращается автоматически, так и подхода о том, что территория *является* существенным признаком государственности, при утрате которого государство автоматически перестает существовать. Категоричная позиция о том, что государство может обходиться *вовсе* без территории, доминировала, начиная с античного периода развития доктрины международного права вплоть до XIX в. Так, Г. Еллинек отмечал: «Под влиянием античного мира новейшее учение о государстве принимало сначала во внимание лишь личный элемент в государстве, вследствие чего ни одно из определений государства на протяжении от XVI до XIX вв. не указывает на необходимость для него прочной территории»⁷.

Еще в античности считалось, что государство там, где его граждане, которые не имеют определенного домицилия; античный общественный союз не чувствовал своей связи

¹ Gerrard M. B., Wannier G. E. Threatened Island Nations: Legal Implications of Rising Seas and a Changing Climate. Cambridge, 2013. P. 369.

² Концепция понятия «лицо без гражданства» в международном праве: краткие выводы совещания экспертов // Журн. междунар. права и междунар. отношений. 2011. № 2.

³ Crawford J. The Creation of States in International Law. 2nd ed. Oxford, 2006. P. 31; Shaw M. N. International Law. 6th ed. Cambridge, 2008. P. 197; Knop K. Statehood: Territory, People, Government / ed. by J. Crawford, M. Koskeniemi. Cambridge, 2012. P. 95.

⁴ Wong D. Sovereignty sunk? The position of «sinking states» at international law // Melbourne Journal of International Law. Vol. 14. Is. 2. P. 3; Marek K. Identity and Continuity of States in Public International Law. Librairie Droz. 2nd ed. Geneva, 1968. P. 7.

⁵ Vidas D. Sea-Level Rise and International Law: At the Convergence of Two Epochs // Climate law. 2014. № 4. P. 78; URL: <http://www.fni.no/pdf/DAV-ClimateLaw-2014.pdf>.

⁶ Wong D. Op. cit. P. 7.

⁷ Еллинек Г. Общее учение о государстве. Спб., 1908. С. 287.

с той или иной территорией¹. В начале XVII в. Г. Гроций определял государство как совершенный союз свободных людей для охранения права и для общей пользы². С появлением доктрины абсолютизма государство стало отождествляться с личностью монарха. Отсюда известный афоризм Людовика XIV: «Государство – это я».

С XIX в. ученые стали включать в определение понятия государства и упоминание о территории, тем самым обозначая трехэлементность государственности (население, территория, власть). Тем не менее среди них оставалась группа исследователей, которые рассматривали данный признак как второстепенный (условно) и утверждали, что его утрата не влечет автоматического прекращения государственности. В конце XIX в. Ф. Курциус, немецкий историк и юрист, заявлял, что «порвание связи с территорией не видоизменяет самого государства, которое как таковое способно передвигаться и переселяться вместе с его обитателями»³. Позиция о том, что признак территории является второстепенным (условно) для государства, встречалась в тот период и в судебной практике. Так, согласно консультативному заключению по делу Западной Сахары 1975 г. «народ определяет судьбу территории, а не территория – судьбу народа»⁴.

На рубеже XX и XXI вв. Т. Д. Грант писал: «Территория не является необходимым критерием, по крайней мере, после того как государство было создано. Очевидно, что если государство уже признано международным сообществом, то оно не теряет своего статуса в качестве государства, утратив свою территорию или эффективный контроль над территорией»⁵. Дж. МакАдам соглашался с ним: «Концепция государства уходит своими корнями в идею именно контроля над территорией, а не просто территорию как таковую (как материальную базу)»⁶.

Некоторые отечественные ученые также разделяли мнение о том, что территория не является существенным признаком государства, необходимым для его юридической конструкции. Так, Н. А. Безобразов не упоминал о территории в своем определении понятия государства: «Государство есть гражданское общество, управляемое верховной властью, с целью внешнего определения и всестороннего обеспечения прав своих членов»⁷. В советском праве трехэлементная концепция (территория, население, власть) была объявлена несостоятельной: «Хотя государство и немислимо без территории, характеризуется оно отнюдь не территорией как частью физической природы, а общественными отношениями людей, складывающимися на этой территории, регулируемые и охраняемые государством»⁸.

Соответственно названные ученые видят в государстве прежде всего отношения между людьми по управлению населением. Они не утверждают, что существование государственности возможно и без территории, но поясняют, что к уже существующим государствам этот признак применяется «более мягко». По их мнению, в случае переселения населения на другую территорию при полной утрате прежней государство продолжит свое существование. Применяя данный подход к «исчезающим» государствам, можно

¹ Шалланд Л. А. Юридическая природа территориального верховенства: Историко-догматическое исследование. СПб., 1903. Т. 1. С. 6.

² Гроций Г. О праве войны и мира: Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / пер. с лат. А. Л. Саккетти; под общ. ред. С. Б. Крылова. М., 1956. С. 102.

³ Curtius F. Ueber Staatsgebiet und Staatsangehörigkeit. Цит. по: Шалланд Л. А. Указ. соч. С. 10.

⁴ Western Sahara Case, Separate Opinion of Judge Dillard of 16 October 1975 // ICJ Reports. 1975. P. 12, 122.

⁵ Grant T. D. Defining Statehood: The Montevideo Convention and its Discontents // Columbia Journal of Transnational Law. 1999. Vol. 403. P. 435.

⁶ McAdam J. «Disappearing States» // Statelessness and the Boundaries of International Law. Sydney, 2010. P. 7.

⁷ Цит. по: Грабарь В. Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917). М., 1958. С. 195.

⁸ Шевцов В. С. Суверенитет Советского государства. М., 1982. С. 94.

предположить, что международная правосубъектность не будет утрачена ими в случае переселения их населения на иную территорию.

Однако с начала XIX в. большинство юристов-международников склонны считать, что государство состоит из трех обязательных элементов: население, территория, власть¹. Впервые определения понятия государства, включающие территориальный элемент, появились в зарубежной доктрине международного права. В 1878 г. И. К. Блюнчли трактовал государство так: «С международной точки зрения государством считается народ, прочно сложившийся на определенной территории в правильно организованное тело»². Похожие дефиниции встречались в немецкой³ и итальянской доктрине⁴. М. Шоу также полагал, что государственный суверенитет непосредственно связан с территорией⁵.

По мнению Г. И. Курдюкова, «территория является основой государства, его фактическим и юридическим существованием, трудно представить себе государство вне территории»⁶. Р. С. Кокорев считает, что при отсутствии физического субстрата (территории) политически организованного сообщества проблематично говорить о существовании государства⁷. Такой же позиции придерживаются другие современные отечественные ученые: К. А. Бекашев⁸, В. И. Кузнецов и М. Н. Копылов⁹, С. Н. Бабурин¹⁰, И. И. Лукашук¹¹, Д. Н. Чернышев¹².

Соответственно территория рассматривается названными учеными как неотъемлемый существенный признак государственности, а утрата ее государством – как основание для автоматического прекращения его государственности.

Таким образом, в международном праве нет нормы, в силу которой государство, утратившее свою территорию, перестает существовать. Различие между двумя приведенными подходами заключается в том, что согласно первому лишь перманентная (а не временная) утрата территории без приобретения новой территории влечет прекращение государственности, а согласно второму утрата территории всегда приводит к автоматическому прекращению государственности. Более правильным мы считаем первый подход. Так, И. Блюнчли отмечал: «Разрушение государственного строя только тогда влечет за собою падение государства, когда восстановление прежнего или образование нового порядка является для известного народа невозможным. Кочевые народы не имеют постоянного места жительства и собственной территории, но если у них имеется известное народное устройство и определенная общественная воля, которую они проявляют через

¹ Треплин А. А. К вопросу о правах государств в международном союзе. М., 1905. С. 16; Ушаков Н. А. Государство в системе международно-правового регулирования: учеб. пособие. М., 1997. С. 27.

² Блюнчли И. Современное международное право цивилизованных государств, изложенное в виде кодекса / пер. с нем., под ред. Л. Комаровского. М., 1876. С. 75.

³ Jellinek G. Allgemeine Staatslehre (General Theory of the State). 3rd ed. Berlin, 1914. P. 394.

⁴ Fiore P. International Law Codified and Its Legal Sanction or the Legal Organization of the Society of States / translated by E. M. Borchard. N. Y., 1918. P. 106.

⁵ Shaw M. N. Territory in International Law // Netherlands Yearbook of International Law. 1982. Vol. 13. P. 61.

⁶ Курдюков Г. И. Государство в системе международно-правового регулирования. Казань, 1979. С. 111.

⁷ Кокорев Р. С. Понятие и характерные черты государства как субъекта международного права // Государство и право. 2005. № 12. С. 77.

⁸ Ануфриева Л. П., Бекашев Д. К., Бекашев К. А. Международное публичное право: учеб. / отв. ред. К. А. Бекашев. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 124.

⁹ Международное право: учеб. / отв. ред. Б. Р. Тузмухамедов. 4-е изд., перераб. М., 2014. С. 357.

¹⁰ Бабурин С. Н. Территория государства: Теоретико-правовые проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 12.

¹¹ Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: учеб. для студентов юрид. факультетов и вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005. С. 406.

¹² Чернышев Д. Н. Международно-правовые проблемы международной аренды государственной территории в отношениях между Российской Федерацией и соседними странами: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 14.

своих старшин или народные собрания, то с ним следует обходиться как с государствами и заключать с ними международные договоры. Международное право налагает на эти народы общие всему человечеству обязанности. То же самое относится к народам, хотя и сплотившимся в государство, но оставляющим свою территорию, чтобы поселиться на другой. В это переходное время они не могут называться государствами, а следовательно, и членами международного союза, хотя они и не могут уклоняться от соблюдения своих общечеловеческих обязанностей и могут заключать международные договоры»¹.

Д. Вонг идет дальше и заявляет, что в силу презумпции континуитета существующих государств даже в такой переходный период, как эвакуация населения, государство все равно можно считать продолжающим существование². Концепция континуитета государственности – это искусственная конструкция в международном праве, направленная на то, чтобы договоры, права и обязательства государств оставались в силе, пока угроза государственности не исчезнет и государственность снова не станет стабильной³. Таким образом, в переходный период эвакуации населения до момента его оседлости на новой территории есть два варианта сохранения международной правосубъектности «исчезающим» государством: оно продолжит быть государством либо будет считаться государством подобным образованием (*persona sui generis*).

Отметим позицию самих государств по рассматриваемому вопросу. В докладе, подготовленном для ООН, представитель Мальдив сослался на то, что их государственность прекратится с утратой территории⁴. Аналогичные заявления сделали Франция⁵, Португалия⁶, Ливия⁷, Индия⁸ и Австралия⁹. Были подготовлены совместное заявление группы из 77 государств¹⁰, а также заявление 14 малых островных государств¹¹, в которых затопление территории названо угрозой для выживания государств. Предполагается, что «угроза исчезновения целых государств» – это скорее политическое, нежели юридическое выражение и не составляет на данный момент *opinion juris*.

Примечательно, что на уровне ООН позицию о территории как признаке государственности в контексте проблемы «исчезающих» государств высказало Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (далее – УВКБ ООН), которое, как и ученые, придерживающиеся первого подхода, полагает, что государственность прекращается лишь при перманентной утрате территории: «Несмотря на отсутствие универсального определения государства на международном уровне, существует договоренность в существующей доктрине о том, что у государства должна быть территория с постоянным населением, подконтрольным эффективному правительству. Эти критерии не являются абсолютными и, кроме того, применяются менее строго в случае уже существующих государств. Прецедент потери всей территории или переселения всего населения отсутствует в международном праве, но предполагается, что государственность не прекращается, если такая утрата или переселение носит временный характер. Однако там, где такая ситуация носит постоянный характер, государственность может быть поставлена

¹ Блюнчли И. Указ. соч. С. 75.

² Wong D. Op. cit. P. 360.

³ Ibid. P. 350.

⁴ Maldives, Submission to the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights Human Rights Council Resolution 7/23 «Human Rights and Climate Change». 25 September 2008. P. 21, 47 // URL: http://www.ohchr.org/Documents/Issues/ClimateChange/Submissions/Maldives_Submission.pdf.

⁵ Maintenance of International Peace and Security. UN Doc. S/PV.6587. P. 14.

⁶ Ibid. P. 20.

⁷ Ibid. P. 16.

⁸ Ibid. P. 19.

⁹ Ibid. P. 24.

¹⁰ Ibid. P. 28.

¹¹ Follow-Up to the Outcome of the Millennium Summit. UN Doc. A/63/PV. P. 85, 5.

под сомнение»¹. Данная позиция также представлена в письме Шестого комитета ООН от 8 октября 1947 г.²

Практика государств знает примеры, когда государство некоторое время не осуществляло эффективного контроля за своей территорией: Кувейт – на протяжении восьми месяцев³, Афганистан – семи лет⁴, Эфиопия – десяти лет⁵ и т. д. Тем не менее прецедента полного исчезновения государственной территории еще не возникало.

Сегодня нельзя утверждать, что государство может существовать при полном отсутствии территории, но с уверенностью можно заключить, что территориальное изменение в виде переселения всего населения не прекращает государственности, если результатом переселения стала оседлость населения на новой территории (кочевые племена в международном праве не признаются государствами)⁶.

Таким образом, большинство современных ученых-международников⁷, а также официальные представители государств и международные организации склонны считать, что государство прекратит свое существование при перманентной утрате территории. По тому же пути идет судебная практика⁸. Соответственно на данный момент можно предположить, что государство при утрате своей территории не теряет юридический статус автоматически, если успело заблаговременно распространить территориальное верховенство на новую территорию так, чтобы не возникло временного отрезка, в течение которого «исчезающее» государство не осуществляло эффективного управления определенной территорией⁹.

В связи со сказанным необходимо пояснить, что понимается под территориальным верховенством. Подходы к определению его природы менялись. Сложилась следующая теория:

объектная теория государственной территории. Ее представители (И. К. Блюнчли, К. Л. Галлер, М. Зейдель, Б. Н. Чичерин и др.) рассматривают территорию как вещь, объект частного права, объект собственности государства;

патримониальная теория государственной территории (Л. А. Комаровский, Б. М. Клименко, П. Лабанд, Г. Лаутерпахт, А. М. Ладыжский, Ф. Ф. Мартенс, Л. Оппенгейм и др.). Согласно ей территория трактуется как объект не государственной, а международно-право-

¹ Climate Change and Statelessness: an overview submitted by the United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR) supported by the International Organization for Migration (IOM) and the Norwegian Refugee Council (NRC) to the 6th session of the Ad Hoc Working Group on Long-Term Cooperative Action (AWG-LCA 6) under the UN Framework Convention on Climate Change (UNFCCC) (1 to 12 June 2009, Bonn, Germany). P. 1 // URL: <http://www.unhcr.org/4a1e50082.pdf>.

² Letter from the Chairman of the 6th Committee Addressed to the Chairman of the First Committee. 8 October 1947. UN GAOR. UN Doc. A/C.1/212 (11 October 1947). P. 2.

³ The situation between Iraq and Kuwait. SC Res 660 (1990). 2932nd mtg. UN Doc S/RES/660 (2 August 1990).

⁴ Crawford J. The Creation of States in International Law. P. 694.

⁵ Ibid. P. 519.

⁶ Коровин Е. А. Современное международное публичное право. М.; Л., 1926. С. 19; Шалланд Л. А. Указ. соч. С. 18.

⁷ Higgins R. Problems and Process: International Law and How We Use It. Oxford, 1994. P. 41; Kreijen G. State Failure, Sovereignty and Effectiveness. Leiden; Boston, 2004. P. 34; Hestetune J. The Invading Waters: Climate Change Dispossession, State Extinction, and International Law (unpublished paper). California Western School of Law. 2010. P. 44; Park S. Climate Change and the Risk of Statelessness: The Situation of Low-Lying Island States // Legal and Protection Policy Research Series Paper. 2011. № PPLA/2011/04. P. 6–8; URL: <http://www.refworld.org/docid/4fdf1e572.html>.

⁸ The Island of Palmas Case (*Netherlands v. USA*). 1928 // R.I.A.A. 2006. Vol. 2. P. 829–838; *Deutsche Continental Gas-Gesellschaft v. Polish State* (August 1, 1929) // Annual Digest. Vol. 5. P. 11, 14; *Monastery of Saint-Naoum Case* (Albanian Frontier). Advisory opinion of 9 September 1924 // PCIJ (Series B). № 9; *Jaworzina Case*. Advisory Opinion of 6 December 1923 // PCIJ (Series B). № 8.

⁹ Wong D. Op. cit. P. 34.

вой собственности. Государство выступает собственником территории только в международно-правовых отношениях;

пространственная теория государственной территории. По мнению ее сторонников (Ю. Г. Барсегов, В. Н. Дурденевский, Г. Еллинек, Ф. Ф. Кокошкин, Н. М. Коркунов, Ф. Лист, В. А. Незабитовский (основоположник теории в отечественной доктрине), Н. А. Ушаков, К. Фрикер (основоположник теории в зарубежной доктрине), Л. Шалланд), территория выступает как пространственный предел власти государства. Территориальное верховенство как осуществление публичной власти признается правом не на территорию, а на население¹;

функциональная теория государственной территории (теория компетенции). Ее представители (Г. Кельзен, Ш. Руссо, Ж. Ссель) называют территорию сферой пространственной компетенции государства.

В международном праве отсутствует положение о том, что государство должно обладать территорией на праве собственности (в гражданско-правовом смысле), чтобы соответствовать признаку определенной территории, однако требуется наличие пространственного предела государственной власти². Так, И. Блюнчли полагал: «Территориальное верховенство не включает в себе права собственности над территорией. Территориальное верховенство входит в сферу публичного, а собственность – в сферу частного права»³.

Из римского права в международное были привнесены понятия «*imperium*» и «*dominium*», раскрывающие территориальные правомочия государства в отношении своей территории. *Dominium* – это правомочие государства по суверенному владению физической территорией⁴. Представляется, что именно на этом правомочии делали акцент сторонники подхода о том, что государство – это прежде всего территориальное образование и без территории оно не может существовать. Так, объектная теория признает лишь *dominium* в качестве основания существования территориального верховенства⁵. *Imperium* – это правомочие государства по управлению населением, изданию для него обязательных правовых норм⁶. Полагаем, что именно на этом правомочии концентрировали внимание приверженцы подхода, согласно которому государство – это прежде всего отношения между людьми по управлению населением. Так, с точки зрения пространственной теории территориальное верховенство – это право не на территорию, а на население, т. е. *imperium*, судьба территории, следует судьбе населения⁷.

В. А. Незабитовский в начале XX в. писал о том, что территория государства – публично-правовое явление, а земля и все находящееся в земле и на ней – частноправовое, и приходил к выводу, что *dominium* как цивилистический элемент лишний в концепции территориального верховенства государства⁸. Однако с этим выводом нельзя согласиться, потому что если территория – это предел *imperium*, т. е. предел географических границ властвования над людьми, то понятие территориального верховенства сужается до пер-

¹ Нифанов А. Н. Генезис правовых теорий о территории государства // Науч. ведомости Белгородского гос. ун-та. Сер. Философия. Социология. Право. 2011. Т. 17. № 14. С. 3; URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/genezis-pravovyh-teoriy-o-territorii-gosudarstva>.

² Crawford J. The Creation of States in International Law. P. 36; Jennings R. The Acquisition of Territory in International Law. Manchester, 1963. P. 3; *Sovereignty over Pedra Branca / Pulau Batu Puteh*, Judgment of 23 May 2008 // ICJ Reports. 2008. P. 80.

³ Блюнчли И. Указ. соч. С. 181.

⁴ Незабитовский В. А. Учение публицистов о межгосударственном владении. Киев, 1862. С. 50.

⁵ Барсегов Ю. Г. Территория в международном праве. Юридическая природа территориального верховенства и правовые основания распоряжения территорией. М., 1958. С. 27.

⁶ Незабитовский В. А. Указ. соч. С. 51; Crawford J. Brownlie's Principles of Public International Law. 8th ed. Oxford, 2012. P. 204.

⁷ Барсегов Ю. Г. Указ. соч. С. 28.

⁸ Там же. С. 55.

сональной юрисдикции или до теории компетенции. Если применить подход, согласно которому территория является лишь рамкой, в которой осуществляется властвование, то получится, что в понятие государства она не входит, так как само по себе отношение не нуждается в материальном субстрате. Это противоречит существующему порядку вещей, практике государств и мнению большинства представителей доктрины международного права. Государству необходима территория, его невозможно представить вне материального пространства, не существует государств, например, в киберпространстве.

Если бы в понятие верховенства не входило полномочие *dominium*, не могло бы возникнуть института частной собственности во внутригосударственном праве, а также иных видов собственности (государственной, муниципальной и т. д.). Территория государства может в отдельных случаях выступать как объект властвования, иначе не существовало бы цессии как международно-правового способа передачи территориального верховенства в отношении конкретной территории.

Позднее, по мере развития пространственной теории, ученые отмечали, что понятие территориального верховенства объединяет и *imperium*, и *dominium*: «Сама же территория является пределом власти и объектом властвования, юридически осуществляемого от имени народа, чьим достоянием она и является»¹. Б. М. Клименко полагает, что государственная территория выступает одновременно и пространственным пределом власти, и ее объектом, «в международных отношениях государство проявляет себя как собственник территории»²; «управление в пределах каких-либо границ не делает территорию в этих границах территорией управляющего государства, так, управление территорией по мандату не делает ее собственностью (условно) мандатария»³. Современные авторы также отмечают, что территориальное верховенство включает все-таки и *dominium*, и *imperium*⁴.

Таким образом, несмотря на то что все права, которые государство осуществляет в отношении своей территории, подпадают под гражданско-правовую конструкцию права собственности (право владения, пользования и распоряжения)⁵, в международном праве нет положения о том, что государство должно обладать территорией на праве собственности для того, чтобы отвечать признаку определенной территории и соответственно обладать международной правосубъектностью.

Не отдавая предпочтения какой-либо из изложенных позиций, мы считаем, что государство в отношении своей территории должно иметь два правомочия: и *imperium* (высшая власть), и *dominium* (суверенное владение). Следовательно, для сохранения своей международной правосубъектности «исчезающим» государствам необходимо обладать данными правомочиями, а также правомочиями осуществлять предписывающую, судебную юрисдикцию и юрисдикцию принуждения в отношении новой территории. В таком случае критического момента, когда их население останется без территории, может не наступить.

Ввиду того что территориальное изменение, пусть даже влекущее полную географическую перемену территории, не прекращает государственности, проблема «исчезающих» государств сводится к поиску правовых оснований приобретения новой территории. Причем в целях сохранения государственности «исчезающих» государств требуется такое оформление отношений по передаче части государственной территории, при котором будет осуществлен переход территориального верховенства (суверенного владения).

¹ Барсегов Ю. Г. Указ. соч. С. 134.

² Клименко Б. М. Государственная территория (Вопросы теории и практики международного права). М., 1974. С. 4.

³ Там же. С. 32.

⁴ Лукашук И. И. Указ. соч. С. 405.

⁵ Клименко Б. М. Указ. соч. С. 21.

Главы «исчезающих» государств видят решение своей проблемы в аренде территории у других государств. Министр морского флота Индонезии заявил, что Индонезия рассматривает вопрос о сдаче в аренду некоторых из ее 17 500 островов Мальдивам¹. Кирибати и Тувалу допускают такую возможность в отношении Австралии и Новой Зеландии². Президент Мальдив также заявил, что рассматривает возможность приобретения части территории у Австралии для переселения населения Мальдив³.

Вместе с тем арендуемая государством территория остается под суверенитетом государства-арендодателя, и на нее распространяется его территориальное верховенство. Кроме того, международные договоры об аренде территории предоставляют право денонсации государству-арендодателю⁴. Значит, положение государства-арендатора не абсолютное по объему прав, не может иметь бесконечный характер с юридической точки зрения. По крайней мере, международное право не защитит арендатора в случае денонсации договора арендодателем. Отметим, однако, что если применить пространственную теорию или теорию компетенции, арендованная территория должна на время аренды стать государственной территорией арендатора. Тем не менее на практике этого не происходит. Известны такие случаи аренды государственной территории, как сдача в аренду Китаем Порт-Артура России, Киао-Чао – Германии, Кван-Чао – Франции, которые по факту являлись завуалированной уступкой территории, так как по договору предусматривался переход территориального верховенства. Однако эти договоры были аннулированы государством-арендодателем. Панамский канал после его аренды у Панамы США и Гонконг после его аренды у Китая Великобританией были возвращены суверенам⁵.

Можно говорить о том, что при переселении всего населения «исчезающего» государства на арендуемую территорию, свободную от населения государства-арендодателя, произойдет расщепление территориального верховенства между государством-арендатором и государством-арендодателем, исходя из условий договора аренды. Правовой порядок государства-арендатора будет вытекать не непосредственно из международного права, а из правопорядка государства-арендодателя. Следовательно, к сожалению, данный способ оформления отношений является спорным, поскольку цель сохранения государственности «исчезающих» государств не достигается.

Одни представители зарубежной доктрины международного права отмечают, что в этом случае «исчезающие» государства преобразуются в новый вид субъекта международного права – *persona sui generis* (государствозподобное образование) – наряду с Мальтийским орденом и Святым престолом⁶. Другие утверждают, что члены международного сообщества могут продолжить признавать «исчезающие» государства⁷ именно государствами, тогда их правосубъектность сохранится даже в случае приобретения ими территории на основании договоров аренды. Государственность действительно в какой-то степени зависит от признания ее существующими субъектами международного права, так как государство реализует свою сущность прежде всего через отношения с другими

¹ Holland S. Indonesia's Rent-an-Island Answer to Climate Change. ABC News. 3 June 2009 // URL: <http://www.abc.net.au/news/2009-06-03/indonesias-rent-an-island-answer-to-climate-change/1702492>.

² McAdam J. Climate Change, Displacement and the Role of International Law and Policy. Oxford, 2012.

³ Ramesh R. Paradise Almost Lost: Maldives Seek to Buy a New Homeland // The Guardian. 2008. 10 November; URL: <http://www.guardian.co.uk/environment/2008/nov/10/maldives-climate-change>.

⁴ Например, 2 апреля 2014 г. Россия в одностороннем порядке денонсировала Харьковские соглашения об аренде территории Украины с целью размещения на ней российского Черноморского флота.

⁵ Чернышев Д. Н. Указ. соч. С. 59.

⁶ Rayfuse R. W(h)ither Tuvalu? International Law and Disappearing States // University of New South Wales Faculty of Law Research Series Paper. 2009. № 9. P. 9; Duursma J. C. Fragmentation and the International Relations of Micro-states: Self-determination and Statehood. Cambridge, 1996. P. 117.

⁷ McAdam J. Op. cit. P. 9.

государствами¹. Но, безусловно, акт признания не имеет решающего значения при установлении правосубъектности образования в качестве государства.

По мнению Дж. Кроуфорда, государственность «исчезающих» государств может продолжиться благодаря презумпции континуитета уже образовавшихся государств². Более того, так как в международном праве отсутствуют критерии, на основании которых государство признается прекратившим свое существование, такой субъективный фактор, как заявление самого «исчезающего» государства о континуитете его государственности, может стать определяющим в данной ситуации³.

Международное право призвано обеспечивать стабильность международного порядка; юридическое прекращение государственности с исчезновением государственной территории может привести к международной нестабильности, чего международное сообщество не желает⁴. Как полагает Я. Броунли, для сохранения международной стабильности в международном праве могут вырабатываться особые искусственные конструкции, направленные на сохранение государственности, даже когда она по факту утрачена⁵. Такой конструкцией и может стать концепция континуитета.

Иначе дело обстоит в случае цессии. На основании договора цессии титул от государства-цедента на часть его территории полностью переходит к государству-цессионарию, т. е. осуществляется невозвратная передача территориального верховенства государству-цессионарию, которое распространяет свой суверенитет на данную часть территории. Так произошло, когда США приобрели Луизиану у Франции (1803 г.), Аляску у России (1867 г.), Филиппины у Испании (1898 г.)⁶; в 2000 г. РФ передала КНР небольшую часть своей территории в районе р. Туманная, в 2005 г. аналогичная участь постигла остров Тарабаров на р. Амур.

Следовательно, данный способ оформления отношений по передаче территории оптимален для сохранения государственности «исчезающих» государств. Такая же позиция отражена в доктрине международного права⁷.

Тем не менее ни одно государство сегодня еще не предложило уступить часть своей территории «исчезающим» государствам, и ученые-международники полагают, что «на практике будет сложно найти государство, готовое уступить часть своей территории, кроме как в случае, если она необитаема, непригодна для проживания, не находится в чье-либо собственности и лишена каких-либо природных ресурсов, имеющих значение для уступающего государства»⁸. Австралия в 2001 г. отказала в данном вопросе Тувалу⁹, а Новая Зеландия установила квоту въезда на свою территорию населения из Тувалу и Кирибати – 75 граждан в год, достигших 18–45 лет, имеющих разрешение на работу в Новой Зеландии, хорошо владеющих английским языком¹⁰.

¹ Ильашевич М. В., Хахина А. А. К вопросу о международно-правовом признании государств // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Юрид. науки. 2014. № 1. С. 236–237.

² Crawford J. The Creation of States in International Law. P. 715.

³ Crawford J., Boyle A. Opinion: Referendum on the Independence of Scotland – International Law Aspects. P. 71 // URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/79408/Annex_A.pdf.

⁴ Wong D. Op. cit. P. 3.

⁵ Brownlie I. Op. cit. P. 78.

⁶ Чернышев Д. Н. Указ. соч. С. 44.

⁷ Soons A. H. A. The Effects of a Rising Sea Level on Maritime Limits and Boundaries // Netherlands International Law Review. 1990. Vol. 37. P. 230; Rayfuse R. International Law and Disappearing States – Maritime Zones and the Criteria for Statehood // Environmental Policy and Law. 2011. Vol. 41. P. 284; Park S. Op. cit. P. 18.

⁸ Rayfuse R. W(h)ither Tuvalu? International Law and Disappearing States. P. 9.

⁹ Rosemary R. International Law and Disappearing States – Maritime Zones and the Criteria for Statehood // Environmental Policy and Law. 2011. Vol. 41. P. 285.

¹⁰ Gerrard M. B., Wannier G. E. Op. cit. P. 337, 353.

Таким образом, с учетом того что до сих пор нет государств, желающих уступить часть своей территории с полным переходом территориального верховенства «исчезающим государствам», но есть необходимость сохранения их государственности, велика вероятность того, что государства международного сообщества продолжат признавать международную правосубъектность «исчезающих» государств даже при приобретении ими территории на основании договоров аренды. В данном случае на «защиту» государственности может прийти концепция континуитета.

Библиография

Climate Change and Statelessness: an overview submitted by the United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR) supported by the International Organization for Migration (IOM) and the Norwegian Refugee Council (NRC) to the 6th session of the Ad Hoc Working Group on Long-Term Cooperative Action (AWG-LCA 6) under the UN Framework Convention on Climate Change (UNFCCC) (1 to 12 June 2009, Bonn, Germany) // URL: <http://www.unhcr.org/4a1e50082.pdf>.

Crawford J. Brownlie's Principles of Public International Law. 8th ed. Oxford, 2012.

Crawford J. The Creation of States in International Law. 2nd ed. Oxford, 2006.

Crawford J., Boyle A. Opinion: Referendum on the Independence of Scotland – International Law Aspects // URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/79408/Annex_A.pdf.

Deutsche Continental Gas-Gesellschaft v. Polish State (August 1, 1929) // Annual Digest. Vol. 5.

Duursma J. C. Fragmentation and the International Relations of Micro-states: Self-determination and Statehood. Cambridge, 1996.

Fiore P. International Law Codified and Its Legal Sanction or the Legal Organization of the Society of States / translated by E. M. Borchard. N. Y., 1918.

Follow-Up to the Outcome of the Millennium Summit. UN Doc. A/63/PV.85.

Gerrard M. B., Wannier G. E. Threatened Island Nations: Legal Implications of Rising Seas and a Changing Climate. Cambridge, 2013.

Grant T. D. Defining Statehood: The Montevideo Convention and its Discontents // Columbia Journal of Transnational Law. 1999. Vol. 403.

Hestetune J. The Invading Waters: Climate Change Dispossession, State Extinction, and International Law (unpublished paper). California Western School of Law. 2010.

Higgins R. Problems and Process: International Law and How We Use It. Oxford, 1994.

Holland S. Indonesia's Rent-an-Island Answer to Climate Change. ABC News. 3 June 2009 // URL: <http://www.abc.net.au/news/2009-06-03/indonesias-rent-an-island-answer-to-climate-change/1702492>.

Jaworzina Case. Advisory Opinion of 6 Décembre 1923 // PCIJ (Series B). № 8.

Jellinek G. Allgemeine Staatslehre (General Theory of the State). 3rd ed. Berlin, 1914.

Jennings R. The Acquisition of Territory in International Law. Manchester, 1963.

Knop K. Statehood: Territory, People, Government / ed. by J. Crawford, M. Koskenniemi. Cambridge, 2012.

Kreijen G. State Failure, Sovereignty and Effectiveness. Leiden; Boston, 2004.

Letter from the Chairman of the 6th Committee Addressed to the Chairman of the First Committee. 8 October 1947. UN GAOR. UN Doc. A/C.1/212 (11 October 1947).

Maintenance of International Peace and Security. UN Doc. S/PV.6587.

Maldives, Submission to the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights Human Rights Council Resolution 7/23 «Human Rights and Climate Change». 25 September 2008 // URL: http://www.ohchr.org/Documents/Issues/ClimateChange/Submissions/Maldives_Submission.pdf.

Marek K. Identity and Continuity of States in Public International Law. Librairie Droz. 2nd ed. Geneva, 1968.

McAdam J. «Disappearing States» // Statelessness and the Boundaries of International Law. Sydney, 2010.

McAdam J. Climate Change, Displacement and the Role of International Law and Policy. Oxford, 2012.

Monastery of Saint-Naoum Case (Albanian Frontier). Advisory opinion of 9 September 1924 // PCIJ (Series B). № 9.

Park S. Climate Change and the Risk of Statelessness: The Situation of Low-Lying Island States // Legal and Protection Policy Research Series Paper. 2011. № PPLA/2011/04; URL: <http://www.refworld.org/docid/4fdf1e572.html>.

Rajendra K. P., Meyer L. Climate Change 2014: Synthesis Report // URL: http://ar5-syr.ipcc.ch/ipcc/ipcc/resources/pdf/IPCC_SynthesisReport.pdf.

Ramesh R. Paradise Almost Lost: Maldives Seek to Buy a New Homeland // The Guardian. 2008. 10 November; URL: <http://www.guardian.co.uk/environment/2008/nov/10/maldives-climate-change>.

Rayfuse R. International Law and Disappearing States – Maritime Zones and the Criteria for Statehood // Environmental Policy and Law. 2011. Vol. 41.

Rayfuse R. W(h)ither Tuvalu? International Law and Disappearing States // University of New South Wales Faculty of Law Research Series Paper. 2009. № 9.

Rosemary R. International Law and Disappearing States – Maritime Zones and the Criteria for Statehood // Environmental Policy and Law. 2011. Vol. 41.

Shaw M. N. International Law. 6th ed. Cambridge, 2008.

Shaw M. N. Territory in International Law // Netherlands Yearbook of International Law. 1982. Vol. 13.

Soons A. H. A. The Effects of a Rising Sea Level on Maritime Limits and Boundaries // Netherlands International Law Review. 1990. Vol. 37.

Sovereignty over Pedra Branca / Pulau Batu Puteh, Judgment of 23 May 2008 // ICJ Reports. 2008.

The Island of Palmas Case (Netherlands v. USA). 1928 // R.I.A.A. 2006. Vol. 2.

The situation between Iraq and Kuwait. SC Res 660 (1990). 2932nd mtg. UN Doc. S/RES/660 (2 August 1990).

Vidas D. Sea-Level Rise and International Law: At the Convergence of Two Epochs // Climate law. 2014. № 4; URL: <http://www.fni.no/pdf/DAV-ClimateLaw-2014.pdf>.

Western Sahara Case, Separate Opinion of Judge Dillard of 16 October 1975 // ICJ Reports. 1975.

Wong D. Sovereignty sunk? The position of «sinking states» at international law // Melbourne Journal of International Law. Vol. 14. Is. 2.

Ануфриева Л. П., Бекашев Д. К., Бекашев К. А. Международное публичное право: учеб. / отв. ред. К. А. Бекашев. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2005.

Бабурин С. Н. Территория государства: Теоретико-правовые проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998.

Барсегов Ю. Г. Территория в международном праве. Юридическая природа территориального верховенства и правовые основания распоряжения территориями. М., 1958.

Блюнчли И. Современное международное право цивилизованных государств, изложенное в виде кодекса / пер. с нем., под ред. Л. Комаровского. М., 1876.

Габарь В. Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917). М., 1958.

Гроций Г. О праве войны и мира: Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / пер. с лат. А. Л. Саккетти; под общ. ред. С. Б. Крылова. М., 1956.

Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 1908.

Ильяшевич М. В., Хахина А. А. К вопросу о международно-правовом признании государств // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Юрид. науки. 2014. № 1.

Клименко Б. М. Государственная территория (Вопросы теории и практики международного права). М., 1974.

Кокорев Р. С. Понятие и характерные черты государства как субъекта международного права // Государство и право. 2005. № 12.

Концепция понятия «лицо без гражданства» в международном праве: краткие выводы совещания экспертов // Журн. междунар. права и междунар. отношений. 2011. № 2.

Коровин Е. А. Современное международное публичное право. М.; Л., 1926.

Курдюков Г. И. Государство в системе международно-правового регулирования. Казань, 1979.

Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: учеб. для студентов юрид. факультетов и вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2005.

Международное право: учеб. / отв. ред. Б. Р. Тузмухамедов. 4-е изд., перераб. М., 2014.

Незабитовский В. А. Учение публицистов о межгосударственном владении. Киев, 1862.

Нифанов А. Н. Генезис правовых теорий о территории государства // Науч. ведомости Белгородского гос. ун-та. Сер. Философия. Социология. Право. 2011. Т. 17. № 14; URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/genезis-pravovyh-teoriy-o-territorii-gosudarstva>.

Треплин А. А. К вопросу о правах государств в международном союзе. М., 1905.

Ушаков Н. А. Государство в системе международно-правового регулирования: учеб. пособие. М., 1997.

Чернышев Д. Н. Международно-правовые проблемы международной аренды государственной территории в отношениях между Российской Федерацией и соседними странами: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

Шалланд Л. А. Юридическая природа территориального верховенства: Историко-догматическое исследование. СПб., 1903. Т. 1.

Шевцов В. С. Суверенитет Советского государства. М., 1982.

Bibliography

Anufrieva L. P., Bekyashev D. K., Bekyashev K. A. Mezhdunarodnoe publichnoe pravo: ucheb. / otv. red. K. A. Bekyashev. 4-e izd., pererab. i dop. M., 2005.

Baburin S. N. Territoriya gosudarstva: Teoretiko-pravovye problemy: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1998.

Barsegov Yu. G. Territoriya v mezhdunarodnom prave. Yuridicheskaya priroda territorial'nogo verhovenstva i pravovye osnovaniya rasporyazheniya territoriej. M., 1958.

Blyunchli I. Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo civilizovannykh gosudarstv, izlozhennoe v vide kodeksa / per. s nem., pod red. L. Komarovskogo. M., 1876.

Chernyshev D. N. Mezhdunarodno-pravovye problemy mezhdunarodnoj arendy gosudarstvennoj territorii v otnosheniyaх mezhdu Rossijskoj Federaciej i sosednimi stranami: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2010.

Climate Change and Statelessness: an overview submitted by the United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR) supported by the International Organization for Migration (IOM) and the Norwegian Refugee Council (NRC) to the 6th session of the Ad Hoc Working Group on Long-Term Cooperative Action (AWG-LCA 6) under the UN Framework Convention on Climate Change (UNFCCC) (1 to 12 June 2009, Bonn, Germany) // URL: <http://www.unhcr.org/4a1e50082.pdf>.

Crawford J. Brownlie's Principles of Public International Law. 8th ed. Oxford, 2012.

Crawford J. The Creation of States in International Law. 2nd ed. Oxford, 2006.

Crawford J., Boyle A. Opinion: Referendum on the Independence of Scotland – International Law Aspects // URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/79408/Annex_A.pdf.

Deutsche Continental Gas-Gesellschaft v. Polish State (August 1, 1929) // Annual Digest. Vol. 5.

Duursma J. C. Fragmentation and the International Relations of Micro-states: Self-determination and Statehood. Cambridge, 1996.

Ellinek G. Obshhee uchenie o gosudarstve. Spb., 1908.

Fiore P. International Law Codified and Its Legal Sanction or the Legal Organization of the Society of States / translated by E. M. Borchard. N. Y., 1918.

Follow-Up to the Outcome of the Millennium Summit. UN Doc. A/63/PV.85.

Gerrard M. B., Wannier G. E. Threatened Island Nations: Legal Implications of Rising Seas and a Changing Climate. Cambridge, 2013.

Grabar' V. Eh. Materialy k istorii literatury mezhdunarodnogo prava v Rossii (1647–1917). M., 1958.

Grant T. D. Defining Statehood: The Montevideo Convention and its Discontents // Columbia Journal of Transnational Law. 1999. Vol. 403.

Grocij G. O prave vojny i mira: Tri knigi, v kotorykh ob'yasnyayutsya estestvennoe pravo i pravo narodov, a takzhe principy publichnogo prava / per. s lat. A. L. Sakketi; pod obshh. red. S. B. Krylova. M., 1956.

Hestetune J. The Invading Waters: Climate Change Dispossession, State Extinction, and International Law (unpublished paper). California Western School of Law. 2010.

Higgins R. Problems and Process: International Law and How We Use It. Oxford, 1994.

Holland S. Indonesia's Rent-an-Island Answer to Climate Change. ABC News. 3 June 2009 // URL: <http://www.abc.net.au/news/2009-06-03/indonesias-rent-an-island-answer-to-climate-change/1702492>.

Il'yashevich M. V., Xaxina A. A. K voprosu o mezhdunarodno-pravovom priznanii gosudarstv // Vestn. Ros. un-ta družby narodov. Ser. Yurid. nauki. 2014. № 1.

Jaworzina Case. Advisory Opinion of 6 Décembre 1923 // PCIJ (Series B). № 8.

Jellinek G. Allgemeine Staatslehre (General Theory of the State). 3rd ed. Berlin, 1914.

Jennings R. The Acquisition of Territory in International Law. Manchester, 1963.

Klimenko B. M. Gosudarstvennaya territoriya (Voprosy teorii i praktiki mezhdunarodnogo prava). M., 1974.

Knop K. Statehood: Territory, People, Government / ed. by J. Crawford, M. Koskenniemi. Cambridge, 2012.

Kokorev R. S. Ponyatie i xarakternye cherty gosudarstva kak sub'ekta mezhdunarodnogo prava // Gosudarstvo i pravo. 2005. № 12.

Koncepciya ponyatiya «lico bez grazhdanstva» v mezhdunarodnom prave: kratkie vyvody soveshchaniya ehkspertov // Zhurn. mezhdunar. prava i mezhdunar. otnoshenij. 2011. № 2.

Korovin E. A. Sovremennoe mezhdunarodnoe publichnoe pravo. M.; L., 1926.

Kreijen G. State Failure, Sovereignty and Effectiveness. Leiden; Boston, 2004.

Kurdyukov G. I. Gosudarstvo v sisteme mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya. Kazan', 1979.

Letter from the Chairman of the 6th Committee Addressed to the Chairman of the First Committee. 8 October 1947. UN GAOR. UN Doc. A/C.1/212 (11 October 1947).

Lukashuk I. I. Mezhdunarodnoe pravo. Obshhaya chast': ucheb. dlya studentov yurid. fakul'tetov i vuzov. 3-e izd., pererab. i dop. M., 2005.

Maintenance of International Peace and Security. UN Doc S/PV.6587.

Maldives, Submission to the Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights Human Rights Council Resolution 7/23 «Human Rights and Climate Change». 25 September 2008 // URL: http://www.ohchr.org/Documents/Issues/ClimateChange/Submissions/Maldives_Submission.pdf.

Marek K. Identity and Continuity of States in Public International Law. Librairie Droz. 2nd ed. Geneva, 1968.

McAdam J. «Disappearing States» // Statelessness and the Boundaries of International Law. Sydney, 2010.

McAdam J. Climate Change, Displacement and the Role of International Law and Policy. Oxford, 2012.

Mezhdunarodnoe pravo: ucheb. / otv. red. B. R. Tuzmukamedov. 4-e izd., pererab. M., 2014.

Monastery of Saint-Naoum Case (Albanian Frontier). Advisory opinion of 9 September 1924 // PCIJ (Series B). № 9.

Nezabitovskij V. A. Uchenie publicistov o mezhgosudarstvennom vladenii. Kiev, 1862.

Nifanov A. N. Genezis pravovykh teorii o territorii gosudarstva // Nauch. vedomosti Belgorodskogo gos. un-ta. Ser. Filosofiya. Sociologiya. Pravo. 2011. T. 17. № 14; URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/genezis-pravovykh-teoriy-o-territorii-gosudarstva>.

Park S. Climate Change and the Risk of Statelessness: The Situation of Low-Lying Island States // Legal and Protection Policy Research Series Paper. 2011. № PPLA/2011/04 // URL: <http://www.refworld.org/docid/4fdf1e572.html>.

Rajendra K. P., Meyer L. Climate Change 2014: Synthesis Report // URL: http://ar5-syr.ipcc.ch/ipcc/ipcc/resources/pdf/IPCC_SynthesisReport.pdf.

Ramesh R. Paradise Almost Lost: Maldives Seek to Buy a New Homeland // The Guardian. 2008. 10 November; URL: <http://www.guardian.co.uk/environment/2008/nov/10/maldives-climate-change>.

Rayfuse R. International Law and Disappearing States – Maritime Zones and the Criteria for Statehood // Environmental Policy and Law. 2011. Vol. 41.

Rayfuse R. W(h)ither Tuvalu? International Law and Disappearing States // University of New South Wales Faculty of Law Research Series Paper. 2009. № 9.

Rosemary R. International Law and Disappearing States – Maritime Zones and the Criteria for Statehood // Environmental Policy and Law. 2011. Vol. 41.

Shalland L. A. Yuridicheskaya priroda territorial'nogo verkhovstva: Istoriko-dogmaticheskoe issledovanie. Spb., 1903. T. 1.

Shaw M. N. International Law. 6th ed. Cambridge, 2008.

Shaw M. N. Territory in International Law // Netherlands Yearbook of International Law. 1982. Vol. 13.

Shevcov V. S. Suverenitet Sovetskogo gosudarstva. M., 1982.

Soons A. H. A. The Effects of a Rising Sea Level on Maritime Limits and Boundaries // Netherlands International Law Review. 1990. Vol. 37.

Sovereignty over Pedra Branca / Pulau Batu Puteh, Judgment of 23 May 2008 // ICJ Reports. 2008.

The Island of Palmas Case (*Netherlands v. USA*). 1928 // R.I.A.A. 2006. Vol. 2.

The situation between Iraq and Kuwait. SC Res 660 (1990). 2932nd mtg. UN Doc S/RES/660 (2 August 1990).

Treplin A. A. K voprosu o pravakh gosudarstv v mezhdunarodnom soyuze. M., 1905.

Ushakov N. A. Gosudarstvo v sisteme mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya: ucheb. posobie. M., 1997.

Vidas D. Sea-Level Rise and International Law: At the Convergence of Two Epochs // Climate law. 2014. № 4; URL: <http://www.fni.no/pdf/DAV-ClimateLaw-2014.pdf>.

Western Sahara Case, Separate Opinion of Judge Dillard of 16 October 1975 // ICJ Reports. 1975.

Wong D. Sovereignty sunk? The position of «sinking states» at international law // Melbourne Journal of International Law. Vol. 14. Is. 2.

РОЛЬ СУДА В РАЗВИТИИ ПРАКТИКИ МЕДИАЦИИ В РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Загайнова Светлана Константиновна

Доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского процесса,
директор Центра медиации Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: mediacia@usla.ru

Тарасов Николай Николаевич

Доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права,
сопредседатель Экспертного совета Центра медиации
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: tarasov@usla.ru

Через информационное, организационное, правореализационное, просветительское направления работы суда раскрывается его роль в развитии российской практики медиации на современном этапе. Приводятся примеры работы судов по «запуску» медиации в отдельных регионах России.

Ключевые слова: суд, медиация, судопроизводство, роль суда

THE COURT'S ROLE IN THE CURRENT DEVELOPMENT OF MEDIATION PRACTICES IN RUSSIA

Zagaynova Svetlana

Urals State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: mediacia@usla.ru

Tarasov Nikolay

Urals State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: tarasov@usla.ru

The authors disclose the court's role in the current development of the Russian mediation practice by analyzing its information, organization, law implementation, and education activities. They give some examples of embedding mediation by courts in selected regions of Russia.

Key words: court, mediation, court proceedings, court's role

Медиация как форма разрешения правовых споров, получившая широкое распространение и признание в мире, в России находится в стадии становления. Заметим, что для этого современным законодательством созданы минимально достаточные начальные условия. Однако все мы знаем, какова «дистанция» между законом и массовой практикой в нашей стране. Для ее успешного преодоления должны быть сформированы сообщество квалифицированных медиаторов (в идеале численно равное судейскому корпусу страны¹) и система мотиваций обращения к процедуре медиации.

¹ Одним из оснований такого представления является обсуждение возможности введения медиации в качестве обязательной досудебной стадии. В 2015 г. только суды общей юрисдикции рассмотрели более 15 млн гражданских дел. Если половину из них (а в некоторых странах это до 80 %) или даже четверть передавать на обязательную досудебную медиацию, то как раз и потребуется профессиональный корпус медиаторов, сравнимый по числу с судейским корпусом. Иначе просто невозможно обеспечить доступность правосудия. Не случайно во многих странах мира проведением медиации занимаются адвокаты, кор-

С момента вступления в действие Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»¹ (далее – Закон о медиации) прошло шесть лет. Сказать, что за это время в России возникла массовая практика медиации нельзя, но первые шаги в этом направлении уже сделаны.

Пока активное применение медиации наблюдается лишь в отдельных регионах России (Санкт-Петербурге, Свердловской, Липецкой, Ивановской областях, Пермском крае, Москве). Инициативную деятельность по урегулированию правовых споров в рамках процедуры медиации проводят торгово-промышленные палаты под руководством Центра арбитража и посредничества Торгово-промышленной палаты Российской Федерации. Наибольшее развитие практика медиации получила в Свердловской и Липецкой областях. Так, с 2011 по 2013 г. в Свердловской области в эксперименте «Разработка и апробация механизмов интеграции медиации в гражданское судопроизводство», направленном на формирование российской модели медиации, участвовали Свердловский областной суд, районные суды Свердловской области, мировые судьи, Управление Судебного департамента по Свердловской области, Центр медиации Уральского государственного юридического университета.

В 2013–2015 гг. проводился правовой эксперимент «Внедрение медиации в гражданское судопроизводство в судах Липецкой области». Его участниками были Липецкий областной суд, Управление Судебного департамента по Липецкой области, Липецкая торгово-промышленная палата, Центр медиации Уральского государственного юридического университета. Итог данных экспериментов: в отдельных судах Липецкой и Свердловской областей около 15 % всех поступающих в суд гражданских дел переданы на медиацию, притом что средний показатель по России – менее 1 %. Столь незначительный процент свидетельствует об отсутствии необходимых условий для развития института медиации. С нашей точки зрения, наиболее важным из них является определение круга субъектов, занимающихся популяризацией института медиации среди участников правового спора. Такими субъектами должны стать те, кто пользуется наибольшим авторитетом, доверием у последних, к чьему совету, мнению они склонны прислушаться. От этого зависит будущее медиации: сможет ли она интегрироваться в российскую юридическую практику или останется некой экзотической и малопопулярной процедурой.

Как показывают зарубежный опыт и наша восьмилетняя практика, темпы развития медиации выше там, где активную роль в становлении данного правового института играют суд и судебное сообщество.

Сформированная в 70-х гг. прошлого столетия² доктрина доступности судебной защиты давала возможность участникам правового спора урегулировать разногласия не только в судебном порядке, но и посредством различных альтернативных способов, в том числе медиации. Государства на уровне национального законодательства разрабатывали условия, обеспечивающие реализацию доступа участников споров к разным внесудебным процедурам их урегулирования. В частности, Комитет министров Совета Европы в Рекомендации от 16 сентября 1986 г. № R(86)12 предлагал правительствам государств-членов Совета Европы включить в судебную политику содействие примирению сторон как вне судебной системы, так и в ходе судебного разбирательства. Со-

поративные юристы, нотариусы, юрисконсульты и др. К сожалению, российское юридическое сообщество все еще недооценивает перспективность этого направления деятельности.

¹ Рос. газ. 2010. 30 июля.

² Большой вклад в разработку данной доктрины внес известный итальянский ученый-процессуалист Мауро Капиллетти (*Cappelletti M. Access to Justice and the welfare state. Publications of the European University Institute. Florence, 1981*).

гласно Рекомендации одной из задач суда является содействие примирению сторон и заключению мирового соглашения как до обращения в суд, так и на любой стадии судебного разбирательства. Поэтому в настоящее время европейские суды очень активно участвуют в развитии медиации. Например, в Германии, Финляндии, Хорватии в соответствии с гражданским процессуальным законодательством судьи могут не только информировать участников гражданского дела о медиации, но и сами выступать медиаторами. Если медиация не кончается заключением соглашения и спор будет далее рассматриваться в судебном порядке, то дело продолжает разрешать другой судья. В Италии и Англии судья вправе направлять на медиацию стороны, а последние обязаны обращаться к данной процедуре. Судейское сообщество энергично занимается информационной деятельностью, проводит тематические конференции, круглые столы, участвует в координации работы медиаторов и т. д. Чем больше потенциальные участники судебного процесса узнают о преимуществах медиации, тем чаще они выбирают такой способ урегулирования правового спора, тем меньше нагрузка на суды.

На становление в России медиации как способа урегулирования правовых споров для снижения судебной нагрузки направлены и Закон о медиации, и изменения, вносимые в законодательство. Как показал анализ существующей практики, включение судейского сообщества в популяризацию медиации среди участников правовых споров дает положительные результаты, хотя доля досудебного урегулирования споров пока незначительна.

Сегодня суд для развития практики медиации в регионах работает в следующих направлениях.

Информационное направление. На этапах становления медиации очень важно правильно информировать о ней участников правового спора. Для этого во многих судах вниманию посетителей предлагают специальные стенды, на которых размещаются буклеты, объясняющие суть и преимущества медиации, списки медиаторов и организаций, оказывающих помощь в ее осуществлении. Аналогичная информация есть и на сайте судов¹.

На наш взгляд, разъяснение судьей права на урегулирование спора с участием посредника (медиатора) – наиболее эффективный способ информирования граждан и организаций, поскольку судья имеет непосредственный контакт со всеми участниками судопроизводства, пользуется у них авторитетом и доверием. Эффективность данного разъяснения зависит от таких факторов, как:

- понимание судьей сути процедуры медиации, ее возможностей и ограничений;
- наличие специальной методики разъяснения права, чтобы у сторон не возникало сомнений в беспристрастности судьи либо какой-то заинтересованности в исходе дела;
- понимание судьей, в каких случаях возможно проведение медиации, а в каких – нет, т. е. он должен иметь навыки определения медиабельности правового спора;
- установление оптимальной формы передачи дела на медиацию, учитывающей требования гражданского процессуального законодательства.

Центром медиации УрГЮУ разработана специальная программа «Техники медиации в судебной деятельности»². Она направлена на освоение судьями коммуникативных

¹ В частности, на сайте Арбитражного суда Свердловской области есть информация о примирительных процедурах, графике работы комнаты примирения, списки посредников, статистические данные, сведения о проводимых судом мероприятиях по развитию медиации, предусмотрена возможность обратной связи (URL: <http://ekaterinburg.arbitr.ru/about/primir>). На стенде Арбитражного суда Санкт-Петербурга помещается информация о делах, которые окончены с применением процедуры медиации.

² О значении обучения судей основам медиации и технологии разъяснения права на медиацию см.: Цветкова С. А. Организация работы по внедрению примирительных процедур в Арбитражном суде Свердлов-

компетентностей, навыков анализа правового спора на предмет его медиабельности, организации взаимодействия сторон спора, ориентированного на заключение мирового соглашения. Как показали социологические опросы, в большинстве случаев стороны приняли решение пойти на информационную встречу с медиатором только потому, что об этом им рассказал судья.

Итак, работая в информационном направлении, суд должен при помощи пассивных и активных форм информирования вызвать у участников гражданского дела интерес к медиации, желание пойти на информационную встречу с медиатором. Последний (в отличие от судьи) обязан уделить сторонам столько времени и внимания, сколько потребуется. В связи с изложенным суд может организовать работу по направлению сторон на информационную встречу с медиатором.

Организационное направление. Для того чтобы не затягивать процессуальные сроки, не создавать больших временных промежутков между разъяснением судом права на медиацию и встречей сторон с медиатором, в рамках первого в России правового эксперимента в Октябрьском районном суде Екатеринбурга появилась комната примирения. В системе арбитражных судов такой опыт был реализован в Арбитражном суде Свердловской области. Именно данная форма организации позволяет участникам спора уже в суде получить подробную информацию о медиации и предварительные консультации медиатора, а медиатор может заранее проанализировать медиабельность правового спора и помочь участникам заключить соглашение о проведении процедуры медиации, которое приобщается к материалам гражданского дела. Для эффективной работы комнаты примирения суды составляют график работы медиаторов, что дает им возможность осуществлять контроль за соблюдением процессуальных сроков, не затягивать рассмотрение дела по существу, если стороны не достигли договоренностей о передаче спора на медиацию.

Важным организационным моментом является разработка судами электронных форм учета применения медиации в судопроизводстве и специальных бланков направления сторон на информационную встречу с медиатором. Кроме того, существенное значение имеет и участие судей в формировании в регионах профессионального сообщества медиаторов. Так, активная просветительская работа судейского сообщества Липецкой области, проводимая среди практикующих юристов, привела к тому, что сегодня медиаторы работают во всех районах Липецкой области (на четырех судей приходится один медиатор), что обеспечивает лидирующие позиции региона в развитии практики медиации.

В Липецке при коллегии адвокатов «Виктория» создан первый в России Центр медиации, в составе которого работают и практикующие адвокаты, прошедшие специальное обучение. Представители Центра не только активно занимаются практикой медиации по спорам, находящимся в производстве судов, но и входят в различные городские комиссии по урегулированию споров в сфере ЖКХ, по делам несовершеннолетних и т. д., что позволяет внедрять практику медиации еще до возбуждения дела в суде. Такая организационная работа имеет превентивное значение, поскольку дает возможность решать конфликтные ситуации на ранних стадиях (до обращения в суд) и способствует уменьшению роста судебной нагрузки.

ловской области // Практика медиации в России: проблемы, трудности, решения: сб. материалов III Междунар. науч.-практ. конф. (Липецк, 14–15 ноября 2014 г.). Липецк, 2015. С. 96–99; Бенсман И. Л. Освоение приемов медиации федеральными судьями (на примере Советского районного суда г. Липецка) // Там же. С. 73–79; Гольяева Р. В. Практический опыт внедрения и применения медиативных процедур при рассмотрении гражданских дел с учетом специфики деятельности районного суда // Там же. С. 79–92; Петрова Н. А. О технологии направления участников гражданского процесса на медиацию // Там же. С. 111–116; Толкачева О. А. Об опыте развития медиации по гражданским делам в г. Каменск-Уральском Свердловской области // Там же. С. 116–120; Хуторная А. А. О практике применения медиации в деятельности мирового судьи // Там же. С. 92–96 и др.

Правореализационное направление. ГПК, АПК, КАС, возлагая на суд задачу содействия примирению сторон, указывают, что она может быть реализована несколькими способами: а) разъяснением сторонам возможности заключить мировое соглашение; б) объяснением им права урегулировать правовой спор в рамках медиации; в) применением медиативных техник, позволяющих участникам спора при помощи суда прийти к заключению мирового соглашения, а в случае слабости правовой позиции истца или ответчика привести их соответственно к отказу от иска или к его признанию. При этом следует помнить, что процессуальные законы не предусматривают технологий, которые помогли бы судьям выполнить эту задачу.

Такие технологии были разработаны в научно-образовательном Центре медиации УрГЮУ и реализуются в настоящее время (об этом мы говорили выше) в рамках специальной программы для судей «Техники медиации в судебной деятельности». Обучение по программе прошли более 400 судей из Свердловской, Липецкой, Ивановской областей, Республики Татарстан, Пермского края. Благодаря применяемым технологиям растет число дел без вынесения судебного решения¹, уменьшаются и трудозатраты судей². К тому же происходит включение права на урегулирование спора в рамках медиации в разъяснения процессуальных документов.

В деле реализации права на медиацию важны обобщения Верховным Судом РФ практики применения Закона о медиации. Данные обобщения свидетельствуют о том, какое значение высший судебный орган придает развитию медиации как правового института, и о направлениях этого развития. Как показывает анализ работы российских судов, за четыре года не выявлено ни одного случая использования ими медиации с целью злоупотребления правом, оспаривания достигнутых в медиации договоренностей. А это в свою очередь подтверждает, что суды играют важную роль в создании привлекательного имиджа медиации, способствуют росту числа дел, урегулируемых во внесудебных процедурах.

Просветительское направление. Просветительская работа суда ориентирована на популяризацию медиации среди потенциальных участников судопроизводства и имеет форму конференций, круглых столов, выступлений по телевидению, радио и т. д. Так, Центром медиации УрГЮУ с 2012 г. проводится ежегодная конференция «Практика медиации в России: проблемы, трудности, решения». В ней участвуют более 200 судей и медиаторов из разных регионов России. Помощь в ее организации и проведении оказывают Свердловский и Липецкий областные суды, арбитражные суды Свердловской и Липецкой областей, Уральского округа.

Проведение тематических круглых столов позволяет включать в практику медиации различные правоохранительные, юрисдикционные органы: прокуратуру, службу судебных приставов, комиссии по делам несовершеннолетних, профсоюзы, объединения работодателей и т. д. Например, Синарский районный суд г. Каменска-Уральского Свердловской области активно проводил круглые столы (с участием службы судебных приставов, нотариусов, представителей Росреестра и т. д.) для разрешения сложных правовых вопросов реализации медиативных соглашений.

Круглые столы Елецкого городского суда Липецкой области³ посвящались семейным спорам (с участием органов опеки и попечительства, комиссий по делам несовершеннолетних, сотрудников Комплексного центра социального сопровождения); спорам о воз-

¹ Соловьева И. Ю. Применение медиативных технологий судьей при отправлении правосудия // Практика медиации в России: проблемы, трудности, решения. С. 103–108.

² Москалева И. В. Применение законодательства о медиации при рассмотрении дел по спорам о детях // Практика медиации в России: проблемы, трудности, решения. С. 88–92.

³ Гольтяева Р. В. Указ. соч. С. 79–92.

мещении вреда здоровью, причиненного в результате ДТП (с участием органов ГИБДД, страховых компаний); защите прав потребителей (с участием представителей Роспотребнадзора, предпринимательского сообщества); трудовым спорам (с участием объединения работодателей, профсоюзов, руководителей предприятий). Подобная работа позволила сформировать практику медиации в досудебном порядке (без обращения в суд). Так, с 2013 по 2014 г. в рамках досудебной медиации в Ельце удалось урегулировать 250 правовых споров. При поддержке администрации города Елецкий городской суд ежеквартально выпускает газету «Медиация – ваш путь услышать друг друга».

Таким образом, в России (как и во многих странах) «запущена» практика медиации по правовым спорам, и во многом от активной роли суда будет зависеть то, как быстро мы преодолеем «дистанцию» от законодательных положений до их практического применения.

Библиография

Cappelletti M. Access to Justice and the welfare state. Publications of the European University Institute. Florence, 1981.

Бенсман И. Л. Освоение приемов медиации федеральными судьями (на примере Советского районного суда г. Липецка) // Практика медиации в России: проблемы, трудности, решения: сб. материалов III Международ. науч.-практ. конф. (Липецк, 14–15 ноября 2014 г.). Липецк, 2015.

Гольяева Р. В. Практический опыт внедрения и применения медиативных процедур при рассмотрении гражданских дел с учетом специфики деятельности районного суда // Практика медиации в России: проблемы, трудности, решения: сб. материалов III Международ. науч.-практ. конф. (Липецк, 14–15 ноября 2014 г.). Липецк, 2015.

Москалева И. В. Применение законодательства о медиации при рассмотрении дел по спорам о детях // Практика медиации в России: проблемы, трудности, решения: сб. материалов III Международ. науч.-практ. конф. (Липецк, 14–15 ноября 2014 г.). Липецк, 2015.

Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ // Рос. газ. 2010. 30 июля.

Петрова Н. А. О технологии направления участников гражданского процесса на медиацию // Практика медиации в России: проблемы, трудности, решения: сб. материалов III Международ. науч.-практ. конф. (Липецк, 14–15 ноября 2014 г.). Липецк, 2015.

Примирительные процедуры // URL: <http://ekaterinburg.arbitr.ru/about/primir>.

Соловьева И. Ю. Применение медиативных технологий судьей при отправлении правосудия // Практика медиации в России: проблемы, трудности, решения: сб. материалов III Международ. науч.-практ. конф. (Липецк, 14–15 ноября 2014 г.). Липецк, 2015.

Толкачева О. А. Об опыте развития медиации по гражданским делам в г. Каменск-Уральском Свердловской области // Практика медиации в России: проблемы, трудности, решения: сб. материалов III Международ. науч.-практ. конф. (Липецк, 14–15 ноября 2014 г.). Липецк, 2015.

Хуторная А. А. О практике применения медиации в деятельности мирового судьи // Практика медиации в России: проблемы, трудности, решения: сб. материалов III Международ. науч.-практ. конф. (Липецк, 14–15 ноября 2014 г.). Липецк, 2015.

Цветкова С. А. Организация работы по внедрению примирительных процедур в Арбитражном суде Свердловской области // Практика медиации в России: проблемы, трудности, решения: сб. материалов III Международ. науч.-практ. конф. (Липецк, 14–15 ноября 2014 г.). Липецк, 2015.

Bibliography

Bensman I. L. Osvoenie priemov mediacii federal'nyimi sud'yami (na primere Sovetskogo rajonnogo suda g. Lipecka) // Praktika mediacii v Rossii: problemy, trudnosti, resheniya: sb. materialov III Mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. (Lipeck, 14–15 noyabrya 2014 g.). Lipeck, 2015.

Cappelletti M. Access to Justice and the welfare state. Publications of the European University Institute. Florence, 1981.

Cvetkova S. A. Organizaciya raboty po vnedreniyu primiritel'nyx procedur v Arbitrazhnom sude Sverdlovskoj oblasti // Praktika mediacii v Rossii: problemy, trudnosti, resheniya: sb. materialov III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Lipeck, 14–15 noyabrya 2014 g.). Lipeck, 2015.

Gol'tyaeva R. V. Prakticheskij opyt vnedreniya i primeneniya mediativnyx procedur pri rassmotrenii grazhdanskix del s uchetom specifiky deyatel'nosti rajonnogo suda // Praktika mediacii v Rossii: problemy, trudnosti, resheniya: sb. materialov III Mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. (Lipeck, 14–15 noyabrya 2014 g.). Lipeck, 2015.

Moskaleva I. V. Primenenie zakonodatel'stva o mediacii pri rassmotrenii del po sporam o detyax // Praktika mediacii v Rossii: problemy, trudnosti, resheniya: sb. materialov III Mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. (Lipeck, 14–15 noyabrya 2014 g.). Lipeck, 2015.

Ob al'ternativnoj procedure uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika (procedure mediacii): Federal'nyj zakon ot 27 iyulya 2010 g. № 193-FZ // Ros. gaz. 2010. 30 iyulya.

Petrova N. A. O tehnologii napravleniya uchastnikov grazhdanskogo processa na mediaciyu // Praktika mediacii v Rossii: problemy, trudnosti, resheniya: sb. materialov III Mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. (Lipeck, 14–15 noyabrya 2014 g.). Lipeck, 2015.

Primiritel'nye procedury // URL: <http://ekaterinburg.arbitr.ru/about/primir>.

Solov'eva I. Yu. Primenenie mediativnyx tehnologij sud'ej pri otpravlenii pravosudiya // Praktika mediacii v Rossii: problemy, trudnosti, resheniya: sb. materialov III Mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. (Lipeck, 14–15 noyabrya 2014 g.). Lipeck, 2015.

Tolkacheva O. A. Ob opyte razvitiya mediacii po grazhdanskim delam v g. Kamensk-Ural'skom Sverdlovskoj oblasti // Praktika mediacii v Rossii: problemy, trudnosti, resheniya: sb. materialov III Mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. (Lipeck, 14–15 noyabrya 2014 g.). Lipeck, 2015.

Xutor'naya A. A. O praktike primeneniya mediacii v deyatel'nosti mirovogo sud'i // Praktika mediacii v Rossii: problemy, trudnosti, resheniya: sb. materialov III Mezhdunarod. nauch.-prakt. konf. (Lipeck, 14–15 noyabrya 2014 g.). Lipeck, 2015.

**СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ:
ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА И НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ****Жабреев Михаил Владимирович**

Доцент кафедры права Института фундаментального образования

Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург),

e-mail: m.v.zhabreev@yandex.ru

Автор отмечает, что реформирование российского законодательства о юридических лицах и появление исследований о юридических лицах в публичном праве привели к необходимости переосмысления вопросов образования юридических лиц. В опоре на теорию, судебную практику и российское законодательство советского и современного периода исследуются способы образования юридических лиц, предлагается их классификация.

Ключевые слова: юридические лица, признаки юридических лиц, способы образования юридических лиц, процесс образования юридических лиц

**THE WAYS OF ESTABLISHING LEGAL ENTITIES:
THEORY, PRACTICE AND NORMATIVE FRAMEWORK****Zhabreev Mikhail**

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Yekaterinburg),

e-mail: m.v.zhabreev@yandex.ru

The author claims that reforming of the Russian legislation on legal entities and developing research on legal entities in public law led to the need to re-think the issues of their establishment. Basing on the analysis of theory, judicial practice and the Soviet and current legislation he investigates the ways of establishing legal entities and proposes their classification.

Key words: legal entities, attributes of legal entities, ways of establishing legal entities, legal entities establishment

В соответствии с теорией гражданского права для того, чтобы юридическое лицо «появилось на свет» как субъект гражданско-правовых отношений, ему необходимо пройти установленную законодательством процедуру. Вместе с тем в определенные периоды в законодательстве либо вообще отсутствовала, либо не была достаточно четко прописана процедура создания юридических лиц. Исходя из этого, наука гражданского права и правоприменительная практика вырабатывали собственные критерии, по которым субъект, участвующий в гражданско-правовом обороте, признавался новым юридическим лицом, а правоведы фиксировали новый особый порядок образования юридических лиц данного вида.

Рассмотрим предложенные наукой гражданского права и правоприменительной практикой, а также закрепленные в законодательстве способы образования юридических лиц.

Как известно, современная наука гражданского права выделяет пять основных способов образования юридических лиц: явочный¹, распорядительный², уведомительный³,

¹ Гражданское право. Часть первая: учеб. / под ред. Ю. К. Толстого, А. П. Сергеева. М., 1996. С. 118.

² Гражданское право. Часть первая: учеб. / под общей ред. Т. И. Илларионовой, Б. М. Гонгало, В. А. Плетнева. М., 1998. С. 93.

³ Гражданское право: учеб.: в 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. Е. А. Суханов. М., 1998. Т. 1. С. 197.

нормативно-явочный¹ и разрешительный². Вместе с тем в зависимости от политической и правовой ситуации в государстве российские и советские правоведы формулировали и обосновывали дополнительные способы образования юридических лиц, не изученные до конца наукой гражданского права.

В данной работе мы попытаемся осмыслить имеющиеся по данному вопросу научные изыскания, правоприменительную практику и нормы законодательства, на основе их анализа охарактеризовать все ранее существовавшие и существующие способы образования юридических лиц, сгруппировав их по определенному критерию, и провести критический анализ действующего законодательства Российской Федерации.

Нами не будут рассматриваться совсем уж «экзотические» способы образования юридических лиц, которые в настоящее время не воспринимаются всерьез наукой гражданского права. Это, например, договорно-правовой способ³ (в его основу положен учредительный договор) или доверительный способ, предусмотренный в первой редакции ч. 3 ст. 8 Федерального закона от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании»⁴ (в его основу положена доверенность).

Для выяснения предпосылок появления дополнительных способов образования юридических лиц возьмем за основу предложенные В. А. Дозорцевым этапы образования юридических лиц:

1) этап создания организации, на котором реализуется юридически значимая инициатива (волеизъявление) лиц по созданию юридического лица путем их объединения в сообщество (что отражает такой признак юридического лица, как организационное единство);

2) этап признания вновь созданной организации юридическим лицом (что отражает такой признак юридического лица, как способность выступать в гражданском обороте и при разрешении споров в судах от собственного имени)⁵.

В соответствии с целями настоящей работы заострим внимание на втором этапе указанного процесса, когда у организации появляется статус юридического лица. Отсюда следует, что критерием, положенным в основу предлагаемой классификации способов образования юридических лиц, является наличие или отсутствие в дополнение к волеизъявлению лиц о создании организации других элементов, необходимых для признания за ней статуса юридического лица: соответствующего положения в нормативном акте, определенных признаков, специальной процедуры или решения уполномоченного органа. На основе названного критерия можно выделить девять способов образования юридических лиц и объединить их в четыре группы.

Первая группа: явочный и распорядительный способы образования юридических лиц. Для появления юридического лица необходимо и достаточно волеизъявления лиц, желающих его создать. При этом статус юридического лица вновь созданная организация приобретает при своем фактическом вступлении в гражданский оборот.

Вторая группа: нормативный и признаковый способы образования юридических лиц. На статус юридического лица у вновь созданной организации прямо указано в нормативном акте или данный статус определяется на основании наличия у нее характерных признаков юридического лица.

¹ Субъекты гражданского права / под ред. С. Н. Братуся. М., 1984. С. 90.

² Советское гражданское право: учеб. для вузов: в 2 т. 3-е изд., испр. и доп. / под ред. О. А. Красавчикова. М., 1985. Т. 1. С. 144.

³ Гражданское право / под ред. П. Е. Орловского, С. М. Корнеева. М., 1969. Т. 1. С. 150.

⁴ СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4135.

⁵ Субъекты гражданского права. С. 90–98.

Третья группа: уведомительный, нормативно-явочный и уставный способы образования юридических лиц. У вновь созданной организации статус юридического лица появляется при прохождении ею специальной процедуры, результатом соблюдения которой служит факт создания юридического лица.

Четвертая группа: разрешительный и концессионный способы образования юридических лиц. У вновь созданной организации статус юридического лица появляется при получении соответствующего разрешения уполномоченного органа на создание юридического лица.

Первая группа способов образования юридических лиц

Общим для явочного и распорядительного способов образования юридических лиц являются следующие признаки:

1) для создания юридического лица необходимо и достаточно волеизъявления лиц, не требующего дополнительного разрешения уполномоченного органа либо соблюдения дополнительной процедуры;

2) образование юридических лиц происходит по следующей схеме: лица принимают решение о создании юридического лица, после чего вновь созданное юридическое лицо фактически вступает в гражданско-правовые отношения, чего вполне достаточно для признания его третьими лицами участником гражданско-правовых отношений;

3) момент появления у организации статуса юридического лица определяется моментом ее фактического вступления в гражданско-правовые отношения (признавать таковым момент создания юридического лица некорректно, так как если юридическое лицо по какой-либо причине не вступит в гражданско-правовые отношения, то третьи лица так и не узнают о его создании).

Отличие явочного способа образования юридических лиц от распорядительного состоит в отсутствии у субъектов, принимающих решение о создании юридического лица, властных полномочий по отношению к третьим лицам. Если лица, создающие новое юридическое лицо, не обременены властными полномочиями по отношению к третьим лицам, то они вводят его в круг гражданско-правовых отношений в общедозволительном порядке, являя его миру (явочный способ). Если же лица, создающие новое юридическое лицо, обладают властными полномочиями по отношению к третьим лицам, то они вводят новое юридическое лицо в гражданско-правовой оборот в общеобязательном (ультимативном) порядке, отдавая всем участникам гражданского оборота распоряжение о появлении нового участника гражданско-правовых отношений (распорядительный способ).

Явочный способ образования юридических лиц

Появление явочного способа образования юридических лиц было обусловлено тем, что в определенный период либо вообще не существовала специальная процедура создания юридических лиц, либо она касалась только конкретной их группы, в связи с чем создание иных юридических лиц не подпадало под данную процедуру.

Например, в США в настоящее время до сих пор на основе судебных решений признается существование «фактических корпораций», которые были созданы в явочном порядке в XIX в., когда отсутствовало законодательство, определяющее порядок образования американских корпораций. Аналогично в Великобритании с незапамятных времен функционируют так называемые компании, которые были образованы в явочном порядке на основании общего дозволения на создание компаний, предусмотренного в акте английского парламента.

В царской России документом, предоставлявшим возможность создания в явочном порядке организаций в виде компаний как объединений физических лиц, был указ Пе-

тра I от 27 октября 1699 г. В нем «купецким людям» предписывалось «торговать так же, как торгуют в иных государствах торговые люди, компаниями»¹.

В Российской Федерации с 1991 по 1995 г. в явочном порядке создавались профессиональные союзы, их ассоциации, отделения и другие профсоюзные организации. Так, в силу п. 2 Постановления Верховного Совета РСФСР от 18 декабря 1991 г. № 2057-1 «О регистрации общественных объединений в РСФСР и регистрационном сборе»² профессиональные союзы, их ассоциации, отделения, другие профессиональные организации приобретали права юридического лица с момента утверждения их уставных документов на учредительном съезде (конференции, собрании).

Сейчас явочный порядок применяется при создании ассоциаций во Франции и некоммерческих учреждений в Швейцарии³.

Таким образом, если следовать точке зрения В. А. Дозорцева на процесс образования юридических лиц, то при явочном способе юридическое лицо считается созданным уже при прохождении первого этапа создания организации.

В доказательство наличия в современной России явочного способа образования юридических лиц отдельные правоведы, например Н. В. Козлова, приводят абз. 4 ст. 3 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ (с изм. от 8 марта 2015 г.) «Об общественных объединениях»⁴, согласно которому «создаваемые гражданами общественные объединения могут функционировать без государственной регистрации, что характерно для явочного порядка»⁵.

В настоящее время в Российской Федерации объединения граждан могут действовать и без государственной регистрации, но придавать им статус юридического лица, созданного явочным способом, на наш взгляд, не совсем верно, так как явочный порядок как один из способов образования юридических лиц должен быть прямо предусмотрен в законодательстве для рассматриваемого случая. Однако в законодательстве Российской Федерации такой порядок не установлен, исходя из чего говорить о явочном способе образования юридического лица в данном случае невозможно. Это всего лишь деятельность объединения граждан без образования юридического лица.

Распорядительный способ образования юридических лиц

Распорядительный способ характеризуется тем, что юридическое лицо считается созданным с момента принятия уполномоченным органом решения о создании юридического лица (принятие компетентным органом акта о создании организации⁶ или органа⁷). Наличие распорядительного способа образования юридических лиц, как и явочного, говорит о том, что в законодательстве государства отсутствует какая-либо специальная процедура, связанная с образованием юридических лиц.

В России распорядительный способ образования юридических лиц был закреплен в п. 4.10 Методических разъяснений по порядку заполнения форм документов, используемых при государственной регистрации юридического лица, утвержденных приказом Федеральной налоговой службы России от 1 ноября 2004 г. № САЭ-3-09/16@⁸ (утратили силу

¹ Лапо-Данилевский И. П. Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия. СПб., 1888. С. 17.

² Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 7. Ст. 299.

³ Гражданское право. Часть первая / под ред. Ю. К. Толстого, А. П. Сергеева. С. 118.

⁴ СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1930.

⁵ Козлова Н. В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: учеб. пособие. М., 2003. С. 233.

⁶ Субъекты гражданского права. С. 96.

⁷ Мартеньянов В. С. Местные Советы и их исполнительные органы как юридические лица. М., 1975. С. 66.

⁸ Рос. газ. 2004. 29 дек.

в связи с изданием приказа Федеральной налоговой службы России от 25 января 2012 г. № ММВ-7-6/25@¹), в котором прямо сказано, что органы государственной власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления, имеющие статус юридических лиц, создаются в распорядительном порядке и считаются созданными с момента принятия соответствующего акта органа государственной власти Российской Федерации, органа государственной власти субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления. При этом следует обратить особое внимание на то, что в силу указанных Методических разъяснений момент появления у создаваемого органа статуса юридического лица в точном соответствии с концепцией распорядительного способа образования юридических лиц совпадает с моментом принятия акта органа государственной власти или местного самоуправления о создании такого органа. Получается, что внесение сведений в единый государственный реестр юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ) о вновь возникшем юридическом лице – органе государственной власти или местного самоуправления является лишь способом фиксации сведений о нем в официальном государственном реестре, но никак не влияет на появление у органа статуса юридического лица.

Вместе с тем согласно ч. 8 ст. 51 Гражданского кодекса Российской Федерации юридическое лицо считается созданным со дня внесения соответствующей записи о нем в ЕГРЮЛ, которая в свою очередь в соответствии с ч. 1 ст. 11 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ (с изм. от 13 июля 2015 г.) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»² вносится только после принятия уполномоченным органом решения о государственной регистрации вновь созданного юридического лица.

Вторая группа способов образования юридических лиц

Общим для нормативного и признакового способов образования юридических лиц является то, что юридическое лицо создается на основании волеизъявления лиц, не требующего дополнительного разрешения уполномоченного органа либо соблюдения дополнительной процедуры. Этим они очень похожи на явочный и распорядительный способы образования юридических лиц. Однако если для явочного и распорядительного способов необходимо и достаточно волеизъявления лиц о создании своего юридического лица, то для нормативного и признакового способов нужно также наличие дополнительных факторов (указаны ниже), которые позволяют сделать однозначный вывод о том, является ли создаваемая организация юридическим лицом.

Отличие нормативного способа образования юридических лиц от признакового состоит в том, что при нормативном способе статус юридического лица у вновь созданной организации определяется на основе указания об этом в соответствующем нормативном акте, а при признаковом – на основе наличия у нее соответствующих признаков юридического лица, закрепленных в гражданском законодательстве.

А. В. Венедиктов прямо указал на наличие нормативного и признакового способов образования юридических лиц (не давая им при этом специального названия). В частности, он писал, что «при определении круга организаций, за которыми советское право признает гражданскую правоспособность, оно пользуется одним из двух приемов: 1) либо прямым указанием на юридическую личность соответствующего вида организаций, 2) либо указанием на тот специальный признак, которым должна обладать организация определенного вида для признания за ней юридической личности»³.

¹ Бюл. нормат. актов федеральных органов исполнительной власти. 2012. № 44.

² СЗ РФ. 2001. № 33 (Ч. 1). Ст. 3431.

³ Венедиктов А. В. Государственные юридические лица в СССР // Сов. государство и право. 1940. № 10. С. 76.

Нормативный способ образования юридических лиц

Нормативный способ образования юридических лиц (повторим) характеризуется тем, что статус юридического лица у организации прямо определен в нормативных актах (актах законодательства и локальных актах организаций).

В. А. Дозорцев отмечает, что «организации определенного типа» пользуются правами юридического лица в силу прямого указания закона, «особенно если они действуют на основании общего положения для организации данного вида (например, школа)», и специального акта о признании организации юридическим лицом не требуется¹. Такая организация, как писал А. В. Мицкевич, «признается юридическим лицом в силу закона»². Соответственно когда в нормативных документах говорится, что организация является юридическим лицом, наделяется правами юридического лица, имеет статус юридического лица, обладает правами юридического лица, пользуется правами юридического лица и т. д., то этого, по В. А. Дозорцеву, вполне достаточно для подтверждения того, что пройден второй этап процесса образования юридического лица.

В начале XX в. в советской России такой способ образования юридических лиц был закреплён, например, в Декрете Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР от 22 мая 1922 г. «Об основных частных имущественных правах»³, который закрепил, что государственные учреждения, предприятия и их объединения признаются юридическими лицами в силу закона.

На статус каких-либо организаций как юридических лиц могло быть указано в нормативных актах как Союза ССР, так и современной России. Например, в п. 1 циркуляра Всесоюзного Центрального совета профессиональных союзов СССР от 18 января 1927 г. № 12⁴ юридическими лицами названы центральные, областные, районные и иные комитеты союзов Всесоюзного Центрального совета профессиональных союзов, а ст. 1 постановления Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР от 23 января 1929 г. «Об имущественной ответственности профсоюзов»⁵ установила, что профсоюз является юридическим лицом. Об этом писал и М. И. Брагинский: «Действующие уставные акты подчеркивают, что и потребительское общество, и райпотребсоюз, и обл (край), и республиканский потребсоюз, и сам Центросоюз являются юридическими лицами»⁶. А. В. Венедиктов приводил в пример ряд бюджетных учреждений, за которыми права юридического лица признаны их уставами или положениями: Академия наук СССР, Академия архитектуры СССР, Всесоюзная книжная палата и др.⁷

Из возможности существования нормативного порядка образования юридического лица исходили при рассмотрении споров и суды, основывая свои решения на мнении Верховного Суда РСФСР, который указал в разъяснении 1925 г., что правами юридического лица пользуются только такие организации, которым эти права предоставлены по закону или уставом, или положением, определяющим круг их деятельности⁸.

В более поздних правовых актах также использовалась данная конструкция. Например, по Закону СССР от 26 мая 1988 г. № 8998-XI (с изм. от 15 апреля 1998 г.) «О кооперации в СССР»⁹ юридическим лицом являлся кооператив; по Закону СССР от 30 июня

¹ Субъекты гражданского права. С. 96.

² Мицкевич А. В. Субъекты гражданского права. М., 1962. С. 134.

³ Собр. узаконений РСФСР. 1922. № 36. Ст. 423.

⁴ Известия Народного комиссариата труда СССР. 1927. № 6–7.

⁵ СЗ СССР. 1929. № 7. Ст. 63.

⁶ Брагинский М. И. Участие Советского государства в гражданских правоотношениях. М., 1981. С. 26.

⁷ Венедиктов А. В. Государственные юридические лица в СССР // Сов. государство и право. 1940. № 10. С. 84.

⁸ Сб. разъяснений Верховного Суда РСФСР. М., 1931. С. 52–55.

⁹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 22. Ст. 355.

1987 г. (с изм. от 7 апреля 1989 г.) «О государственном предприятии (объединении)»¹ – государственное предприятие (объединение); по Закону СССР от 4 июня 1990 г. № 1529-1 «О предприятиях в СССР»² – самостоятельный хозяйствующий субъект с правами юридического лица. В. С. Якушев, рассматривая Закон СССР «О государственном предприятии (объединении)», говорил, что «в правовой характеристике предприятия как товаропроизводителя, прежде всего, надо указать, что Закон о предприятии признает его юридическим лицом»³. Н. И. Коняев прямо указывал, что уставы Госбанка СССР и Стройбанка СССР «не признают конторы, отделения и другие учреждения банка юридическими лицами. Поэтому нельзя согласиться с авторами, относящими эти учреждения к числу юридических лиц»⁴.

Правовыми актами, подтверждающими существование в настоящее время нормативного порядка образования юридических лиц, в частности, являются: Закон РФ от 7 июля 1993 г. № 5340-1 (с изм. от 30 декабря 2015 г.) «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации»⁵; Федеральный закон от 8 мая 1996 г. № 41-ФЗ (с изм. от 30 ноября 2011 г.) «О производственных кооперативах»⁶; Закон Российской Федерации от 19 июня 1992 г. № 3085-1 (с изм. от 23 апреля 2012 г.) «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации»⁷; Федеральный закон от 15 июня 1996 г. № 72-ФЗ (с изм. от 21 марта 2002 г.) «О товариществах собственников жилья»⁸; Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ (с изм. от 29 декабря 2015 г.) «Об акционерных обществах»⁹. Названные акты устанавливают, что торгово-промышленные палаты, производственные и потребительские кооперативы, товарищества собственников жилья и акционерные общества являются юридическими лицами. Как поясняют некоторые правоведы, «если в каком-либо подзаконном акте указано, что субъект наделяется правами юридического лица, это должно означать лишь одно – он признается в гражданском обороте юридическим лицом»¹⁰.

Судебная практика также продолжает в ряде случаев исходить из возможности нормативного закрепления статуса юридического лица у отдельных видов организаций. Так, Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ в постановлении от 21 апреля 1998 г. № 6068/97¹¹, прекращая дело с участием воинской части по причине отсутствия у нее прав юридического лица, указал на отсутствие общего или специального законодательного акта, признающего данное подразделение Вооруженных Сил Российской Федерации юридическим лицом.

Вместе с тем сохранение в федеральных законах и иных нормативных правовых актах положений, предусматривающих нормативный порядок образования юридических лиц, ничем не обусловлено. Сейчас при наличии установленной федеральным законом специальной процедуры образования юридических лиц (государственной регистрации) закрепление в нормативных актах статуса юридического лица за отдельными категори-

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1987. № 26. Ст. 385.

² Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 25. Ст. 460.

³ Якушев В. С. Перестройка – реализация ленинских идей (государственно-правовые аспекты) // Межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1990. С. 60.

⁴ Коняев Н. И. Хозяйственные системы в период зрелого социализма (правовые вопросы). Саратов, 1980. С. 32.

⁵ Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1309.

⁶ СЗ РФ. 1996. № 20. Ст. 2321.

⁷ Там же. 1997. № 28. Ст. 3306.

⁸ Там же. 1996. № 25. Ст. 2963.

⁹ Там же. № 1. Ст. 1.

¹⁰ Зинченко С. А., Лапач В. А. Субъект предпринимательства как юридическое лицо // Государство и право. 1995. № 7. С. 59.

¹¹ Вестн. ВАС РФ. 1998. № 7.

ями организаций есть лишь дань традиции, которая имела место в прошлом веке и не влечет в настоящее время каких-либо правовых последствий.

Здесь же необходимо обратить внимание на сходство и различия нормативного и распорядительного способов образования юридических лиц. И в том и в другом случае решение о создании юридического лица принимается уполномоченным органом. Однако при распорядительном способе решения уполномоченного органа о создании юридического лица вполне достаточно для участия вновь созданной организации в гражданском обороте в качестве юридического лица, в то время как при нормативном способе еще необходимо обязательное указание в нормативном акте на наличие у вновь созданной организации данного вида статуса юридического лица. Отсюда следует, что все-таки именно нормативным способом образовывалось множество государственных организаций в советский период. Хотя большинство исследователей, в том числе В. А. Дозорцев, ввиду схожести этих двух способов образования юридических лиц называют способ создания государственных юридических лиц Союза ССР распорядительным¹.

Признаковый способ образования юридических лиц

Признаковый способ образования юридических лиц характеризуется тем, что статус юридического лица у конкретной организации определяется только исходя из наличия у нее признаков, присущих юридическим лицам. Этот способ появился и был признан учеными и судебной практикой в связи с тем, что в законодательстве не указывался порядок образования некоторых видов организаций. Поэтому при рассмотрении вопросов участия данных организаций в гражданском обороте ученые-правоведы и судебная практика были вынуждены сформулировать новый подход к установлению у них статуса юридического лица.

Способ определения у организации статуса юридического лица посредством указания на наличие у нее отдельных признаков был закреплен в Своде законов Российской империи. Дополнительно заострим внимание на том, что в названном нормативном акте термин «юридическое лицо» не использовался², тем не менее организация, соответствующая признаку, закрепленному в Своде законов Российской империи (имеющая определенные права и несущая самостоятельную ответственность), признавалась самостоятельным субъектом права (в нашем понимании – юридическим лицом).

Так, ст. 413, 414, 698, 1745, 2291 и 2292 Свода законов Российской империи указывали на такой признак самостоятельного субъекта права, как обладание правами на имущество³. Среди организаций, имеющих самостоятельное право на имущество, назывались земские учреждения, епархиальные начальства, кредитные установления, богоугодные заведения, учебные и ученые заведения и сословия лиц. Аналогичные права на имущество закреплялись за православными монастырями, церквями и архиерейскими домами, неправославными монастырями и церквями, торговыми ассоциациями⁴.

В настоящее время такие признаки юридического лица, как имущественная обособленность и самостоятельная имущественная ответственность по своим обязательствам, установлены в ч. 1 ст. 48 ГК РФ.

Во второй половине XX в. среди ученых-цивилистов и хозяйственников Союза ССР разгорелись споры о признании юридическими лицами организаций потребительской кооперации, профсоюзов, трестов и иных организаций. Каждый в обоснование своего мнения указывал на наличие или отсутствие у данных организаций и их территориаль-

¹ Гражданское право. Часть первая / под ред. Ю. К. Толстого, А. П. Сергеева. С. 118.

² Синайский В. И. Русское гражданское право. М., 2002. С. 113.

³ Мейер Д. И. Русское гражданское право: в 2 ч. М., 1997. Ч. 1. С. 121–122.

⁴ Васильковский Е. В. Учебник гражданского права. М., 2003. С. 114.

но обособленных органов и хозрасчетных предприятий признаков юридического лица (наличие обособленного имущества, право распоряжения имуществом, наличие самостоятельной имущественной ответственности, наличие счета и гербовой печати, право совершения сделок, право выступать в суде в качестве истца или ответчика).

Например, С. Н. Братусь указывал, что «признание какого-либо общественного образования юридической личностью зависит не от того, будет ли оно официально названо юридическим лицом, а от того, обладает ли оно теми свойствами, которые в своей совокупности делают его самостоятельным участником гражданских правоотношений, т. е. юридическим лицом»¹. А. А. Пушкин утверждал, что «юридическими лицами признаются не все организации, а лишь те из них, которые имеют обособленное имущество, могут от своего имени приобретать имущественные и личные неимущественные права и нести обязанности, быть истцами и ответчиками в суде»².

М. И. Брагинский указывал, что «ч. 1 ст. 11 Основ (Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г. – М. Ж.) связывает признание организации юридическим лицом с моментами материальными (наличием указанных в этой статье признаков), а не формальными (наличие соответствующей записи о юридической личности организации в ее уставе или положении)... Поэтому, например, в ч. 2 ст. 11 Основ говорится не просто о „государственных предприятиях“, а лишь о предприятиях, которые удовлетворяют указанным в ней признакам»³.

Д. М. Генкин⁴, А. В. Венедиктов⁵ и Б. Б. Черепяхин⁶, подвергнув критическому разбору все признаки юридического лица, независимо друг от друга пришли к выводу, что решающим и единственным признаком, свидетельствующим о наличии у организации правосубъектности, является признак самостоятельного участия в гражданском обороте.

Подтверждает наличие данного способа образования юридических лиц и судебная и арбитражная практика 20–30 гг. XX в., которая при рассмотрении вопроса о самостоятельной ответственности фабзавкомов, а также ответственности объединения или треста по долгам входящих в него предприятий признавала последние юридическими лицами для исключения ответственности самого объединения или треста⁷. Так, Гражданская кассационная коллегия Верховного Суда РСФСР в своем решении пришла к выводу, что в «отдельных конкретных случаях, в зависимости от обстоятельств дела, нужно признавать ответственным за совершение сделки фабзавком в целом, поскольку последний выступил в обороте как самостоятельный участник»⁸.

С. Н. Братусь писал, что «юридическая личность» была признана за трестированным предприятием прежде всего арбитражной практикой⁹. Рассматривая постановление Президиума Верховного Суда РСФСР «О порядке и возможности обращения на средства объединения взыскания с хозрасчетных организаций, входящих в объединения»¹⁰, ученый указывал, что «признав самостоятельную имущественную ответственность хозрасчетной единицы, входящей в состав объединения, в тех случаях, когда последнее

¹ Братусь С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М., 1947. С. 143.

² Пушкин А. А. Субъекты гражданского права: текст лекций. Харьков, 1974. С. 10.

³ Брагинский М. И. Участие Советского государства в гражданских правоотношениях. М., 1981. С. 27, 34.

⁴ Генкин Д. М. О юридических лицах в проекте Гражданского кодекса СССР. Труды первой научной сессии Всесоюзного института юридических наук. М., 1940. С. 297.

⁵ Венедиктов А. В. Указ. соч. С. 78.

⁶ Черепяхин Б. Б. Волеобразование и волеизъявление юридического лица // Правоведение. 1958. № 2. С. 47.

⁷ Бюл. Государственного арбитража. 1932. № 8. С. 26; 1932. № 12. С. 34.

⁸ Сб. разъяснений Верховного Суда РСФСР. 4-е изд. М., 1935. С. 30.

⁹ Братусь С. Н. Указ. соч. С. 304.

¹⁰ Сов. юстиция. 1933. № 8.

не привлекается в качестве ответчика, Верховный Суд тем самым признал имущественную самостоятельность и самостоятельное участие в гражданском обороте, а стало быть, и юридическую личность этой хозрасчетной единицы»¹.

Таким образом, ученые и судебные инстанции при рассмотрении вопросов о статусе какой-либо организации исходили не из имеющегося у нее на момент рассмотрения спора статуса юридического лица, а из наличия или отсутствия у данной организации признаков юридического лица.

Вместе с тем следует признать, что признаки юридического лица, закрепленные в ст. 48 ГК РФ, в настоящее время нужны лишь для понимания гражданско-правовой категории юридического лица, а не для определения того, является ли та или иная организация, исходя из наличия у нее необходимого количества признаков, юридическим лицом. Как справедливо отмечают авторы «Комментария к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой», у организации может и не быть всех признаков юридического лица², но, несмотря на это, после государственной регистрации она становится юридическим лицом, и наоборот, если организация отвечает всем признакам юридического лица, но у нее нет данной регистрации, то она не может быть признана юридическим лицом.

Возможность признания организации юридическим лицом исходя из наличия у нее совокупности определенных правомочий до закрепления соответствующей нормы в законодательстве подтверждается и в теории цивилистики. Как писал О. С. Иоффе, «истории советской цивилистической мысли известны случаи предвосхищения прямого законодательного признания прав юридической личности благодаря анализу конкретных субъективных прав, предоставленных по закону организациям определенных видов»³.

Рассмотрение способов образования юридических лиц, составляющих две первые из выделенных нами групп, позволило понять те теоретические сложности, с которыми столкнулась наука советского гражданского права. Отсутствие единых подходов к исследованию проблемы способов образования юридических лиц в свою очередь привело к значительным трудностям при реализации действующих в то время норм законодательства, касающихся создания различных видов юридических лиц. Лишь к 80-м гг. XX в. наука советского гражданского права смогла достаточно подробно изучить данную проблематику и предложить по ней законченные теоретические разработки.

(Продолжение статьи будет опубликовано в 1-м номере «Электронного приложения к „Российскому юридическому журналу“» за 2017 г.)

Библиография

- Брагинский М. И. Участие Советского государства в гражданских правоотношениях. М., 1981.
Братусь С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве. М., 1947.
Бюл. Государственного арбитража. 1932. № 8; 12.
Васьковский Е. В. Учебник гражданского права. М., 2003.
Венедиктов А. В. Государственные юридические лица в СССР // Сов. государство и право. 1940. № 10.
Генкин Д. М. О юридических лицах в проекте Гражданского кодекса СССР // Труды первой научной сессии Всесоюзного института юридических наук. М., 1940.
Гражданское право / под ред. П. Е. Орловского, С. М. Корнеева. М., 1969. Т. 1.
Гражданское право. Часть первая / под ред. Ю. К. Толстого, А. П. Сергеева. М., 1996.

¹ Братусь С. Н. Указ. соч. С. 307.

² Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / под ред. О. Н. Садикова. М., 1995. С. 79.

³ Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М., 2000. С. 317.

Гражданское право. Часть первая: учеб. для вузов / под общ. ред. Т. И. Илларионовой, Б. М. Гонгало, В. А. Плетнева. М., 1998.

Гражданское право: учеб.: в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1998. Т. 1.

Зинченко С. А., Лапач В. А. Субъект предпринимательства как юридическое лицо // Государство и право. 1995. № 7.

Иоффе О. С. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М., 2000.

Козлова Н. В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: учеб. пособие. М., 2003.

Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / под ред. О. Н. Садикова. М., 1995.

Коняев Н. И. Хозяйственные системы в период зрелого социализма (правовые вопросы). Саратов, 1980.

Лапо-Данилевский И. П. Русские промышленные и торговые компании в первой половине XVIII столетия. СПб., 1888.

Мартемьянов В. С. Местные Советы и их исполнительные органы как юридические лица. М., 1975.

Мейер Д. И. Русское гражданское право: в 2 ч. М., 1997. Ч. 1.

Методические разъяснения по порядку заполнения форм документов, используемых при государственной регистрации юридического лица: утв. приказом Федеральной налоговой службы России от 1 ноября 2004 г. № САЭ-3-09/16@ // Рос. газ. 2004. 29 дек.

Мицкевич А. В. Субъекты гражданского права. М., 1962.

О высшем и послевузовском профессиональном образовании: Федеральный закон от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4135.

О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ (с изм. от 13 июля 2015 г.) // СЗ РФ. 2001. № 33 (Ч. 1). Ст. 3431.

О государственном предприятии (объединении): Закон СССР от 30 июня 1987 г. (с изм. от 7 апреля 1989 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1987. № 26. Ст. 385.

О кооперации в СССР: Закон СССР от 26 мая 1988 г. № 8998-XI (с изм. от 15 апреля 1998 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 22. Ст. 355.

О порядке и возможности обращения на средства объединения взыскания с хозяйственных организаций, входящих в объединения: постановление Президиума Верховного Суда РСФСР // Сов. юстиция. 1933. № 8.

О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации: Закон РФ от 19 июня 1992 г. № 3085-1 (с изм. от 23 апреля 2012 г.) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1788.

О предприятиях в СССР: Закон СССР от 4 июня 1990 г. № 1529-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 25. Ст. 460.

О производственных кооперативах: Федеральный закон от 8 мая 1996 г. № 41-ФЗ (с изм. от 30 ноября 2011 г.) // СЗ РФ. 1996. № 20. Ст. 2321.

О регистрации общественных объединений в РСФСР и регистрационном сборе: постановление Верховного Совета РСФСР от 18 декабря 1991 г. № 2057-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 7. Ст. 299.

О товариществах собственников жилья: Федеральный закон от 15 июня 1996 г. № 72-ФЗ (с изм. от 21 марта 2002 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2963.

О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации: Закон РФ от 7 июля 1993 г. № 5340-1 (с изм. от 30 декабря 2015 г.) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1309.

Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ (с изм. от 29 декабря 2015 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

Об имущественной ответственности профсоюзов: постановление Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР от 23 января 1929 г. // СЗ СССР. 1929. № 7. Ст. 63.

Об общественных объединениях: Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ (с изм. от 8 марта 2015 г.) // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1930.

Об основных частных имущественных правах: Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР от 22 мая 1922 г. // Собр. узаконений РСФСР. 1922. № 36. Ст. 423.

- Постановление Президиума ВАС РФ от 21 апреля 1998 г. № 6068/97 // Вестн. ВАС РФ. 1998. № 7.
- Приказ Федеральной налоговой службы России от 25 января 2012 г. № ММВ-7-6/25@ // Бюл. нормат. актов федеральных органов исполнительной власти. 2012. № 44.
- Пушкин А. А. Субъекты гражданского права: текст лекций. Харьков, 1974.
- Сборник разъяснений Верховного Суда РСФСР. 4-е изд. М., 1935.
- Сборник разъяснений Верховного Суда РСФСР. М., 1931.
- Синайский В. И. Русское гражданское право. М., 2002.
- Советское гражданское право: учеб. для вузов. 3-е изд., испр. и доп. / под ред. О. А. Красавчикова. М., 1985. Т. 1.
- Субъекты гражданского права / под ред. С. Н. Братуся. М., 1984.
- Циркуляр Всесоюзного Центрального совета профессиональных союзов СССР от 18 января 1927 г. № 12 // Известия Народного комиссариата труда СССР. 1927. № 6, 7.
- Черепашин Б. Б. Волеобразование и волеизъявление юридического лица // Правоведение. 1958. № 2.
- Якушев В. С. Перестройка – реализация ленинских идей (государственно-правовые аспекты) // Межвузовский сборник научных трудов. Свердловск, 1990.

Bibliography

- Braginskij M. I. Uchastie Sovetskogo gosudarstva v grazhdanskix pravootnosheniyax. M., 1981.
- Bratus' S. N. Yuridicheskie lica v sovetskom grazhdanskom prave. M., 1947.
- Byul. Gosudarstvennogo arbitrazha. 1932. № 8; 12.
- Cherepashin B. B. Voleobrazovanie i voleiz'yavlenie yuridicheskogo lica // Pravovedenie. 1958. № 2.
- Cirkulyar Vsesoyuznogo Central'nogo soveta professional'nyx soyuzov SSSR ot 18 yanvarya 1927 g. № 12 // Izvestiya Narodnogo komissariata truda SSSR. 1927. № 6, 7.
- Genkin D. M. O yuridicheskix licax v proekte Grazhdanskogo kodeksa SSSR // Trudy pervoj nauchnoj sessii Vsesoyuznogo instituta yuridicheskix nauk. M., 1940.
- Grazhdanskoe pravo / pod red. P. E. Orlovskogo, S. M. Korneeva. M., 1969. Т. 1.
- Grazhdanskoe pravo. Chast' pervaja / pod red. Yu. K. Tolstogo, A. P. Sergeeva. M., 1996.
- Grazhdanskoe pravo. Chast' pervaja: ucheb. dlya vuzov / pod obshh. red. T. I. Illarionovoj, B. M. Gongalo, V. A. Pletneva. M., 1998.
- Grazhdanskoe pravo: ucheb.: v 2 t. / otv. red. E. A. Suxanov. 2-e izd., pererab. i dop. M., 1998. Т. 1.
- Ioffe O. S. Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: Iz istorii civilisticheskoy mysli. Grazhdanskoe pravootnoshenie. Kritika teorii «kozyajstvennogo prava». M., 2000.
- Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii, chasti pervoj (postatejnyj) / pod red. O. N. Sadikova. M., 1995.
- Konyaev N. I. Xozyajstvennye sistemy v period zrelogo socializma (pravovye voprosy). Saratov, 1980.
- Kozlova N. V. Ponyatie i sushhnost' yuridicheskogo lica. Ocherk istorii i teorii: ucheb. posobie. M., 2003.
- Lapo-Danilevskij I. P. Russkie promyshlennye i torgovyje kompanii v pervoj polovine XVIII stoletiya. SPb., 1888.
- Martem'yanov V. S. Mestnye Sovety i ix ispolnitel'nye organy kak yuridicheskie lica. M., 1975.
- Mejer D. I. Russkoe grazhdanskoe pravo: v 2 ch. M., 1997. Ch. 1.
- Metodicheskie raz'yasneniya po poryadku zapolneniya form dokumentov, ispol'zuemyx pri gosudarstvennoj registracii yuridicheskogo lica: utv. prikazom Federal'noj nalogovoj sluzhby Rossii ot 1 noyabrya 2004 g. № SAEh-3-09/16@ // Ros. gaz. 2004. 29 dek.
- Mickevich A. V. Sub'ekty grazhdanskogo prava. M., 1962.
- O gosudarstvennoj registracii yuridicheskix lic i individual'nyx predprinimatelej: Federal'nyj zakon ot 8 avgusta 2001 g. № 129-FZ (s izm. ot 13 iyulya 2015 g.) // SZ RF. 2001. № 33 (Ch. 1). St. 3431.
- O gosudarstvennom predpriyatii (ob'edinenii): Zakon SSSR ot 30 iyunya 1987 g. (s izm. ot 7 aprelya 1989 g.) // Vedomosti Verxovnogo Soveta SSSR. 1987. № 26. St. 385.
- O kooperacii v SSSR: Zakon SSSR ot 26 maya 1988 g. № 8998-XI (s izm. ot 15 aprelya 1998 g.) // Vedomosti Verxovnogo Soveta SSSR. 1988. № 22. St. 355.
- O poryadke i vozmozhnosti obrashheniya na sredstva ob'edineniya vzyskaniya s xozraschetnyx organizacij, vxodyashhix v ob'edineniya: postanovlenie Prezidiuma Verxovnogo Suda RSFSR // Sov. yusticiya. 1933. № 8.
- O potrebitel'skoj kooperacii (potrebitel'skix obshhestvax, ix soyuzax) v Rossijskoj Federacii: Zakon RF ot 19 iyunya 1992 g. № 3085-1 (s izm. ot 23 aprelya 2012 g.) // Vedomosti SND RF i VS RF. 1992. № 30. St. 1788.

О predpriyatiyax v SSSR: Zakon SSSR ot 4 iyunya 1990 g. № 1529-1 // Vedomosti SND i VS SSSR. 1990. № 25. St. 460.

О proizvodstvennykh kooperativax: Federal'nyj zakon ot 8 maya 1996 g. № 41-FZ (s izm. ot 30 noyabrya 2011 g.) // SZ RF. 1996. № 20. St. 2321.

О registracii obshhestvennykh ob"edinenij v RSFSR i registracionnom sbore: postanovlenie Verxovnogo Soveta RSFSR ot 18 dekabrya 1991 g. № 2057-1 // Vedomosti SND RF i VS RF. 1992. № 7. St. 299.

О torgovo-promyshlennyykh palatax v Rossijskoj Federacii: Zakon RF ot 7 iyulya 1993 g. № 5340-1 (s izm. ot 30 dekabrya 2015 g.) // Vedomosti SND RF i VS RF. 1993. № 33. St. 1309.

О tovarishhestvax sobstvennikov zhil'ya: Federal'nyj zakon ot 15 iyunya 1996 g. № 72-FZ (s izm. ot 21 marta 2002 g.) // SZ RF. 1996. № 25. St. 2963.

О vysshem i poslevuzovskom professional'nom obrazovanii: Federal'nyj zakon ot 22 avgusta 1996 g. № 125-FZ // SZ RF. 1996. № 35. St. 4135.

Об akcionernyx obshhestvax: Federal'nyj zakon ot 26 dekabrya 1995 g. № 208-FZ (s izm. ot 29 dekabrya 2015 g.) // SZ RF. 1996. № 1. St. 1.

Об imushchestvennoj otvetstvennosti profsoyuzov: postanovlenie Central'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta i Soveta Narodnykh Komissarov SSSR ot 23 yanvarya 1929 g. // Sobr. zakonodatel'stva SSSR. 1929. № 7. St. 63.

Об obshhestvennykh ob"edineniyax: Federal'nyj zakon ot 19 maya 1995 g. № 82-FZ (s izm. ot 8 marta 2015 g.) // SZ RF. 1995. № 21. St. 1930.

Об osnovnykh chastnykh imushchestvennykh pravax: Dekret Vserossijskogo Central'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta i Soveta Narodnykh Komissarov RSFSR ot 22 maya 1922 g. // Sobr. uzakonenij RSFSR. 1922. № 36. St. 423.

Postanovlenie Prezidiuma VAS RF ot 21 aprelya 1998 g. № 6068/97 // Vestn. VAS RF. 1998. № 7.

Prikaz Federal'noj nalogovoj sluzhby Rossii ot 25 yanvarya 2012 g. № MMV-7-6/25@ // Byul. normat. aktov federal'nykh organov ispolnitel'noj vlasti. 2012. № 44.

Pushkin A. A. Sub"ekty grazhdanskogo prava: tekst lekcij. Xar'kov, 1974.

Sbornik raz"yasnenij Verxovnogo Suda RSFSR. 4-e izd. M., 1935.

Sbornik raz"yasnenij Verxovnogo Suda RSFSR. M., 1931.

Sinajskij V. I. Russkoe grazhdanskoe pravo. M., 2002.

Sovetskoe grazhdanskoe pravo: ucheb. dlya vuzov. 3-e izd., ispr. i dop. / pod red. O. A. Krasavchikova. M., 1985. T. 1.

Sub"ekty grazhdanskogo prava / pod red. S. N. Bratusya. M., 1984.

Vas'kovskij E. V. Uchebnik grazhdanskogo prava. M., 2003.

Venediktov A. V. Gosudarstvennye yuridicheskie lica v SSSR // Sov. gosudarstvo i pravo. 1940. № 10.

Yakushev V. S. Perestrojka – realizaciya leninskix idej (gosudarstvenno-pravovye aspekty) // Mezhhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov. Sverdlovsk, 1990.

Zinchenko S. A., Lapach V. A. Sub"ekt predprinimatel'stva kak yuridicheskoe lico // Gosudarstvo i pravo. 1995. № 7.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО РЫНКА

Кольченко Александр Иванович

Магистр юриспруденции, старший преподаватель кафедры юридических наук
филиала Южно-Уральского государственного университета (Озерск),
e-mail: kai40@mail.ru

Рассмотрены государственный контроль и надзор за электроэнергетическим рынком, управление им. Сделан вывод о том, что регулирование деятельности субъектов энергетического рынка является специальным видом государственного регулирования экономики. Отмечена особенность системы административно-правового регулирования, подтверждающая комплексный характер норм, регламентирующих сферу государственного управления электроэнергетической отраслью.

Ключевые слова: административное право, административно-правовое регулирование, энергетика, электроэнергетика, государственный контроль, надзор, Правительство РФ

THE ADMINISTRATIVE SUPERVISION OVER THE ELECTRICITY MARKET

Kolchenko Alexander

South Ural State University (Ozyorsk branch) (Ozyorsk),
e-mail: kai40@mail.ru

The article explores the state supervision and control over the electricity market and its administration. It is concluded that the regulation of activities of electricity market participants is a separate type of the state economy regulation. There are a number of peculiarities of the administrative supervision system that confirms the complex character of rules governing the electricity market administration.

Key words: administrative law, administrative regulation, power industry, electricity, state control, supervision, Russian Government

Кризисное состояние экономики России выявило множество проблем (в том числе в энергетической отрасли), в решении которых немаловажную роль должны сыграть эффективные методы ее административно-правового регулирования. Большое значение сегодня приобретают не только ценовые методы регулирования энергетического рынка, широко известные в экономической теории и практике, но и альтернативные им неценовые методы, а также методы административно-правового регулирования.

В экономической литературе выделяют три формы государственного регулирования:

- 1) структурное регулирование, при котором компаниям предоставляется право либо на них накладывается обязательство участвовать в определенных видах деятельности;
- 2) регулирование поведения (ценовое регулирование), которое осуществляется посредством установления цен (прямое регулирование) либо через налоговую политику, субсидирование (косвенное регулирование);
- 3) регулирование через систему стандартов, которое применяется при решении вопросов социальной политики, безопасности, охраны окружающей среды¹.

¹ Айзенберг Н. И. Теоретические основы регулирования естественных монополий: препринт. Иркутск, 2006. С. 29.

В зависимости от исторических, политических, технологических и других факторов степень государственного вмешательства неодинакова, пределы его регулирующего воздействия на отрасли, имеющие социально-экономическое значение, обусловлены и формами собственности субъектов рынка. По этому критерию выделяют три основные формы государственного регулирования: 1) прямое регулирование цен; 2) ограничение доходности; 3) регулирование отношений собственности предприятий, действующих на энергетическом рынке¹. (Отметим, что существуют и другие критерии, положенные в основу различных классификаций форм государственного регулирования.) В связи с актуальностью вопросов государственного регулирования электроэнергетики наиболее важным в нем является административно-правовое.

Административно-правовое регулирование – форма юридического опосредования отношений, в рамках которой одна сторона выступает в роли управляющего (субъект управления), а другая – управляемого (объект управления). Подобное регулирование предполагает односторонность волеизъявления одного из участников отношения, при этом механизм административно-правового регулирования не есть результат взаимного (т. е. договорного) волеизъявления управляющих и управляемых².

Административно-правовое регулирование предполагает воздействие государства (в лице специально уполномоченных органов исполнительной власти) на определенные сферы экономики способами, методами, закрепленными в нормативных правовых актах. Будучи одной из форм государственного регулирования, оно имеет особенности, которыми характеризуются его формы и методы. К формам административно-правового регулирования электроэнергетики относятся формы государственной поддержки; административные режимы, связанные с обеспечением государственных состояний; императивные количественные и качественные нормативы; административно-функциональные режимы; введение государственной монополии и др.³ Таким образом, установление специального административно-правового режима в отношении субъектов энергетического рынка может рассматриваться как одна из форм административно-правового регулирования и разновидность государственного регулирования экономики в целом.

Существующие методы административно-правового воздействия, осуществляемые в виде лицензирования, сертификации, стандартизации, носят регулятивный характер и представляют собой ограничения на ведение определенных видов деятельности, а также систему требований, предъявляемых к качеству товаров (услуг) и безопасности функционирования производственных комплексов субъектов естественных монополий.

Методы регулирования деятельности субъектов энергетического рынка есть предусмотренные нормативными правовыми актами способы установления и применения обязательных требований к хозяйственной деятельности и продукции субъектов энергетического рынка. В рассматриваемой сфере отношений можно выделить несколько признаков, присущих методам регулирования:

их применение обязательно для функционирования субъектов естественных монополий;

специальные регулирующие органы наделены полномочиями по выбору методов и их реализации;

для хозяйственной деятельности субъектов энергетического рынка устанавливаются особые условия и характеристики их продукции.

¹ Шуплецов А. Ф., Янков Ю. П. Естественные монополии в переходной экономике: особенности регулирования. Иркутск, 2006. С. 42.

² Козлов Ю. М., Овсянко Д. М., Попов Л. Л. Административное право: учеб. М., 2005. С. 45.

³ Черданцев А. Ф. Теория государства и права. М., 2009. С. 361.

Эффективность обеспечения энергетической безопасности и бесперебойного функционирования электроэнергетического комплекса непосредственно зависит от действенности отраслевого механизма публичного управления. Реализация данного механизма основывается на результативности форм участия государства в управлении электроэнергетической отраслью.

В соответствии со ст. 4 Закона об электроэнергетике публичная регламентация отраслевых отношений отнесена к исключительному ведению Правительства РФ и уполномоченных им федеральных органов исполнительной власти. Несмотря на то что нормативно-правовое регулирование отношений в сфере электроэнергетического комплекса входит в компетенцию Правительства РФ, к его непосредственному ведению отнесены распорядительные полномочия. Принятие политических решений, в том числе в части международного сотрудничества и торговли в электроэнергетической отрасли, является прерогативой Президента РФ.

Система федеральных органов исполнительной власти в сфере электроэнергетической отрасли в зависимости от содержания властных полномочий включает в себя:

1) публичные органы межотраслевой компетенции (Министерство экономического развития РФ, Министерство промышленности и торговли РФ), а также органы, реализующие контрольно-надзорные полномочия (Федеральная служба по тарифам, Федеральная антимонопольная служба, Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору);

2) отраслевые публичные органы или органы отраслевой компетенции, регулирующее воздействие которых направлено исключительно на энергетический комплекс (Министерство энергетики РФ).

Правительство Российской Федерации возглавляет единую иерархическую соподчиненную систему органов исполнительной власти и реализует распорядительные полномочия в сферах промышленности, экономики, социальной политики и культуры. Оно утверждает правила оптового рынка¹, основные положения функционирования розничных рынков² и правила недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии, услугам по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике и услугам организаций коммерческой инфраструктуры, правила оказания этих услуг³.

Правительство РФ, устанавливая правовые основы функционирования оптового и розничных рынков электроэнергии, ограничивает свободу их экономической деятельности. Однако данное вмешательство обоснованно, поскольку направлено в первую очередь на недопущение нарушения баланса экономических интересов и потребностей потребителей и производителей в отношении особого, жизненно необходимого товара – электрической энергии.

¹ О Правилах оптового рынка электрической энергии (мощности) переходного периода: постановление Правительства РФ от 24 октября 2003 г. № 643 (в ред. от 21 декабря 2009 г.) // СЗ РФ. 2003. № 44. Ст. 4312.

² Об утверждении Правил функционирования розничных рынков электрической энергии в переходный период реформирования электроэнергетики: постановление Правительства РФ от 31 августа 2006 г. № 530 (в ред. от 17 октября 2009 г.) // СЗ РФ. 2006. № 37. Ст. 3876.

³ Об утверждении Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам администратора торговой системы оптового рынка и оказания этих услуг и Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям: постановление Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 861 (в ред. от 2 октября 2009 г.) // СЗ РФ. 2004. № 52. Ч. 2. Ст. 5525.

Оправданно и вмешательство Правительства РФ в сферу ценообразования¹: оно уполномочено определять условия договоров о порядке использования организацией по управлению единой национальной электрической сетью объектов электросетевого хозяйства (ОАО «ФСК ЕЭС»), принадлежащих собственникам или иным законным владельцам и входящих в единую национальную электрическую сеть².

Особую специфику имеют полномочия Правительства РФ в сфере использования возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Последние во всем мире представляют собой единственный природный и экологически безопасный источник энергии. Однако в России доля электроэнергии, полученной в результате использования ВИЭ, ничтожно мала. Среди причин этого следует назвать отсутствие как целостного комплекса нормативных правовых актов по вопросам, связанным с использованием ВИЭ на оптовом рынке, так и соответствующих документов, принимаемых рыночным сообществом.

Закон об электроэнергетике закрепляет за Правительством Российской Федерации функцию распределения полномочий в сфере публичной регламентации электроэнергетической отрасли между федеральными органами исполнительной власти. В компетенцию Минэнерго России входят полномочия в сферах прогнозирования³, привлечения инвестиций в электроэнергетику⁴, использования ВИЭ⁵.

Отдельные полномочия в области государственного регулирования цен (тарифов) и контроля за их применением выполняет Федеральная служба по тарифам (ФСТ) России⁶.

Таким образом, в Российской Федерации создана и функционирует система федеральных органов исполнительной власти, к ведению которых отнесены обеспечение публичных потребностей государства и реализация частноправовых потребностей – удовлетворение спроса потребителей на электрическую энергию, что отвечает публичному предназначению государства, с одновременным претворением в жизнь принципа обеспечения энергоэффективности и энергетической безопасности⁷.

Учитывая многочисленность государственных органов, вовлеченных в данный процесс регулирования, нельзя не отметить актуальность нормативно-правовой координации их конструктивного взаимодействия. В связи с этим особое значение приобретает необходимость постоянного соблюдения правового баланса, при котором исключается дублирование полномочий различных государственных органов.

¹ О ценообразовании в отношении электрической и тепловой энергии в Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 26 февраля 2004 г. № 109 (в ред. от 21 декабря 2009 г.) // СЗ РФ. 2004. № 9. Ст. 791.

² О существенных условиях и порядке разрешения разногласий о праве заключения договоров в отношении объектов электросетевого хозяйства, входящих в единую национальную (общероссийскую) электрическую сеть: постановление Правительства РФ от 15 июня 2009 г. № 492 // СЗ РФ. 2009. № 25. Ст. 3073.

³ Реализация данных полномочий возложена на Минэнерго России в соответствии с постановлением Правительства РФ от 28 мая 2008 г. № 400 (в ред. от 22 декабря 2009 г.) «О Министерстве энергетики Российской Федерации» (СЗ РФ. 2008. № 22. Ст. 2577).

⁴ Указанные полномочия Минэнерго России реализует с учетом Правил утверждения инвестиционных программ субъектов электроэнергетики, в уставных капиталах которых участвует государство, и сетевых организаций и Правил осуществления контроля за реализацией инвестиционных программ субъектов электроэнергетики (СЗ РФ. 2009. № 49. Ч. 2. Ст. 5978).

⁵ О порядке ведения реестра выдачи и погашения сертификатов, подтверждающих объем производства электрической энергии на квалифицированных генерирующих объектах, функционирующих на основе использования возобновляемых источников энергии: приказ Минэнерго РФ от 17 ноября 2008 г. № 187 // Бюл. нормат. актов федер. органов исполнит. власти. 2009. № 13.

⁶ Эти полномочия ФСТ России реализует в соответствии с постановлением Правительства РФ от 30 июня 2004 г. № 332 (в ред. от 8 августа 2009 г.) «Об утверждении Положения о Федеральной службе по тарифам» (СЗ РФ. 2004. № 29. Ст. 3049).

⁷ Вишнякова А. С. Федеральное управление в электроэнергетической отрасли // Административное право и процесс. 2010. № 6. С. 50–53.

Библиография

Айзенберг Н. И. Теоретические основы регулирования естественных монополий: препринт. Иркутск, 2006.

Вишнякова А. С. Федеральное управление в электроэнергетической отрасли // Административное право и процесс. 2010. № 6.

Козлов Ю. М., Овсянко Д. М., Попов Л. Л. Административное право: учеб. М., 2005.

О Министерстве энергетики Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 28 мая 2008 г. № 400 (в ред. от 22 декабря 2009 г.) // СЗ РФ. 2008. № 22. Ст. 2577.

О порядке ведения реестра выдачи и погашения сертификатов, подтверждающих объем производства электрической энергии на квалифицированных генерирующих объектах, функционирующих на основе использования возобновляемых источников энергии: приказ Минэнерго РФ от 17 ноября 2008 г. № 187 // Бюл. нормат. актов федер. органов исполнит. власти. 2009. № 13.

О Правилах оптового рынка электрической энергии (мощности) переходного периода: постановление Правительства РФ от 24 октября 2003 г. № 643 (в ред. от 21 декабря 2009 г.) // СЗ РФ. 2003. № 44. Ст. 4312.

О существенных условиях и порядке разрешения разногласий о праве заключения договоров в отношении объектов электросетевого хозяйства, входящих в единую национальную (общероссийскую) электрическую сеть: постановление Правительства РФ от 15 июня 2009 г. № 492 // СЗ РФ. 2009. № 25. Ст. 3073.

О ценообразовании в отношении электрической и тепловой энергии в Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 26 февраля 2004 г. № 109 (в ред. от 21 декабря 2009 г.) // СЗ РФ. 2004. № 9. Ст. 791.

Об инвестиционных программах субъектов электроэнергетики (вместе с Правилами утверждения инвестиционных программ субъектов электроэнергетики, Правилами осуществления контроля за реализацией инвестиционных программ субъектов электроэнергетики): постановление Правительства РФ от 1 декабря 2009 г. № 977 (ред. от 12 ноября 2016 г.) // СЗ РФ. 2009. № 49. Ч. 2. Ст. 5978.

Об утверждении Положения о Федеральной службе по тарифам: постановление Правительства РФ от 30 июня 2004 г. № 332 (в ред. от 8 августа 2009 г.) // СЗ РФ. 2004. № 29. Ст. 3049.

Об утверждении Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам администратора торговой системы оптового рынка и оказания этих услуг и Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям: постановление Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 861 (в ред. от 2 октября 2009 г.) // СЗ РФ. 2004. № 52. Ч. 2. Ст. 5525.

Об утверждении Правил функционирования розничных рынков электрической энергии в переходный период реформирования электроэнергетики: постановление Правительства РФ от 31 августа 2006 г. № 530 (в ред. от 17 октября 2009 г.) // СЗ РФ. 2006. № 37. Ст. 3876.

Черданцев А. Ф. Теория государства и права. М., 2009.

Шуплецов А. Ф., Янков Ю. П. Естественные монополии в переходной экономике: особенности регулирования. Иркутск, 2006.

Bibliography

Ajzenberg N. I. Teoreticheskie osnovy regulirovaniya estestvennykh monopolij: preprint. Irkutsk, 2006.

Cherdancev A. F. Teoriya gosudarstva i prava. M., 2009.

Kozlov Yu. M., Ovsyanko D. M., Popov L. L. Administrativnoe pravo: ucheb. M., 2005.

O cenoobrazovanii v otnoshenii ehlektricheskoy i teplovoj ehnergii v Rossijskoj Federacii: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 26 fevralya 2004 g. № 109 (v red. ot 21 dekabrya 2009 g.) // SZ RF. 2004. № 9. St. 791.

O Ministerstve ehnergetiki Rossijskoj Federacii: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 28 maya 2008 g. № 400 (v red. ot 22 dekabrya 2009 g.) // SZ RF. 2008. № 22. St. 2577.

O poryadke vedeniya reestra vydachi i pogasheniya sertifikatov, podtverzhdayushhix ob'em proizvodstva ehlektricheskoy ehnergii na kvalificirovannykh generiruyushhix ob'ektax, funkcioniruyushhix na osnove ispol'zovaniya vozobnovlyaemykh istochnikov ehnergii: prikaz Minehnergo RF ot 17 noyabrya 2008 g. № 187 // Byul. normat. aktov feder. organov ispolnit. vlasti. 2009. № 13.

О Правилах оптового рынка электрической энергии (мощности) переходного периода: постановление Правительством РФ от 24 октября 2003 г. № 643 (в ред. от 21 декабря 2009 г.) // SZ RF. 2003. № 44. Ст. 4312.

О существенных условиях и порядке разрешения разногласий о праве заключения договоров в отношении объектов электросетевого хозяйства, входящих в единую национальную (общероссийскую) электрическую сеть: постановление Правительства РФ от 15 июня 2009 г. № 492 // SZ RF. 2009. № 25. Ст. 3073.

Об инвестиционных программах субъектов электроэнергетики (вместе с Правилами утверждения инвестиционных программ субъектов электроэнергетики, Правилами осуществления контроля за реализацией инвестиционных программ субъектов электроэнергетики): постановление Правительства РФ от 1 декабря 2009 г. № 977 (ред. от 12 ноября 2016 г.) // SZ RF. 2009. № 49. Ч. 2. Ст. 5978.

Об утверждении Положения о Федеральной службе по тарифам: постановление Правительства РФ от 30 июня 2004 г. № 332 (в ред. от 8 августа 2009 г.) // SZ RF. 2004. № 29. Ст. 3049.

Об утверждении Правил функционирования розничных рынков электрической энергии в переходный период реформирования электроэнергетики: постановление Правительства РФ от 31 августа 2006 г. № 530 (в ред. от 17 октября 2009 г.) // SZ RF. 2006. № 37. Ст. 3876.

Об утверждении Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам администратора торговой системы оптового рынка и оказания этих услуг и Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям: постановление Правительства РФ от 27 декабря 2004 г. № 861 (в ред. от 2 октября 2009 г.) // SZ RF. 2004. № 52. Ч. 2. Ст. 5525.

Shuplev A. F., Yankov Yu. P. Estestvennye monopolii v perexodnoj ehknomike: osobennosti regulirovaniya. Irkutsk, 2006.

Vishnyakova A. S. Federal'noe upravlenie v ehlektroehnergeticheskoy otrasli // Administrativnoe pravo i process. 2010. № 6.

О ПРОБЛЕМАХ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ ПРОКУРАТУР ПЕРВИЧНОГО ЗВЕНА ПРОКУРОРСКОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ергашев Евгений Рашидович

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой прокурорской деятельности
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: ergashever@mail.ru

Исследуются проблемы организации работы в прокуратурах первичного звена прокурорской системы, связанные с распределением полномочий между прокурорскими работниками, планированием их работы и оценкой ее результатов, контролем за исполнением поручений руководства и информационно-аналитическим обеспечением прокуратур.

Ключевые слова: прокуратура первичного звена, распределение поручений, планирование, отчетность

ON THE ISSUES OF WORK ORGANIZATION OF PRIMARY CARE PROSECUTORS' OFFICES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Ergashev Evgeniy

Ural State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: ergashever@mail.ru

The authors reflects on a number of issues of work organization of primary care prosecutors' offices concerning the division of competencies between prosecutors, planning of their work and assessment of its results, monitoring the execution of management requests as well as the informational and analytical support of procurators' offices.

Key words: primary care prosecutors' offices, division of competencies, planning, reporting

Организация работы прокуратуры первичного звена прокурорской системы далека от совершенства. Это обусловлено, с одной стороны, незнанием основ организации работы и управления в органах прокуратуры как руководителями указанных прокуратур, так и подчиненными им прокурорскими работниками и отсутствием у них необходимого опыта; с другой – пренебрежительным отношением прокуроров к названным вопросам, их неоправданное отнесение к малозначимым, не оказывающим существенного влияния на качество прокурорской деятельности. Наличие данных проблем в прокуратурах низового звена прокурорской системы непосредственно связано также с низким качеством учебных программ в высших учебных заведениях юридического профиля. В подавляющем большинстве юридических вузов Российской Федерации не предусмотрена специальная учебная дисциплина «Организация работы в органах прокуратуры Российской Федерации».

Анализ современного состояния организации работы в рассматриваемых прокуратурах позволяет выявить ряд проблем, касающихся распределения поручений между подчиненными сотрудниками; учетно-аналитической работы; планирования; контроля и проверки исполнения требований руководства; адекватной оценки работы прокуратур.

Одним из стержневых аспектов организации работы в прокуратурах нижнего звена является распределение поручений между прокурорскими работниками. Оно должно проводиться руководителем прокуратуры вдумчиво и объективно. Как правило, за каждым сотрудником прокуратуры распоряжением прокурора закрепляется определенный круг обязанностей, которые следует излагать ясно и недвусмысленно. Вся работа (поручение заданий, проверка обращений, аналитическая работа, планирование и т. д.) прокурорского работника должна строиться в полном соответствии с его обязанностями. Поручения ему должен давать непосредственно прокурор-руководитель прокуратуры, как правило, в письменной форме, посредством резолюций, наложенных на документы (обращение, задание, поручение и т. д.). «Именно... прокурор, изучив... документы, решает вопрос о передаче их для исполнения конкретному оперативному работнику. При этом прокурор в своей резолюции должен указать ответственное за исполнение лицо и срок исполнения...»¹

Как показывает практика, в настоящее время данное требование часто не исполняется. Многие прокуроры нижнего звена прокурорской системы не вникают в сущность вопросов, затронутых в поступившей корреспонденции, делегируют полномочия по распределению поручений своим заместителям. Последние, получив задания прокурора, перепоручают их выполнение подчиненным им оперативным сотрудникам, обычно «сваливая» на них весь объем работы. Подобная практика снижает эффективность деятельности как прокуратуры в целом, так и каждого ее сотрудника. Перепоручая проверку фактов нарушений законов своим заместителям, руководители прокуратур фактически устраняются от анализа состояния законности на обслуживаемой территории. Рядовые же прокуроры, получив дополнительную избыточную нагрузку от заместителей прокурора, некачественно и несвоевременно разрешают факты нарушений законности. В итоге подобная практика организации работы прокуратур негативно сказывается на состоянии законности на поднадзорной территории, а потому недопустима.

Немаловажная проблема организации работы в прокуратурах города, района и приравненных к ним специализированных прокуратурах связана также с их информационно-аналитическим обеспечением и статистической отчетностью. Прокуроры городского и районного звена должны понимать, что задача информационно-аналитического обеспечения органов прокуратуры – одна из приоритетных государственных задач, от качества выполнения которой зависит не только эффективность деятельности системы прокуратуры, но и политическая, социальная и экономическая стабильность общества и государства². Ведь именно прокурорская отчетность служит важнейшим источником информации о правонарушениях в нашей стране³.

Учитывая сложившуюся ситуацию, опытные прокуроры городов и районов при назначении на должность и принятии соответствующей прокуратуры вынуждены максимально снижать информационно-аналитические показатели работы прокуратуры, отраженные в статистической отчетности за первый год. Они прекрасно понимают, что в момент принятия прокуратуры не несут ответственности за низкие информационно-аналитические данные. В последующие отчетные периоды они, не прилагая особых усилий, составляют отчеты так, чтобы указанные ранее показатели работы по сравнению с предыдущими незначительно улучшались. Постоянное незначительное увеличение основных информационно-аналитических показателей, отраженных в статистической

¹ Материалы семинаров по обмену опытом организации работы прокуратур городов и районов. М., 2008. Вып. 3. С. 28.

² Амирбеков К. И., Андреев В. Б., Воронцов А. А., Жигонский П. Э. Информационно-аналитическая деятельность прокуратуры города (района): метод. пособие. М., 2013. С. 7.

³ Настольная книга прокурора / под ред. В. Г. Кехлерова, С. С. Капинус. М., 2012. С. 88.

отчетности прокуратуры, свидетельствует о позитивной тенденции в обеспечении законности на обслуживаемой прокуратурой территории. Такое положение вещей дает прокурору возможность спокойно и стабильно работать.

Значительная активизация прокуратурой деятельности по борьбе с нарушениями закона невыгодна, так как влечет за собой ощутимый рост показателей этой работы, что обуславливает в следующем отчетном периоде необходимость их превысить. При этом каждый руководитель прокуратуры понимает, что вне зависимости от состояния законности на обслуживаемой территории невозможно постоянно наращивать показатели работы, поскольку есть пределы интенсивности труда каждого работника. Превышение нагрузки на сотрудника создает невыносимые условия работы. Снижение же показателей приведет к отрицательной оценке деятельности прокуратуры и повлечет негативные последствия для сотрудников прокуратуры и для ее руководителя как в материальном (приказы о лишения премий и т. д.), так и моральном (обсуждение на коллегиях, включение как негативный пример в обобщения и т. д.) плане.

Отсюда можно сделать вывод о необходимости кардинального изменения методов оценки информационно-аналитической работы прокуратуры. Представляется, что критериями этой оценки должны быть как количественные показатели (статистическая отчетность), так и объективные данные, полученные путем опроса жителей, мониторинга СМИ и т. д. и свидетельствующие о состоянии законности на обслуживаемой территории, а также своевременность и качество принимаемых прокуратурой мер, направленных на обеспечение исполнения закона. При этом необходимо учитывать, что эффективность деятельности органов прокуратуры обусловлена множеством факторов политического, социального и экономического характера. Обеспечение законности является функцией государства, влияние правоохранительных органов (в том числе органов прокуратуры РФ) на состояние законности ограничено.

Органы прокуратуры РФ не могут обеспечивать законность, не проявляя активности. Активность, или наступательный характер деятельности прокуратуры, предполагает принятие своевременных мер по выявлению и устранению нарушений законности, их опережению. При этом большое значение имеет умение руководителя прокуратуры собрать, проанализировать и обобщить информацию о состоянии законности на обслуживаемой территории. Немалую роль играет и его умение сделать объективные выводы, выявить наиболее уязвимые в состоянии законности участки, определить направления прокурорской деятельности, требующие повышенного внимания. При этом при оценке состояния законности следует опираться на статистическую информацию правоохранительных органов города, района за несколько отчетных периодов.

Активная, наступательная деятельность прокуратуры требует надлежащей организации работы, профессионального мастерства работников. Кроме того, она является психологическим фактором, позитивно влияющим на подчиненных прокуроров при оценке ими результатов своей работы. Однако, как показывает практика, отдельные прокуратуры первичного звена прокурорской системы действуют пассивно, лишь обрабатывая информацию по уже выявленным нарушениям законности, не выполняют своих прямых обязанностей, не оказывают необходимого влияния на состояние законности.

Еще одну проблему организации работы рассматриваемых прокуратур представляет собой отказ значительной части прокуроров от использования индивидуального оперативного планирования, важной составляющей которого является план-график. В прокуратурах низшего звена прокурорской системы индивидуальное планирование должно осуществляться по единому образцу. Наличие плана-графика дает возможность каждому прокурорскому работнику тщательно планировать свою ежедневную работу на опреде-

ленный период (месяц) путем детального фиксирования всех предстоящих мероприятий (проверочные действия по обращениям, участие в рассмотрении судами дел, проведение плановых проверок поднадзорных объектов и т. д.). Благодаря планированию руководитель прокуратуры, прокурор города, района может контролировать нагрузку на каждого подчиненного, рационально распределяя объем работы между прокурорами с учетом их индивидуальных возможностей и профессионального потенциала, и отслеживать реальное исполнение своих поручений. Контроль и проверка исполнения воспитывают в подчиненных требовательность к себе, дисциплинированность и ответственность за порученное дело¹.

Распространенной проблемой организации работы прокуратур первичного звена прокурорской системы является отсутствие единообразия в оценке результатов деятельности их сотрудников. Показатели, характеризующие достижения (результаты) работы прокуратур и прокурорских работников, могут трактоваться руководством двояко. Например, увеличение количества выявленных нарушений закона на обслуживаемой территории можно назвать как положительным явлением (повышение активности работы прокуратуры, направленной на обеспечение законности), так и отрицательным (непринятие прокуратурой своевременных мер по недопущению роста числа нарушений закона). Подобная практика неприемлема, так как приводит к непониманию и искажению целей и задач, стоящих перед каждым прокурором, препятствует его активности и работоспособности.

Важную роль в управленческой деятельности любого руководителя играет умение грамотно приказывать, отдавать распоряжения, не содержащие двусмысленные, образные выражения, метафоры. Все неясные и сложные моменты следует подробно обсуждать с сотрудниками на этапе постановки задачи². Однако нередко руководители прокуратуры предъявляют неконкретизированные требования к подчиненным. Например, в ответ на просьбу работника разрешить ту либо иную юридическую проблему руководитель прокуратуры может ответить так: «Я не знаю, как это делать и как ты будешь это делать, но если я обнаружу твою некомпетентность или игнорирование моих требований, то ты будешь наказан». Подобная практика недопустима, порождает неуверенность в правильности принимаемого прокурором решения, подрывает веру в себя и в компетентность прокурора, а также способствует «прогибанию» перед «всесильным» начальником.

Предъявляя свои требования, руководитель в то же время должен быть предсказуем для подчиненных. При принятии организационных решений он обязан придерживаться определенных правил, известных сотрудникам. Недопустимы «шараханья» из стороны в сторону при принятии решений, принятие поспешных, необдуманных решений, их быстрая отмена или изменение. Если требования прокурора непонятны, он обязан разъяснить подчиненному их содержание и обосновать их. Это будет способствовать безукоризненному исполнению подчиненным поручений руководителя и повысит авторитет последнего.

Эффективность работы прокуратур опосредована как психологической характеристикой самого руководителя, так и типом его руководства. Многие проблемы связаны с неумением руководителя правильно выстроить отношения с сотрудниками³. Перед тем как

¹ Журбин Р. В., Курышов И. С. Практика реализации управленческих решений в сфере планирования работы прокуратур субъектов Российской Федерации // Научное обеспечение деятельности органов прокуратуры в 2012 году: сб. докл. М., 2013. С. 99.

² Кроз М. В. Психологические аспекты деятельности руководителя по управлению прокурорским коллективом // Работа с кадрами в органах прокуратуры Российской Федерации: сб. материалов. М., 2011. С. 168.

³ Кроз М. В. Указ. соч. С. 168.

решать вопросы организации работы в конкретной прокуратуре, ее руководителю-прокурору необходимо тщательно проанализировать черты своего характера, выяснить, какого типа руководства он будет придерживаться: авторитарного (склонность к принятию властно-волевых решений и слабая зависимость при их принятии от коллектива) или конструктивного (готовность взаимодействовать с коллективом, принимать решения, основанные на учете мнения иных работников прокуратуры, способность к децентрализации). И тот и другой тип руководства имеют право на существование. В первом случае прокуроры «продавливают» свое решение, требуя от подчиненных его безукоризненного исполнения. Во втором случае прокурор, учитывая мнения или суждения иных оперативных работников, убеждает их в правильности своего решения. Как представляется, наименее затратным является второй тип руководства.

Библиография

Амирбеков К. И., Андреев В. Б., Воронцов А. А., Жигонский П. Э. Информационно-аналитическая деятельность прокуратуры города (района): метод. пособие. М., 2013.

Журбин Р. В., Курышов И. С. Практика реализации управленческих решений в сфере планирования работы прокуратур субъектов Российской Федерации // Научное обеспечение деятельности органов прокуратуры в 2012 году: сб. докл. М., 2013.

Кроз М. В. Психологические аспекты деятельности руководителя по управлению прокурорским коллективом // Работа с кадрами в органах прокуратуры Российской Федерации: сб. материалов. М., 2011.

Материалы семинаров по обмену опытом организации работы прокуратур городов и районов. М., 2008. Вып. 3.

Настольная книга прокурора / под ред. В. Г. Кехлерова, С. С. Капинус. М., 2012.

Bibliography

Amirbekov K. I., Andreev V. B., Voroncov A. A., Zhigonskiy P. Eh. Informacionno-analiticheskaya deyatel'nost' prokuratury goroda (rajona): metod. posobie. M., 2013.

Kroz M. V. Psixologicheskie aspekty deyatel'nosti rukovoditelya po upravleniyu prokurorskim kollektivom // Rabota s kadrami v organax prokuratury Rossijskoj Federacii: sb. materialov. M., 2011.

Materialy seminarov po obmenu opytom organizacii raboty prokuratur gorodov i rajonov. M., 2008. Vyp. 3. Nastol'naya kniga prokurora / pod red. V. G. Kexlerova, S. S. Kapinus. M., 2012.

Zhurbin R. V., Kuryshov I. S. Praktika realizacii upravlencheskix reshenij v sfere planirovaniya raboty prokuratur sub'ektov Rossijskoj Federacii // Nauchnoe obespechenie deyatel'nosti organov prokuratury v 2012 godu: sb. dokl. M., 2013.

РАЗВИТИЕ ДЕОНТОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ЮРИСТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВУЗА

Левитан Константин Михайлович

Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор педагогических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского, иностранных языков и культуры речи
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: inyaz@usla.ru

С позиций этической педагогики рассматривается проблема развития деонтологической компетентности юристов в образовательном пространстве вуза. Анализируются актуальные вопросы нравственного воспитания, влияния на него социокультурного контекста, особенности авторитарной и гуманистической этики, основные этические ценности и нормы, а также факторы повышения эффективности деонтологической подготовки юристов в вузе.

Ключевые слова: деонтологическая компетентность юриста, нравственное воспитание, авторитарная и гуманистическая этика, этические ценности и нормы, этическая педагогика, образовательное пространство вуза

THE DEVELOPMENT OF THE LAWYERS' DEONTOLOGICAL COMPETENCE IN A HIGHER LEARNING INSTITUTION

Levitan Konstantin

Ural State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: inyaz@usla.ru

From the position of the ethical pedagogics the author considers the topical problem of developing the lawyers' deontological competence in the educational environment of a higher learning institution. Vital questions of the moral education, influence of the sociocultural context on it, peculiarities of authoritarian and humanistic ethics, basic ethical values and norms, factors fostering the lawyers' deontological competence are analyzed in detail.

Key words: lawyers' deontological competence, moral education, authoritarian and humanistic ethics, ethical values and norms, ethical pedagogics, educational environment of a higher learning institution

Демократия – это когда два волка и ягненок
голосуют насчет обеденного меню.

Свобода – это когда хорошо вооруженный ягненок
оспаривает результат такого голосования

Б. Франклин

Ненависть не может исчезнуть,
пока отсутствует равенство и справедливость

Э. Фромм

Введение

Юридическое образование в нашей стране долгое время отождествлялось с профессиональным обучением, повышению эффективности которого традиционно уделяют особое внимание теория и методика профессионального образования. При этом наука и прак-

тика недостаточно занимаются вопросами воспитания будущих юристов (управление потребностями, формирование способностей и духовно-нравственных ценностей личности).

Большинство преподавателей юридических вузов, возможно, и не осознавая этого, не выполняют свой профессиональный долг по обеспечению полноценного процесса юридического образования как *единства обучения, воспитания и развития профессиональной личности юриста*. Между тем анализ научных исследований и юридической практики подтверждает, что успешная профессиональная деятельность юриста требует высокого уровня компетентности в вопросах соблюдения не только правовых, но и этических, нравственных норм поведения. Данную проблему актуализируют социально-педагогические и научно-педагогические противоречия между возрастающими требованиями к качеству профессионального образования юристов и недостаточным уровнем деонтологической компетентности современных выпускников юридических вузов, которая выступает центральным компонентом профессиональной подготовки юристов.

Так, А. А. Васильев констатирует, что в дореволюционной России в целом наблюдался низкий уровень преступности, «обусловленный не столько эффективностью закона и деятельностью полиции, сколько высоким уровнем нравственного развития и господством традиционных ценностей... Совершенно иначе складывается ситуация в постсоветской России, когда опора на один закон, отсутствие должной системы воспитания в условиях духовного кризиса обернулись катастрофическим ростом преступности и полуанархическим состоянием российского общества. Очевидно, что неправомерное поведение обусловлено не низким качеством закона и недостаточным полицейским контролем, а нравственной и духовной девальвацией традиционных ценностей и потерей образа идеальной личности, получившей соответствующее воспитание»¹.

Основные понятия и категории

Не вызывает сомнений актуальность *деонтологической подготовки* юристов, под которой понимаются целенаправленное и управляемое формирование и развитие *деонтологической компетентности* субъекта как интегральной характеристики, определяющей его личностную способность и готовность к успешному выполнению юридической деятельности на основе соблюдения всех норм профессионального поведения.

Должное поведение выражается прежде всего в том, что профессионал выполняет свои обязанности оптимальным для данной ситуации образом, а не сугубо формально. По замечанию В. С. Соловьева, *истинная добродетель есть должное отношение ко всему*.

Профессиональная деятельность юристов в силу своей большой социальной значимости всегда находилась под пристальным вниманием общества, что привело к появлению в XIX в. полицейской деонтологии. Общество оценивает профессиональную деятельность юристов прежде всего по законам нравственности. Отсюда следует норма-требование – выполнять свой *профессиональный долг* честно, добросовестно, ответственно, нравственно, этично.

¹ Васильев А. А. Социальная ценность и актуальность российской консервативной правовой идеологии // Рос. юрид. журн. 2016. № 2. С. 19–20. См. также: Горбатова М. К. Высшее юридическое образование в современной России: теоретико-правовые аспекты развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007; Левитан К. М. О деонтологической подготовке юристов // Юрид. педагогика. М., 2016. С. 270–284. Павленин В. С. Психолого-педагогические факторы проявления агрессивности в профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2004; Соколов В. П. Анализ социокультурной ситуации в России как компонент теоретико-педагогического исследования деонтологической подготовки юристов // Казанский пед. журн. 2007. № 1; Третьякова Н. Н. Психолого-педагогические технологии преодоления профессиональных деформаций субъектов правоохранительной деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2006.

Юридическая деонтология как раздел профессиональной этики юриста исследует проблемы профессионального долга, долженствования и должного поведения в разных системах отношений: «юрист – объект его профессиональной деятельности»; «юрист – общество, государство, право, закон»; «юрист – его референтная группа»; «юрист – другие граждане как носители общественного мнения»; «юрист – его отношение к самому себе». Юридическая деонтология представляет собой обобщенную систему знаний о практической юридической деятельности и нормативных требованиях к профессиональному поведению юристов, что способствует развитию культуры профессиональной коммуникации и становлению профессиональной идентичности. Она помогает снять неопределенность в системе социальных ожиданий, противоречивость норм, обуславливающих эти ожидания и требования к субъектам профессиональной деятельности, выступающие в качестве основных источников девиантного поведения.

Юридическая деонтология призвана исследовать и разъяснять значение тех или иных действий, мотивов, качеств личности юриста, содействуя формированию необходимых для данной профессии нравственных черт и предотвращая их деформацию в результате длительного рутинного выполнения специфических профессиональных функций. К числу основных задач юридической деонтологии также относятся: 1) изучение норм профессионального поведения юридических работников различных специальностей и создание соответствующих кодексов профессионального поведения; 2) устранение неблагоприятных факторов, управление конфликтными ситуациями в юридической деятельности на основе усвоенных норм профессиональной этики юриста; 3) предотвращение формального приложения знаний при осуществлении юридической деятельности, ее гуманизация; 4) стимулирование и активизация осознания юристами профессионального долга и деонтологического аспекта своей профессиональной деятельности.

Среди требований к результатам освоения основных образовательных программ бакалавриата, магистратуры и аспирантуры ФГОС ВПО по направлению «Юриспруденция» указано, что выпускник должен обладать такими деонтологическими компетенциями, как осознание социальной значимости своей будущей профессии; уважительное отношение к праву и закону; обладание достаточным уровнем профессионального самосознания; проявление нетерпимости к коррупционному поведению; способность добросовестно исполнять профессиональные обязанности, соблюдать принципы этики юриста; способность совершенствоваться и развивать свой интеллектуальный и общекультурный уровень; способность эффективно осуществлять правовое воспитание.

Главное нравственное требование общества к юристам – точно соответствовать социальным ожиданиям и своему предназначению. Основным критерием оценки деятельности юристов является степень соответствия их профессионального поведения и деятельности тому образу идеального профессионала, который сформировался в сознании населения.

Нравственность, по Канту, не входит в сферу знания. Она образует сферу ценностей. Тот, кто выучил все законы, еще не стал их поборником. В нем еще нужно пробудить *нравственное чувство*. Воспитание нравственных чувств (*чувство долга, честность, справедливость, совесть, достоинство*) играет основополагающую роль в профессиональном развитии личности юриста.

Социальные нормы, закрепленные в профессиональных кодексах, вырабатываются с учетом интересов конкретных профессиональных групп и представлений граждан о должном, т. е. допустимом, возможном, одобряемом, желательном или о неприемлемом, неодобряемом, нежелательном в профессиональном поведении. *Нравственные нормы* несут в себе часть общечеловеческого опыта, признанные всеми социальные идеалы. Иде-

ал – это высший образец, к которому каждый человек должен стремиться¹. *Норма* представляет собой своеобразный предел, ниже которого человек не имеет права опускаться. Культурно ущербный, а следовательно, профессионально некомпетентный юрист, педагог не менее опасны, чем потенциальный преступник.

Важнейшее условие достоинства человека – его *свобода*. Многие философы рассматривают свободу как сознательное следование долгу, отражающему необходимость всего происходящего. Как утверждал Сенека, идущего судьба ведет, а упирающегося волочит крючьями. В этом утверждении прослеживается мысль о том, что этическая норма свободы реализуется через должное поведение, требующее усилия над собой, а не через спонтанное желание быть свободным.

Нормы играют роль нормативно-ориентирующего социального института, только если они восприняты, усвоены, приобрели императивный характер и вошли в профессиональную деятельность как руководящее начало, правило, образец. Правовые нормы предъявляют требования к личности без учета ее субъективного отношения к ним, а мораль предполагает добровольное и сознательное принятие нравственных требований, осознание их необходимости, что в известной степени обеспечивает и правовое поведение.

Таким образом, моральные нормы и нравственные чувства как компоненты индивидуального *нравственного сознания* юриста выражают требования должного поведения, во многом определяя его профессиональную деятельность и моральную преемственность.

Социокультурный контекст нравственного воспитания

А. Ф. Кони, по праву считающийся основателем судебной этики, посвятил этическим началам правосудия специальную работу, в которой, в частности, отмечал, что судья должен осуществлять свои функции «со спокойным достоинством исполняемого долга, без пафоса негодования и преследования какой-либо иной цели, кроме правосудия»². Ученый видел нравственную сторону в деятельности не только судьи, но и прокурора и адвоката, чьим нравственным долгом он называл прежде всего уважение человеческого достоинства и справедливое отношение к человеку. Необходимость преподавания судебной этики, писал он, ощущалась многими из тех, «кто вступил в практическую жизнь на заре великих реформ», «кто имел незабываемое счастье участвовать в первых годах деятельности нашего нового суда»³. По выражению А. Ф. Кони, «университет должен напитать своих питомцев здоровым, чистым и укрепляющим молоком общих руководящих начал», чтобы они могли войти с ними в жизнь, как с верным компасом, и избежать «обычных низменных соблазнов: нажива, карьера, самодовольство удовлетворенного самолюбия, тоска неудовлетворенного тщеславия и т. п.»⁴.

Каждая эпоха, как известно, творит свои мифы и ценности, от которых зависят нравственное состояние общества и воспитание человека, его представления, взгляды. Эпоха великих реформ, в которую жили А. Ф. Кони и его знаменитые современники (В. С. Соловьев, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой), способствовала гуманизации и этизации общества и системы образования.

Нашу жизнедеятельность, как полагал Э. Фромм, определяют доминантные этические ценности. Современному капиталистическому обществу присуща *авторитарная*

¹ «Идеальных обществ не может быть, но это не значит, что я не могу быть идеальным», – такое примечательное признание сделал русский философ и писатель А. А. Зиновьев, эмигрировавший в 1978 г. в ФРГ. С конца 1980-х гг. он начал отвергать основные ценности западного общества и защищать советскую систему.

² Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (Общие черты судебной этики) // Кони А. Ф. Собр. соч.: в 8 т. М., 1967. Т. 4. С. 62.

³ Там же.

⁴ Там же.

этика, которая ориентирует подавляющее большинство людей на чужие авторитет и мнение. В противоположность ей гуманистическая этика, по мнению Э. Фромма, основана на любви к жизни, к другому человеку, который свободен в своем выборе, поступках, сам вырабатывает нравственные требования к себе и контролирует их выполнение¹. В отличие от авторитарной этики гуманистическую этику нельзя навязать; она формируется только в процессе обсуждения основополагающих смысложизненных вопросов: что есть добро и зло, какие цели мы преследуем?

С точки зрения деонтологии профессиональный долг юриста-педагога состоит в обеспечении понимания свободы разумного выбора предпочтений как на уровне интенции, так и на уровне действия, многократного упражнения в проявлении позиций человека разумного, свободного, творческого, любящего.

Успешное построение капитализма в развитых западных странах, как отмечал Э. Фромм, связано прежде всего с протестантской этикой, благодаря которой «человек вместо подчинения открытой власти создал в себе внутреннюю власть – совесть или долг, – которая управляет им так эффективно, как никогда бы не смогла ни одна внешняя власть»². Воспитание, по Э. Фромму, состоит в подготовке индивидуума к выполнению тех функций, которые на него возложит общество. Оно должно развить те черты характера, которые будут востребованы в меняющихся социально-экономических условиях (например, сегодня вместо таких добродетелей представителей среднего класса, как бережливость, осторожность, недоверчивость, следует формировать совершенно новые качества: инициативность, предприимчивость, лидерство, способность пойти на риск, агрессивность и т. д.)³.

Воспитатели должны демонстрировать своим воспитанникам особенности социального характера общества: молодые люди впитывают все, что можно назвать духовно-нравственной атмосферой общества. Вместе с тем воспитателям всегда нужно учитывать, что существуют еще и неотъемлемые психологические свойства человека, главное из которых – стремление к внутреннему росту, желание реализовать свои способности. Их появление было обусловлено развитием в адекватной образовательной среде природных задатков, например к творческому и критическому мышлению, «тонким» эмоциональным переживаниям.

Глобальное стремление к росту как психологический эквивалент биологического явления чаще всего воплощается в стремлении человека к свободе и неприятию подчинения, так как свобода есть одно из важнейших условий любого роста. Стремление к свободе может быть подавлено, но и в этом случае оно не исчезает, а всего лишь приобретает новую потенциальную форму, заявляя о себе ненавистью или неприятием такого подавления на уровне подсознания⁴.

Противоречивость педагогики, основанной на авторитарной этике вузовских педагогов и юристов-наставников, порождает педагогическое отчуждение обучающихся, которое отдаляет их от возможных успехов, усиливает их враждебность и даже агрессию. «Педагогическое отчуждение – это нарастание у развивающейся личности студента чувства и осознания чуждости педагогического процесса, его неприятия, которое происходит в неблагоприятной для него жизненной ситуации, сложившейся в результате педагогической некомпетентности»⁵. Не здесь ли кроются причины бесконечных жалоб пре-

¹ Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. Минск, 2000.

² Там же. С. 348–349.

³ Там же. С. 349–350.

⁴ Там же. С. 353.

⁵ Дудина М. Н. Теоретико-методологические основы и практика этической педагогики: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Екатеринбург, 1998. С. 24. Ее же. Педагогика: долгий путь к гуманистической этике. Екатеринбург, 1998.

подавателей на низкую учебную мотивацию части студентов, невысокую успеваемость, пропуски практических занятий и лекций, недисциплинированность и т. п.?

Большинство педагогов, юристов (и не только старшего поколения) придерживаются авторитарной этики, не приемлют идеи свободного воспитания, гуманистической этики. Однако происходящий сейчас в России капиталистический ренессанс все чаще заставляет делать каждого именно моральный выбор, давать этическую оценку текущим событиям и прошлому, задумываться о моральных последствиях собственных действий и поведения своих воспитанников.

Об этой ситуации пишет Ю. Поляков в статье «Им не стыдно!». Он анализирует поведение так называемой золотой молодежи, уверенной в том, что им можно все, поскольку папины деньги и связи всегда придут на помощь. Автор утверждает: к этим богатым людям вернулись те самые классовая спесь и безответственность, с которыми боролась вся наша литература и передовая мораль. Схватка за собственность в «лихие 90-е», по его мнению, была изначально аморальна и незаконна. Появилась новая «этическая норма» эпохи первоначального накопления капитала: «Украсть не стыдно, а спросить, откуда столько денег, неприлично!». Дети нуворишей с младых ногтей знают, что «суд – это порой место, где ты можешь купить себе столько закона, на сколько у тебя хватит денег. Им же не объяснили, что стать богаче – не значит стать лучше. Деньги забирают человека целиком, а на духовный, профессиональный рост ресурса не остается»¹.

Весьма показательна в этом отношении и статья А. Архангельского с красноречивым названием «Дырка от этики. Что не так с российской системой ценностей». Передадим ее суть в нескольких тезисах.

1. Происходящее сейчас в России можно в целом назвать моральной катастрофой. Массовое расчеловечивание – трагический урок современности, но он необходим, чтобы понять, что царит в наших головах, сколько в них предрассудков и фобий, разрушения и ненависти – прежде всего к самим себе.

2. Вечная болезнь новой России – юридизм, попытки решить моральные конфликты с помощью запретов и ограничений. Но морали нельзя научить, ей можно только научиться. Любой юридический контроль за сферой этики оборачивается крахом и порождает законодательное безумие. Зато гуманистическая этика экономит массу сил государства: чтобы сказать «нельзя», этике не нужен гигантский аппарат принуждения.

3. Сегодня заповеди существуют отдельно, а жизнь – отдельно (в точности повторяя ситуацию советского двоемыслия). В 1990-х гг. авторитарная этика рухнула вместе со страной, возникли этики переходного типа (криминальная, региональная, корпоративная), которые объединяет негативность как генеральный принцип (неприятие чужих, протекция своих).

4. Ценностный кризис 1990-х гг. у нас был воспринят как конец этики, как сознательный отказ от гуманизма. Это привело к появлению своеобразной антиэтики, один из подвидов которой – «этика Сталина». Люди говорят: «Назад к Сталину!», «При Сталине был порядок», «Сталин бы разобрался», – только потому, что у них самих в голове беспорядок, отсутствие гуманистических ценностных ориентиров. Никаких других способов разобраться, кроме как «поставить к стенке», они не знают. Это и есть отголоски авторитарной этики, замены которой не появилось.

5. Нужно решить, где главная угроза – внутри нас или снаружи, и принять необходимость работать в первую очередь со злом в себе, а не в других. Гуманистическая этика рассматривается теперь как инструмент, а не как постулат, это прежде всего диалог, коммуникация, она предполагает проговаривание проблем и понимается как реализация желания быть².

¹ Аргументы и факты. 2016. 1–7 июня.

² URL: <http://carnegie.ru/publications/?fa=63999>.

Формирование новых ценностных ориентиров – это процесс длительный, на него влияет и текущее социально-экономическое положение в стране, и политика правительства, особенно в сфере культуры, образования, и готовность субъектов к самоизменению. Преодоление нынешнего духовно-нравственного кризиса в обществе связывается с обращением к национально-культурным традициям России, поиском синтеза принципа *добра* с принципом *свободы*, совершенствованием российской жизни и ее построением на началах *справедливости, солидарности, народовластия*¹.

Мы полностью разделяем позицию Г. А. Чупиной, которая утверждает, что человеческая жизнь есть устремленность к самореализации, к полноте и целостности бытия, а сам человек предстает как ее созидатель. Смысл жизни усматривается в том, что он есть *актуальная значимость*, т. е. такая ценность, которая включена в человеческую жизнедеятельность, в проживаемый «здесь» и «сейчас» момент его жизни в качестве своего рода активатора и регулятора. Смыслы множественны и изменчивы; в их динамике прослеживается некая линия жизни человека. Автор выделяет три типа жизненных смыслов: 1) *витальные*: жизнь – смерть, Я-не-Я, Мы – Они, Я – Другой; 2) *социетальные*: богатство – власть – слава, свобода – справедливость – солидарность; 3) *идеальные*: истина – добро – красота, вера – надежда – любовь. Совершая смысловой выбор, человек отвечает своей жизнью на фундаментальные вопросы бытия: кто я, какой я, зачем я, какова смысловая доминанта моего бытия на каждом из этапов жизни, в какой мере я реализовал заложенные в меня природой и культурой жизненные силы, потенциал бытия?

Мотивационно-смысловой механизм человеческого поведения – сложное образование, где действуют осознаваемые и неосознаваемые, рациональные и иррациональные структуры и импульсы; он формируется на пересечении опыта повседневности и опыта культуры. Можно ли его как-то направлять, корректировать? Какова при этом роль семьи, социальной системы образования и воспитания? На наш взгляд, мотивационно-смысловой механизм человеческого поведения не только можно, но и нужно своевременно направлять и корректировать всем воспитателям и родителям на основе принципов и методов этической педагогики. Естественно, что развитие деонтологической компетентности воспитанников, которая снимает противоречия между «хочу», «могу» и «должен», требует перехода от авторитарной педагогики к этической в любом образовательном пространстве (семьи, учебного заведения, общества в целом).

Этическая педагогика как адекватная парадигма развития деонтологической компетентности юристов в вузе

Все изложенное подтверждает актуальность гуманизации и демократизации высшего профессионального образования, в том числе юридического. Этическая педагогика предлагает такие модели и технологии, которые позволяют массовой педагогической практике разрешить проблемы гуманизации и демократизации – освоить новые нормы и способы педагогической деятельности в высшей школе. Несмотря на все трудности освоения этической педагогики, можно с уверенностью утверждать, что ей принадлежит будущее. Складывающиеся социокультурные предпосылки свидетельствуют о том, что она необходима для благополучного развития отдельной личности и общества в целом, так как сегодня востребованы такие качества человека, как достоинство, самоактуализация, свободоспособность, креативность, идентичность, доброта, любовь, справедливость, честность, толерантность. Именно эти качества помогают педагогам и студентам достичь понимания и разрешить проблему выбора между добром и злом, осознать адекватность цели и средств ее достижения, быть свободным и ответственным.

¹ На пороге XXI века. Актуальные проблемы современной России: сб. ст. / под ред. Г. А. Чупиной. Екатеринбург, 2012. С. 5–23.

Этическая педагогика базируется на экзистенциальном толковании гуманизма, принимающего человека как индивидуальность, подлинно свободное существо, идентичное себе, наполняющее содержанием понятие «человеческое измерение». В основе этической педагогики лежит гуманистическая этика субъект-субъектного взаимодействия всех участников образовательного процесса, личностно-центрированное обучение и воспитание, создающие условия для полноценной самоактуализации личности, ее разнообразной деятельности и самостоятельной выработки духовно-этических ценностей. Самостоятельное обретение человеком духовности, нравственности в процессе воспитания и обучения создает предпосылки для его более успешного противостояния разрушительным силам зла («террору среды») и созидания добра¹.

Для понимания собственных функций в парадигме этической педагогики преподавателю необходимо усвоить основные профессиональные дефиниции.

Педагогический процесс в вузе – специально (технологично) организованный образовательный процесс, включающий в себя воспитание, обучение, развитие. В педагогических взаимодействиях должны равнозначно реализоваться технологии воспитания, обучения и развития, укрепляться гармоничная внутренняя структура субъекта: индивид («био») – личность («социо») – человек («дух»).

Студент – субъект образования, осознающий свои действия и взаимодействия. Образование как процесс – изменение внутреннего образа человека в ходе осознания собственных действий до и после их свершения.

Результаты образовательного процесса – непрерывные приращения в потребностях (через цели), во внутренних нормах (через содержание), в способностях (через методы) обучающихся, которые обеспечиваются в модульной системе образования с помощью технологии усвоения репродуктивного и производства продуктивного знания и моделей гармонизации состояния сознания. На индивидуальный результат обучения каждого студента влияют не только аудиторные взаимодействия, но и все образовательное пространство за весь период образования в вузе и после него².

Образовательное пространство – пространство существования и распространения образовательных идей и технологий, в котором осознается и реализуется взаимодействие с окружающим миром.

Этизация образовательного пространства – нарастание степени гуманизированности участников учебно-воспитательного процесса, освоение ими нравственно-ориентирующих этических категорий и технологий, позволяющих осуществлять педагогическое общение и деятельность.

Этизированность образовательного пространства вуза коррелирует с развитием деонтологических компетенций у студентов, преподавателей и сотрудников. Таким образом, этическая педагогика наполняет образовательное пространство университета, чтобы, по завету А. Ф. Кони, «напитать своих питомцев здоровым, чистым и укрепляющим молоком общих руководящих начал» и помочь им избежать низменных соблазнов³.

На повышение эффективности деонтологической подготовки студентов в образовательном пространстве вуза влияют преимущественно три фактора:

1) «дух школы» (выражение Л. Н. Толстого), который в психолого-педагогической литературе трактуется как основополагающая система определенных ценностных ори-

¹ Дудина М. Н. Указ. соч.

² Громкова М. Т. Психология и педагогика профессиональной деятельности. М., 2003. С. 366–367.

³ По наблюдениям С. А. Яшкова и Е. Г. Быковой, практика привлечения к уголовной ответственности по ст. 290 УК РФ за получение преподавателями денежного вознаграждения при единоличном приеме экзаменов (зачетов) достаточно распространена, что подтверждается решениями Верховного Суда Российской Федерации (Яшков С. А., Быкова Е. Г. Уголовно-правовая оценка действий преподавателей, получающих взятки при приеме экзаменов (зачетов) // Рос. юрид. журн. 2015. № 5. С. 103).

ентаций, установок и моделей поведения, характеризующих всю жизнь образовательного учреждения. Как любая фирма заботится о своем хорошем имидже, «корпоративной идентичности», так и вуз старается создать свой благоприятный образ, который сплачивает преподавателей, студентов и сотрудников в их совместной работе по достижению образовательных целей;

2) стиль руководства образовательным учреждением. Успешных руководителей отличают те же деонтологические качества и компетенции, которые присущи успешным преподавателям и студентам. Прежде всего это стремление к наиболее полной личностной самоактуализации, к своему идеальному «Я». Руководители должны олицетворять дух вверенного им образовательного учреждения;

3) наличие в вузе солидных научно-педагогических школ с богатыми традициями, что позволяет сохранять научную и моральную преемственность поколений.

Таким образом, развитие деонтологической компетентности юристов в образовательном пространстве вуза происходит не только при усвоении курса «Профессиональная этика юриста», но и в результате максимального использования потенциала всех дисциплин, всех деонтологических возможностей образовательного процесса, что позволяет сделать каждого обучающегося борцом за человечность.

Библиография

Архангельский А. Дырка от этики. Что не так с российской системой ценностей // URL: <http://carnegie.ru/publications/?fa=63999>.

Васильев А. А. Социальная ценность и актуальность российской консервативной правовой идеологии // Рос. юрид. журн. 2016. № 2.

Горбатова М. К. Высшее юридическое образование в современной России: теоретико-правовые аспекты развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007.

Громкова М. Т. Психология и педагогика профессиональной деятельности. М., 2003.

Дудина М. Н. Педагогика: долгий путь к гуманистической этике. Екатеринбург, 1998.

Дудина М. Н. Теоретико-методологические основы и практика этической педагогики: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Екатеринбург, 1998.

Кони А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (Общие черты судебной этики) // Кони А. Ф. Собр. соч.: в 8 т. М., 1967. Т. 4.

Левитан К. М. О деонтологической подготовке юристов // Юрид. педагогика. М., 2016.

На пороге XXI века. Актуальные проблемы современной России: сб. ст. / под ред. Г. А. Чупиной. Екатеринбург, 2012.

Павленин В. С. Психолого-педагогические факторы проявления агрессивности в профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2004.

Поляков Ю. Им не стыдно! // Аргументы и факты. 2016. 1–7 июня.

Соколов В. П. Анализ социокультурной ситуации в России как компонент теоретико-педагогического исследования деонтологической подготовки юристов // Казанский пед. журн. 2007. № 1.

Третьякова Н. Н. Психолого-педагогические технологии преодоления профессиональных деформаций субъектов правоохранительной деятельности: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2006.

Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. Минск, 2000.

Яшков С. А., Быкова Е. Г. Уголовно-правовая оценка действий преподавателей, получающих взятки при приеме экзаменов (зачетов) // Рос. юрид. журн. 2015. № 5.

Bibliography

Arxangel'skij A. Dyrka ot ehtiki. Chto ne tak s rossijskoj sistemoj cennostej // URL: <http://carnegie.ru/publications/?fa=63999>.

Dudina M. N. Pedagogika: dolgij put' k gumanisticheskoy ehtike. Ekaterinburg, 1998.

Dudina M. N. Teoretiko-metodologicheskie osnovy i praktika ehticheskoy pedagogiki: avtoref. dis. ... d-ra pед. наук. Ekaterinburg, 1998.

Fromm Eh. Begstvo ot svobody. Chelovek dlya sebya. Minsk, 2000.

Gorbatova M. K. Vysshee yuridicheskoe obrazovanie v sovremennoj Rossii: teoretiko-pravovye aspekty razvitiya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. N. Novgorod, 2007.

Gromkova M. T. Psixologiya i pedagogika professional'noj deyatel'nosti. M., 2003.

Koni A. F. Nravstvennye nachala v ugovnom processe (Obshhie cherty sudebnoj ehtiki) // *Koni A. F.* Sobr. soch.: v 8 t. M., 1967. T. 4.

Levitan K. M. O deontologicheskoy podgotovke yuristov // Yurid. pedagogika. M., 2016.

Na poroge XXI veka. Aktual'nye problemy sovremennoj Rossii: sb. st. / pod red. G. A. Chupinoy. Ekaterinburg, 2012.

Pavlenin V. S. Psixologo-pedagogicheskie faktory proyavleniya agressivnosti v professional'noj deyatel'nosti sotrudnikov pravooxranitel'nyx organov: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Ekaterinburg, 2004.

Polyakov Yu. Im ne stydno! // Argumenty i fakty. 2016. 1–7 iyunya.

Sokolov V. P. Analiz sociokul'turnoj situacii v Rossii kak komponent teoretiko-pedagogicheskogo issledovaniya deontologicheskoy podgotovki yuristov // Kazanskij ped. zhurn. 2007. № 1.

Tret'yakova N. N. Psixologo-pedagogicheskie texnologii preodoleniya professional'nyx deformacij sub"ektov pravooxranitel'noj deyatel'nosti: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Ekaterinburg, 2006.

Vasil'ev A. A. Social'naya cennost' i aktual'nost' rossijskoj konservativnoj pravovoj ideologii // Ros. yurid. zhurn. 2016. № 2.

Yashkov S. A., Bykova E. G. Ugolovno-pravovaya ocenka dejstvij prepodavatelej, poluchayushhix vzyatki pri prieme ehkzamenov (zachetov) // Ros. yurid. zhurn. 2015. № 5.

**ОБ ОГРАНИЧЕНИИ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ
ИНОСТРАНЦЕВ (ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ) В РОССИИ
В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.****Тесленко Анатолий Михайлович**

Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: anatoliy_ttt@mail.ru

Дается краткий обзор законодательных мер, нацеленных на ограничение имущественных прав иностранцев (физических лиц) на отдельных территориях Российской империи в середине XIX – начале XX в. Подчеркивается их многообразие и противоречивость.

Ключевые слова: иностранцы, имущественные права, Российская империя, законодательство

**ON RESTRICTIONS OF THE PROPERTY RIGHTS
OF FOREIGNERS (INDIVIDUALS) IN RUSSIA
IN THE MIDDLE OF THE 19TH –
THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY****Teslenko Anatoliy**

Ural State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: anatoliy_ttt@mail.ru

There is a brief review of the legislative measures aimed at restricting the property rights of foreigners (individuals) in specific areas of the Russian Empire in the middle of 19th – the beginning of the 20th century. It is emphasized that those measures were numerous and controversial.

Key words: foreigners, property rights, Russian Empire, legislation

В законодательстве Российской империи уделялось большое внимание нормативному определению имущественных прав иностранцев. Прежде всего речь идет о правах на недвижимое имущество и землю. Статья 830 Законов о состояниях регламентировала общие положения о правах иностранцев в России: «Иностранцы могут приобретать как через куплю, так и по наследству, завещаниям, дарственным записям, отводам от казни и т. п. всякого рода движимые и недвижимые имущества»¹. Однако из этого правила были исключения, связанные с ограничением имущественных прав иностранцев на некоторые категории земель (усадебные и полевые), а также с лишением их права приобретения собственности или ограничением этого права на отдельных территориях в краях, областях страны. Такого разнообразия в подходах к предоставлению и ограничению имущественных прав иностранцев, как в Российской империи того периода, не было ни в одной стране мира.

Еще с середины XVIII в. и до середины XIX в. иностранцы, поступив на службу, пользовались в России «всеми правами чинами их принадлежащими». Хотя иностранцев при покупке деревень и предписывалось спрашивать о подданстве, иностранцы «в службе и чиновные» входили в число подданных «по тому только, что дали общую присягу по

¹ Свод законов Российской империи (далее – СЗ). 1899. Т. IX. Ст. 830.

Указу 1766 г. Они покупали недвижимая имения и деревни лично на том же праве, что и коренные дворяне»¹.

Иностранцы, наравне с русскими подданными, не принадлежащими к потомственному дворянству, обязаны были «одновременно с совершением акта на приобретение имения предоставлять поселенным в нем крестьянам в собственность усадебные и полевые земли и другие угодия», если «крестьяне состоят еще в обязательных отношениях к помещикам». Но в Бессарабской губернии этот запрет не распространялся на тех иностранцев, которые вступили во владение населенными землями до 10 ноября 1847 г., а также на тех, которые владели недвижимым имением еще со времен присоединения бывшей Бессарабской области к России².

Приобретение иностранцами собственности (полностью или частично) было запрещено в Туркестанском крае и в Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской, Тургайской областях. Иностранцам не позволялось приобретать земли в Амурской и Приморской областях. Особые ограничения, касающиеся приобретения иностранцами в собственность или в срочное владение и пользование недвижимого имущества вне портовых и других городских селений, существовали в некоторых губерниях западной полосы России и отдельных местностях Кавказского края. В Красноводске Закаспийской области действовал особый порядок отвода участков земли для иностранцев³.

В частности, в ст. 262 Положения об управлении Туркестанского края закреплялось: «В Туркестанском крае приобретение земель и вообще недвижимых имуществ лицами, не принадлежащими к русскому подданству, а равно всеми, за исключением туземцев, лицами не христианских исповеданий воспрещается»⁴. Под туземцами понимались лица нерусского происхождения и евреи, которые селились в Туркестанском крае с незапамятных времен. Запрет на приобретение земель не распространялся на уроженцев сопредельных с Туркестанским краем среднеазиатских государств. Евреи, уроженцы этих государств, в случае приобретения земель и вообще недвижимости в Туркестанском крае, подчинялись действию общих правил о приобретении в России недвижимых имений иностранными евреями. В соответствии со ст. 136 Положения об управлении этими областями ограничения на приобретение иностранцами недвижимости в Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областях касались всех земель без исключения. В определении Правительствующего сената от 23 октября 1909 г. № 242 иностранцам категорически запрещалось совершать какие-либо акты с землей.

Иностранные переселенцы, поселившиеся в Амурской и Приморской областях после 27 апреля 1881 г., лишались ряда льгот по сравнению с русскими, которым Сибирским комитетом разрешалось приобретать в собственность землю. Однако «в заслуживающих особого уважения случаях» закон разрешал генерал-губернатору Восточной Сибири распространять льготы, которыми пользовались русские подданные, «на отдельных переселенцев из иностранных подданных». Право приобретения земель в этих областях было предоставлено им положением Сибирского комитета от 26 марта 1861 г. В конце XIX в. указанные правила были изменены. 18 июня 1892 г. мнением Государственного совета «О продлении действия правил, касающихся поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях, и об изменении и дополнении сих правил» лицам, не принадлежащим к русскому подданству, категорически воспрещалось «приобретение

¹ Изъяснения на главу вторую Гражданского Уложения о гражданских правах иностранцев. Б/м. Б/г. С. 85.

² СЗ. 1899. Т. IX. Ст. 830 (примеч. 1).

³ Там же. Ст. 830. (примеч. 2); Собр. узаконений и распоряжений правительства, издаваемых при Правительствующем Сенате (далее – СУ). 1892. № 82. Ст. 898; 1895. № 167. Ст. 1411.

⁴ СЗ. 1892. Т. II. Ст. 262.

земель в Амурской и Приморской областях». Закон от 21 июня 1910 г. «Об установлении в пределах Приамурского генерал-губернаторства и Забайкальской области, Иркутского генерал-губернаторства некоторых ограничений для лиц, состоящих в иностранном подданстве» также подтвердил, что «воспрещается в пределах Приамурского генерал-губернаторства и Забайкальской области, Иркутского генерал-губернаторства, сдача казенных земель для поселения лицам, состоящим в иностранном подданстве, а равно сдача в аренду тем же лицам казенных земель и оброчных статей». Но данное положение не отменяло прав иностранцев на недвижимость, которые были предоставлены им Горным уставом в горном промысле, а также трактатами (международными договорами), заключенными Россией с иностранными государствами¹.

Ограничения, касающиеся приобретения иностранцами недвижимости, существовали и в губерниях западной полосы России. Этот вопрос был подробно регламентирован в утвержденном императором Указе от 14 марта 1887 г. «Об установлении особых правил относительно приобретения иностранцами в собственность или в срочное владение и пользование недвижимых имуществ в некоторых губерниях западной полосы России». Согласно Указу «в губерниях Варшавской, Калишской, Келецкой, Ломжинской, Люблинской, Петроковской, Плоцкой, Радомской, Сувалкской и Седлецкой, а равно в губерниях Бессарабской, Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Киевской, Ковинской, Курляндской, Лифляндской, Минской и Подольской иностранные подданные не могут приобретать, какими бы то ни было способами и на каком бы то ни было из допускаемых общими и местными законами основании, вне портовых и других городских поселений² права собственности на недвижимые имущества, а равно владения и пользования недвижимыми имуществами, отдельного от права собственности вообще, в частности же вытекающего из договора найма и аренды»³.

Закон определял и права «по наследованию недвижимого имущества, расположенного вне портовых и других городских поселений». Так, допускалось «приобретение недвижимого имущества в результате наследования по закону по прямой нисходящей линии и между супругами, оставшегося после иностранного подданного, если наследник поселился в России до 14 марта 1887 г.», а во всех остальных случаях наследования по закону, а также по завещанию иностранный подданный был обязан в течение трех лет⁴ со времени приобретения им права на имущество продать его русскому подданному. В противном случае над имуществом по распоряжению губернского начальства устанавливалась опека и оно продавалось с публичного торга, а вырученная сумма (за вычетом издержек по опеке и продаже) выдавалась наследнику. Действие этих ограничений распространялось на тех иностранцев, которые приобрели права собственности на недвижимое имущество по актам, совершенным до обнародования Указа от 14 марта 1887 г., и еще не вступили в действительное владение ими. Если переход недвижимого имущества в собственность иностранцев произошел по актам, совершенным до изда-

¹ СУ. 1882. № 21. Ст. 130; Полное собр. законов Российской империи. Собр. 2. Т. XXXVI. Отд. 1. № 36 928; СУ. 1892. № 82. Ст. 898; СУ. 1910. № 118. Ст. 1290 (Ст. 2. П. 1); СЗ. 1893. Т. VII. Ст. 267 (П. 6, примеч. 1, 4).

² По разъяснению общего собрания 1-го и кассационного департаментов Сената к городским поселениям принадлежали те из местечек, «которые состоят на городском положении в виде мещанского управления или в виде приписки к городам»; в таких местечках иностранцы имеют право приобретения недвижимого имущества (Решения Общего Собрания 1-го и кассационного департаментов Сената (далее – РОСС). 1891. № 20). Но впоследствии уточнили, где именно в городской черте иностранцы имели право приобретать недвижимость – «в пространстве, предназначенном для возведения городских строений, занятом городскими усадьбами, но не на городской земле, лежащей вне городской усадебной оседлости» (РОСС. 1893. № 33).

³ СЗ. 1899. Т. IX. Ст. 830 (прил. 1); СУ. 1893. № 21. Ст. 202 (Ст. 1).

⁴ По договору с Германией от 15 (28) июля 1904 г. этот срок был увеличен для подданных Германии до десяти лет (СУ. 1905. № 97. Ст. 810).

ния Указа от 14 марта 1887 г. и они вступили в действительное владение им, то данное положение закона имело обратную силу. Земли, отведенные румынским подданным и поступившие в собственность и их фактическое владение в Измаильском уезде в 1874 г., хотя и до издания Указа от 14 марта 1887 г., остались в собственности этих иностранцев.

В губерниях Царства Польского иностранным подданным запрещалось также заведовать недвижимым имуществом, расположенным вне городских поселений, в качестве поверенных или управляющих (распорядителей). Однако перечисленные в ст. 1 Указа от 14 марта 1887 г. ограничения прав иностранцев, касающиеся владения и пользования недвижимым имуществом, расположенным вне портовых и других городских поселений, не распространялись на случаи найма ими домов, квартир и дач для временного пользования и личного жительства. В местностях, названных в этой же статье, иностранные подданные могли обеспечивать преимущественное право удовлетворения по своим долговым требованиям приемом в залог недвижимого имущества, но подобное обеспечение и вообще обращение взыскания по долговым претензиям не позволяли иностранцам приобрести в собственность такое имущество или вступить в действительное владение или пользование им¹. Эти ограничения касались только тех случаев, когда приобретение иностранцами прав собственности на недвижимое имущество произошло до обнародования Указа от 14 марта 1887 г. и они еще не вступили в действительное владение этим имуществом.

За нарушение иностранцами некоторых положений имущественных прав в ряде губерний устанавливалась административная ответственность. Например, волынскому губернатору временно было предоставлено даже право высылать в административном порядке за пределы Волынской губернии иностранных подданных, которые приобретали недвижимое имущество и фактически владели им вне городских поселений губернии по словесным (устным) соглашениям и неформальным условиям или же после состоявшихся судебных решений о признании сделок иностранцев на владение и пользование недвижимым имуществом ничтожными, т. е. не имеющими законной силы.

Регулирование права иностранцев на приобретение в собственность и во временное владение и пользование недвижимого имущества в некоторых местностях Кавказского края к концу XIX в. также ужесточилось. До 1898 г. в Кавказском крае в отношении иностранцев действовал фактически национальный режим в сфере имущественных прав. Но затем был введен, хотя и временно, ряд ограничений на право приобретения недвижимого имущества в ряде местностей.

В императорском Указе от 29 мая 1898 г. подчеркивалось, что «в попечении о преуспевании кавказской окраины, всероссийские монархи относились с неизменною благосклонностью к иностранным подданным, кои, являясь в край, своими знаниями в области промышленности и прилагаемыми к оной материальными средствами содействовали процветанию сей богатой естественными произведениями страны. Пользуясь на Кавказе одинаковыми с русскими преимуществами, иностранцы сии имеют право и приобретения потребной для их полезной деятельности недвижимости. Ныне, ни в чем не ограничивая сего права и лишь устанавливая определенный порядок удостоверения в назначении такового приобретения именно для промышленных целей, мы признали за благо, в ограждение интересов водворяющихся в западной и южной пограничных полосах Кавказа русских переселенцев, воспретить временно иностранцам приобретение в оных вне портовых и городских поселений, недвижимых имуществ для иных надобностей, кроме упомянутых ниже промышленных целей»².

¹ Судебные Уставы Александра II. Устав гражданского судопроизводства. СПб., 1864. Ст. 1063, 1064, 1129, 1171, 1173, 1175, 1209; Законы гражданские губерний Царства Польского. СПб., 1900. Ст. 2071, 2072, 2085–2091.

² СУ. 1898. № 74. Ст. 943.

В силу данного указа в Кубанской области, Черноморской губернии, Сухумском округе, Зугдидском, Сенакском, Озургетском уездах Кутаисской губернии, Карской области, в Батумской области (с 1906 г.), а также в ряде уездов Эриванской, Елисаветпольской и Бакинской губерний иностранцам разрешалось приобретать «вне портовых и других городских поселений права собственности на недвижимое имущество, а также право владения и пользования ею только лишь для устройства и содержания заводов и фабрик и для горнозаводской промышленности... и только по особым свидетельствам, выдаваемым в каждом отдельном случае». Главноначальствующий гражданской частью на Кавказе (в начале XX в. – наместник императора на Кавказе) в случае возникновения каких-либо сомнений в целевом промышленном приобретении недвижимого имущества должен был разрешать вопросы по соглашению «с министром торговли и промышленности или другим министром по принадлежности». Иностранцы имели в данных местностях право найма домов, квартир и дач для временного пользования и личного жительства. Аналогично регламентировались права иностранцев на приобретение в порядке наследования по закону или по завещанию земельных участков, оставшихся после смерти русских подданных, в Черноморской губернии¹.

Таким образом, в законодательстве Российской империи определению имущественных прав иностранцев на территории страны уделялось большое внимание. Можно говорить о неоднозначности законодательных мер по ограничению этих прав, которую отразили различные аспекты внутренней и внешней политики Российского государства: экономические, политические, колонизационные, религиозные, а также вопросы обеспечения безопасности государства в приграничных районах.

Библиография

Законы гражданские губерний Царства Польского. Спб., 1900. Ст. 2071, 2072, 2085–2091.

Законы о состояниях // Свод законов Российской империи. 1899. Т. IX. Ст. 830.

Изъяснения на главу вторую Гражданского Уложения о гражданских правах иностранцев. Б/м. Б/г.

Императорский Указ от 29 мая 1898 г. // Собр. узаконений и распоряжений правительства, издаваемых при Правительствующем Сенате. 1898. № 74. Ст. 943.

О некоторых изменениях в правилах о льготах переселенцев в Приморском крае: мнение Государственного совета от 26 января 1882 г. // Собр. узаконений и распоряжений правительства, издаваемых при Правительствующем Сенате. 1882. № 21. Ст. 130.

О продлении действия правил, касающихся поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях и об изменении и дополнении сих правил: мнение Государственного совета от 18 июня 1892 г. // Собр. узаконений и распоряжений правительства, издаваемых при Правительствующем Сенате. 1892. № 82. Ст. 898.

Об установлении в пределах Приамурского генерал-губернаторства и Забайкальской области, Иркутского генерал-губернаторства, некоторых ограничений для лиц, состоящих в иностранном подданстве: закон от 21 июня 1910 г. // Собр. узаконений и распоряжений правительства, издаваемых при Правительствующем Сенате. 1910. № 118. Ст. 1290.

Об установлении особых правил относительно приобретения иностранцами в собственность или в срочное владение и пользование недвижимых имуществ в некоторых губерниях западной полосы России: именной высочайший Указ от 14 марта 1887 г. // Собр. узаконений и распоряжений правительства, издаваемых при Правительствующем Сенате. 1893. № 21. Ст. 202 (Ст. 1)

Положение об управлении Туркестанского края // Свод законов Российской империи. 1892. Т. II. Ст. 262.

¹ «По предложенному обер-прокурорам вопросу о том: имеют ли иностранные подданные, в виде временных правил, приложенных к ст. 830, прим. 2 (СЗ. Изд. 1899 г. Т. IX), право приобретать в порядке наследования по закону или по духовному завещанию участки земли в Черноморской губернии, оставшиеся после смерти русских подданных, и, в случае признания за ними такого права, обязаны ли иностранцы, по приобретении сих участков указанным способом, продавать их русским подданным» (РОСС. 1907. № 3).

Положение Сибирского комитета от 26 марта 1861 г. // Полное собр. законов Российской империи. Собр. 2. Т. XXXVI. Отд. 1. № 36 928.

Решения Общего Собрания 1-го и кассационного департаментов Сената. 1891. № 20; 1893. № 33; 1907. № 3.

Русско-немецкий торговый договор от 15 (28) июля 1904 г. // Собр. узаконений и распоряжений правительства, издаваемых при Правительствующем Сенате. 1905. № 97. Ст. 810.

Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемых при Правительствующем Сенате. 1892. № 82. Ст. 898; 1895. № 167. Ст. 1411.

Судебные Уставы Александра II. Устав гражданского судопроизводства. СПб., 1864. Ст. 1063, 1064, 1129, 1171, 1173, 1175, 1209.

Устав горный // Свод законов Российской империи. 1893. Т. VII. Ст. 267.

Bibliography

Imperatorskij Ukaz ot 29 maya 1898 g. // Sobr. uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva, izdavaemyx pri Pravitel'stvuyushhem Senate. 1898. № 74. St. 943.

Iz"yasneniya na glavu vtoruyu Grazhdanskogo Olozheniya o grazhdanskix pravax inostrancev. B/m. B/g.

O nekotoryx izmeneniyax v pravilax o l'gotax pereselencev v Primorskom krae: mnenie Gosudarstvennogo soveta ot 26 yanvarya 1882 g. // Sobr. uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva, izdavaemyx pri Pravitel'stvuyushhem Senate. 1882. № 21. St. 130.

O prodlenii dejstviya pravil, kasayushhixsya poseleniya russkix i inostrancev v Amurskoj i Primorskoj oblasti i ob izmenenii i dopolnenii six pravil: mnenie Gosudarstvennogo soveta ot 18 iyunya 1892 g. // Sobr. uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva, izdavaemyx pri Pravitel'stvuyushhem Senate. 1892. № 82. St. 898.

Ob ustanovlenii osobyx pravil otnositel'no priobreteniya inostrancami v sobstvennost' ili v srochnoe vladenie i pol'zovanie nedvizhimyx imushhestv v nekotoryx guberniyax zapadnoj polosy Rossii: Imennoj vysochajshij Ukaz ot 14 marta 1887 g. // Sobr. uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva, izdavaemyx pri Pravitel'stvuyushhem Senate. 1893. № 21. St. 202 (St. 1)

Ob ustanovlenii v predelax Priamurskogo general-gubernatorstva i Zabajkal'skoj oblasti, Irkutskogo general-gubernatorstva, nekotoryx ogranichenij dlya lic, sostoyashhix v inostrannom poddanstve: Zakon ot 21 iyunya 1910 g. // Sobr. uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva, izdavaemyx pri Pravitel'stvuyushhem Senate. 1910. № 118. St. 1290.

Polozhenie ob upravlenii Turkestanskogo kraja // Svod zakonov Rossijskoj imperii. 1892. Т. II. St. 262.

Polozhenie sibirskogo komiteta ot 26 marta 1861 g. // Polnoe sobr. zakonov Rossijskoj imperii. Sобр. 2. Т. XXXVI. Отд. 1. № 36 928.

Resheniya Obshhego Sobraniya 1-go i kassacionnogo departamentov Senata. 1891. № 20; 1893. № 33; 1907. № 3.

Russko-nemeckij trgovyj dogovor ot 15 (28) iyulya 1904 g. // Sobr. uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva, izdavaemyx pri Pravitel'stvuyushhem Senate. 1905. № 97. St. 810.

Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva, izdavaemyx pri Pravitel'stvuyushhem Senate. 1892. № 82. St. 898; 1895. № 167. St. 1411.

Sudebnye Ustavy Aleksandra II. Ustav grazhdanskogo sudoproizvodstva. SPb., 1864. St. 1063, 1064, 1129, 1171, 1173, 1175, 1209.

Ustav gornyj // Svod zakonov Rossijskoj imperii. 1893. Т. VII. St. 267.

Zakony grazhdanskije gubernij Carstva Pol'skogo. Spb., 1900. St. 2071, 2072, 2085–2091.

Zakony o sostoyaniyax // Svod zakonov Rossijskoj imperii. Т. IX. 1899. St. 830.

**ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОГО XIV КОЛЛОКВИУМА,
ПРОВЕДЕННОГО АКАДЕМИЕЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА
МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА ОХРАНЫ ПРИРОДЫ
(Осло, 20–24 июня 2016 г.)*****Солнцев Александр Михайлович**

Кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой международного права
Российского университета дружбы народов (РУДН), член Всемирной комиссии по экологическому праву
Международного союза охраны природы (Москва),
e-mail: solntsev_am@pfur.ru

Дан обзор международного XIV ежегодного коллоквиума, проведенного Академией экологического права Международного союза охраны природы в Университете Осло в июне 2016 г. на тему «Экологическое правосудие». В рамках коллоквиума были рассмотрены процедурные и материальные аспекты разрешения экологических споров в национальных, региональных и международных судах универсального характера, трибуналах, а также международные механизмы, обеспечивающие соблюдение многосторонних экологических соглашений.

Ключевые слова: экологическое право, международное экологическое право, Академия экологического права Международного союза охраны природы, МСОП, экологическое правосудие

**INTERNATIONAL 14TH ANNUAL COLLOQUIUM
OF THE IUCN ACADEMY OF ENVIRONMENTAL LAW
(Oslo, 20–24 June 2016): A REVIEW****Solntsev Alexander**

Peoples' Friendship University of Russia (Moscow),
e-mail: solntsev_am@pfur.ru

The article gives an overview of the international 14th Annual Colloquium of the IUCN Academy of Environmental Law which held in Oslo University in June 2016. The topic for the 2016 Colloquium was «The Environment in Court». This broad topic seeks to address procedural and substantive aspects of environmental adjudication in national, regional, and international courts, tribunals and panels as well as the compliance mechanisms of multilateral environmental treaties.

Key words: environmental law, international environmental law, Academy of Environmental Law of the International Union for Conservation of Nature, IUCN, environmental justice

Введение

Сегодня в мире существуют различные профессиональные сообщества юристов-экологов, в которых обсуждаются актуальные проблемы экологического права, проводятся конференции, презентации новых книг, т. е. идет процесс общения и обмена идеями в неформальной обстановке. Наиболее значимыми среди них являются Академия экологического права Международного союза охраны природы (МСОП), Европейский фо-

* Участие в коллоквиуме прошло в рамках Программы повышения конкурентоспособности РУДН «5-100». Публикация выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России (Соглашение № 02. а03.21.0008).

рум экологического права¹, группа по экологическому праву Европейского сообщества международного права.

МСОП – старейшая в мире экологическая организация, созданная в качестве НПО в Швейцарии (Глэнд) в 1948 г.² В начале 60-х гг. XX в. в МСОП приступила к работе Всемирная комиссия по экологическому праву, членами которой могли становиться ученые и практики в области экологического права со всего мира. В 2003 г. по инициативе известнейшего юриста-эколога Николаса Робинсона с целью распространения знаний и результатов исследований по экологическому праву была учреждена Академия экологического права (ее секретариат находится в Оттаве). Членами Академии могут быть только вузы. За 14 лет к ней присоединилось около 200 вузов из более чем 60 стран. Первый коллоквиум прошел в Шанхае (Китай) в 2003 г., последующие – в различных странах Африки, Латинской Америки, Азии и Европы. Местом проведения XIV коллоквиума Академии экологического права МСОП стала столица Норвегии Осло, а его соорганизатором – Университет Осло. Главная тема коллоквиума – «Экологическое правосудие».

Норвегия и экология

Норвегию неспроста выбрали для проведения коллоквиума. Она очень много внимания уделяет защите окружающей среды (Закон об охране природы принят еще в 1910 г.). Будучи одним из мировых лидеров по добыче нефти, Норвегия активно увеличивает долю использования возобновляемых источников энергии за счет гидроэнергетических ресурсов. Она занимает одно из первых мест по продаже электрических автомобилей, благодаря которым уменьшаются вредные выбросы в атмосферу. В Осло повсюду снуют электромашины «Тесла», а их владельцы не только получают значительные льготы от правительства, но и легально пользуются выделенными полосами для общественного транспорта, бесплатной транспортировкой на пароме и скидками на ежегодный транспортный налог. В мае 2016 г. новым исполнительным директором Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) стал норвежец, экс-министр окружающей среды Норвегии Эрик Солхейм³, выпускник Университета Осло.

В данном Университете, основанном в 1811 г., и проходил коллоквиум. Замечу, что стены главного зала Университета украшены оригинальными полотнами известнейшего норвежского художника Эдварда Мунка.

Первый день (20 июня)

Официально коллоквиум начался в среду, 22 июня, но в понедельник и вторник уже проводились научные мероприятия, семинары (так называемые *workshops*) и презентации книжных новинок. Для международных конференций это обычная практика.

¹ Гордеева Е. М. К вопросу об эффективности экологического права: Третья конференция Европейского форума экологического права // Евразийский юрид. журн. 2016. № 4. С. 395–397.

² Подробнее о деятельности МСОП см.: Копылов М. Н. Вклад Международного союза охраны природы и природных ресурсов в кодификацию и прогрессивное развитие международного экологического права // Московский журн. междунар. права. 2003. № 2. С. 228–244.

³ В 2007–2012 гг. Солхейм совмещал два поста: министра окружающей среды и министра международного развития Норвегии. Это позволило ему последовательно внедрять экологический подход в процессы развития и управления страны и содействовать принятию закона о природном разнообразии (многие норвежцы считают его важнейшей частью природоохранного законодательства, принятого за последние 100 лет). Борьба Норвегии с изменением климата и сохранением лесов, проводимая в тесном сотрудничестве с Бразилией, Индонезией, Гайаной и другими государствами, – также заслуга Солхейма. С 2013 г. Солхейм был специальным посланником по вопросам окружающей среды, конфликтам и стихийным бедствиям ЮНЕП, а с 2012 г. – «покровителем природы» МСОП. За вклад в защиту окружающей среды и борьбу с изменением климата был отмечен Программой ООН по окружающей среде как «Чемпион Земли», получил экологическую премию журнала «Time Magazine», избран почетным доктором университета TERI в Дели (Индия). Подробнее см.: URL: <http://www.unepcom.ru/unep/unep-bodies/dir.html>.

На семинаре по методикам преподавания экологического права участники делились своим опытом и проблемами. Особое внимание они уделили внедрению «юридических клиник» и имитации судебных заседаний по рассмотрению экологических исков. Безусловно, применение таких методик делает курс более практико-ориентированным. На семинаре «Эффект фрагментации экологического права на примере защиты морской среды», организованном ЮНЕСКО и NIVA (Норвежский исследовательский институт воды), обсуждалась преимущественно монография Ф. Платйов «Environmental law and the Ecosystem approach – maintaining ecological integrity through consistency in law»¹. Семинар «Правовые аспекты устойчивого развития», который провел Волкер Мауерхофер, был посвящен недавно изданной коллективной монографии «Legal Aspects of Sustainable Development»². Ее авторы кратко представляли свои разделы, а потом обсуждали их со слушателями.

В первый день мне удалось познакомиться с такими известными учеными, как Н. Робинсон и эмерит-профессор³ Бен Боер. Н. Робинсон с теплотой вспоминал сотрудничество с учеными СССР и то, как он читал лекции в «Lumumba University»⁴. Австралиец Б. Боер, известный своими монографиями⁵, последнее время преподает в Китае и много делает для укрепления в нем экологического правосудия.

Второй день (21 июня)

В этот день участники коллоквиума могли либо посетить различные научные и методические семинары, либо пойти на заседание Международного форума судей-экологов (*International Forum for Environment Judges*). Именно второе мероприятие привлекло наибольшее количество слушателей – яблоку негде было упасть. На форум прибыли специализирующиеся на рассмотрении экологических споров судьи из Китая и Индии, Швеции и Норвегии, Чили, Бразилии, США, Кении, Австралии и Новой Зеландии.

Форум открыл Лаури Ньюхук (судья Новозеландского экологического суда). В своем выступлении он рассказал о форуме и обратил внимание собравшихся на строительство ГЭС «Байхэтань» в Китае, на потенциальные риски, связанные с ним.

Основной доклад «Вызовы, с которыми столкнутся экологические судьи в следующее десятилетие» представил известный ученый эмерит-профессор Денверского университета Джордж Принг. Несколько лет назад он вместе с супругой Кэтерин Принг написал интересную книгу⁶ и с тех пор снискал себе славу «пионера в области сравнительного экологического правосудия». В выступлении он отметил, что уже более чем в 20 странах (Нидерланды, Украина, Пакистан, США (штат Массачусетс), Филиппины и др.) предприняты попытки подать в суд иски на государство, деятельность которого приводит к не-

¹ Platjouw M. F. Environmental law and the Ecosystem approach – maintaining ecological integrity through consistency in law. Routledge, 2016.

² Legal Aspects of Sustainable Development. Horizontal and Sectorial Policy Issues / ed. by V. Mauerhofer. Berlin, 2016.

³ Эмерит-профессор (с англ. *emeritus professor*) – заслуженный профессор в отставке. В то время как вышедший на пенсию профессор (преподаватель) полностью освобождается от исполнения своих служебных обязанностей, эмерит продолжает частично выполнять свою работу (например, занимается научной деятельностью, участвует в служебных поездках). После эмеритации денежное содержание, как правило, значительно выше пенсии и приблизительно соответствует последней зарплате ученого. После эмеритации профессор (преподаватель) обычно теряет свой административный пост в университете или на факультете, но продолжает возглавлять или вести научные исследования, курирует научные работы на звания магистра или доктора наук, может быть членом академических (но не государственных) экзаменационных комиссий, работать экспертом в судах и прокуратуре.

⁴ Имеется в виду Российский университет дружбы народов (РУДН), который в 1960–1991 гг. назывался Университетом дружбы народов им. Патриса Лумумбы.

⁵ См., например: Boer B. Environmental Law Dimensions of Human Rights. Oxford, 2015.

⁶ URL: <http://www.law.du.edu/documents/ect-study/greening-justice-book.pdf>.

гательным последствиям изменения климата. Однако лишь в Нидерландах государство было признано виновным в невыполнении своих обязательств по снижению выбросов¹. По его мнению, в ближайшее время юристам предстоит ответить на вопрос о том, насколько международное частное право «готово» к изменению климата, ибо, например, в коммерческих, инвестиционных контрактах должны учитываться потенциальные риски, связанные с изменением климата. Д. Принг обратил также внимание на доступ граждан к экологическим судам НПО; с его точки зрения, каждая страна сама определяет, как «широки» должны быть двери суда для экологических дел.

За Д. Прингом с докладами выступили представители Австралии, где нет единого федерального экологического суда, но в большинстве субъектов есть экологические суды, юрисдикция которых существенно различается. Австралийский судья Брайан Прэстон рассказал об истории создания и юрисдикции Земельного и экологического суда Нового Южного Уэльса². Он отметил, что одна из удач Суда, состоящего из шести судей, – установление широкой юрисдикции (административные, гражданские и уголовные дела). Ричард Джонс – судья Экологического и планового суда Квинсленда (штат на северо-востоке материковой части Австралии) – остановился на таких вопросах, входящих в юрисдикцию суда, как планирование и развитие территорий, защита окружающей среды, охрана и управление береговой территорией, рыболовство, морские парки и т. п.

Судья в отставке Мэридет Райт (США) поведала о работе американского Экологического суда штата Вермонт, который был создан в 1990 г.³ В составе суда двое судей. Суд не занимается уголовными делами, в его ведении находятся исключительно гражданские и административные дела. Апелляции на решения Экологического суда направляются в Верховный суд штата Вермонт. Суд рассматривает примерно 300 дел в год. Выездные сессии проводятся в зале суда того района штата, где возникает экологический спор.

Экологические суды Китая стали темой доклада Б. Боера (профессор двух университетов – Уханьского и Сиднейского) и Ву Ю (доцент Уханьского университета). В нем указывалось, что в Китае за десять лет создано более 500 экологических судов.

Судья Рафаэль Асеньо (Чили) рассказал об учрежденном в стране в 2012 г. Экологическом суде, в котором рассмотрено уже 185 дел. В его докладе прозвучало сожаление о том, что юрисдикция суда (административные и гражданские дела) весьма ограничена, в нее включена процедура оценки воздействия на окружающую среду, но в ней отсутствует защита объектов окружающего мира (биоразнообразие, воздуха и т. п.).

Профессор Ян Дарпо (Швеция), говоря о шведской системе экологических судов, подчеркнул, что среди скандинавских стран экологические суды первой инстанции и апелляций созданы только в Швеции. В Дании и Исландии есть лишь апелляционные экологические суды. В Норвегии и Финляндии их нет.

Председатель Экологического суда Новой Зеландии Л. Ньюхук – председатель форума – в своем выступлении отметил, что судейский корпус состоит из девяти человек, которые распределены по трем городам Новой Зеландии (Веллингтон, Окленд и Крайстчерч). При необходимости они собираются в одном месте. Юрисдикция суда преимущественно определена Законом об управлении ресурсами 1991 г. Суд рассматривает в основном иски о содержании региональных и муниципальных планов использования ресурсов.

¹ *Urgenda Foundation v. the Netherlands* (2015) // URL: <http://www.urgenda.nl/documents/VerdictDistrictCourt-UrgendaVStaat-24.06.2015.pdf>.

² Новый Южный Уэльс – штат на юго-востоке Австралии, самая старая и густонаселенная административно-территориальная единица страны, столица – Сидней.

³ URL: https://law.pace.edu/sites/default/files/IJIEA/jciWright_The%20Vermont%20Environmental_%20Courtfinal%202_cropped.pdf.

Судья Верховного суда Бразилии Антонио Герман Бенджамин¹ в своем небольшом докладе сделал акцент на том, что государство само должно решать, есть ли потребность в создании экологического суда, но заявил, что все государства обязаны развивать доступ граждан к правосудию по экологическим вопросам.

В перерыве между выступлениями состоялась презентация книг издательства «Edward Elgar Publishing». Редакторы и авторы кратко рассказали о книжных новинках. Так, Кристина Войгт познакомила собравшихся с коллективной монографией «REDD and International law». Представитель издательства анонсировал начало публикации долгожданной 12-томной «Энциклопедии экологического права» и представил первый том – «Право изменения климата» («Climate Change Law»)².

Закончился второй день конференции заседанием круглого стола с исчерпывающим названием «Ограничение опасного изменения климата – результат деятельности национальных судов и правозащитных трибуналов, особенно после принятия Парижского соглашения». Практики-правозащитники из Нидерландов, США, Пакистана и Филиппин поделились своим опытом подачи исков в судебные учреждения к государству в связи с негативным влиянием его деятельности на изменение климата.

Третий день (22 июня)

В среду начался сам коллоквиум Академии экологического права МСОП. Церемонию открытия вела профессор Университета Осло К. Войгт. С приветственными словами выступили норвежский министр климата и экологии В. Хелгесен, декан юридического факультета Университета Осло Даг Мичалсен, представитель секретариата Академии, профессор Оттавского университета Ив Ле Бутиллер, представитель Совета академии Стамбульского университета Н. Орал. Последний докладчик обратил внимание на важные события, которые произошли на Всемирном экологическом конгрессе в Бразилии в апреле 2016 г., – принятие Хартии Глобального института судей-экологов³ и проекта Всемирной декларации об окружающей среде и господстве права⁴.

После просмотра фильма об Академии экологического права МСОП началась вторая часть пленарного заседания, которую вела профессор Сингапурского университета Кох Хенг Лиан. С докладами о своей деятельности выступили норвежский парламентский омбудсмен Аж-Тор Фалкангер и судья Земельного и экологического суда Нового Южного Уэльса Б. Престон. Завершил пленарную часть Н. Робинсон, отметивший, что в следующем году исполняется 800 лет Хартии леса 1217 г. (*Carta de Foresta*). Этот первый правовой документ, регулирующий лесные отношения, был принят вместе с известной *Magna Carta* королем Англии Генрихом III. Указал он и на то, что в Российской империи появилось первое законодательство о заповедниках, ставшее образцом для остальных стран.

После перерыва прошли три тематические секции, в рамках каждой из которых состоялось по семь круглых столов. На них обсуждалась роль национальных и международных судов в деле защиты окружающей среды, особое внимание уделялось правам коренных народов, проблемам развивающихся стран, региональным проблемам, вопросам изменения климата и пр.

¹ Это один из ведущих ученых в сфере экологического права, в 2015 г. получил престижную премию в области экологического права имени Элизабет Хауб (URL: <http://www.juridicum.su.se/ehp/news.html>), является членом Консультативного совета ЮНЕП по экологическому правосудию (*International Advisory Council UNEP for the Advancement of Justice, Governance and Law for Enforcement Sustainability*) (URL: <http://www.unep.org/delc/worldcongress/TheInternationalAdvisoryCouncil/tabid/105851/Default.aspx>).

² URL: <http://www.e-elgar.com/shop/climate-change-law>.

³ Charter of the global judicial institute for the environment // URL: <http://welcongress.org/wp-content/uploads/2016/05/Charter-of-the-Global-Judicial-Institute-Rio-de-Janeiro-29-April-2016-....pdf>.

⁴ World Declaration on Environmental Rule of Law // URL: <http://welcongress.org/wp-content/uploads/2016/06/World-Declaration-on-the-Environmental-Rule-of-Law.pdf>.

В завершение открытую лекцию на тему «Прогноз на 2052 г. Роль экологического права» прочитал профессор Норвежской школы бизнеса Йорген Рандерс. Напомним, что Й. Рандерс – соавтор широко известного доклада «Пределы роста»¹, представленного Римскому клубу в 1972 г., и тем интереснее было познакомиться с его видением развития мира до 2052 г. и важной роли экологического права в данный период. После лекции состоялся прием участников в здании городской ратуши, в том самом зале, где ежегодно 10 декабря, в годовщину смерти Альфреда Нобеля, происходит торжественная церемония вручения Нобелевской премии мира.

Четвертый день (23 июня)

Пленарное заседание в четверг вел судья Экологического суда Новой Зеландии Л. Ньюхук. Сначала выступили представители США: Мелисса Сканлан (Вермонтская школа права) прочитала доклад о роли судов в борьбе с приватизацией важнейших публичных природных ресурсов; Дэвид Ходас поделился сведениями о перспективах рассмотрения в судах США дел о снижении выбросов парниковых газов. Весьма интересным оказались доклады представителей африканского континента: судья Экологического суда Кении Джейн Дваси рассказала о своей практической деятельности, а Лайза Чамберлайн из ЮАР – о специфике защиты экологических прав человека в судах ЮАР. Завершил пленарное заседание доклад юрисконсультанта Азиатского банка развития Кристины Пак о повышении судебного и академического потенциала в сфере защиты окружающей среды в странах Азии, о программах массового обучения педагогов экологическому праву.

После пленарного заседания прошли две тематические сессии по семь круглых столов в каждой. Круглым столом «Соблюдение международного экологического права» руководил А. М. Солнцев (автор настоящего обзора). Четыре доклада, прочитанные на нем, были апробацией кандидатских или докторских диссертаций. Выступающие говорили о различных механизмах соблюдения международных экологических соглашений (Гор Мовсисян), механизме соблюдения Бернской конвенции (Дженифер Дюбрулле), противоречиях права ЕС положениям Орхусской конвенции (Хендрик Шокенс и Мариолина Элиантонио). Согласно регламенту докладчику отводилось по 15 минут на выступление и ответы на вопросы. Наш же круглый стол вместо заявленных полутора часов продолжался более двух.

Пятый день (24 июня)

Последний день коллоквиума начался с круглого стола, на котором обсуждались вопросы изменения климата, недавно принятое Парижское соглашение и перспективы подачи в международные и национальные суды исков о возмещении будущего ущерба, причиненного окружающей среде изменением климата. Круглый стол вел «отец-основатель» Академии МСОП Н. Робинсон. С докладами выступили: Жаклин Пил (Австралия) и Гари Ософски (США), представившие результаты проведенного сравнительного анализа эффективности рассмотрения исков об изменении климата в судах США, Австралии и Европы; Фархана Ямин (Великобритания), поделившаяся мнением о роли юристов-экологов в период до 2020 г., когда Парижское соглашение должно вступить в силу; К. Войгт, рассказавшая о важных положениях Парижского соглашения и перспективах подачи исков в национальные суды по проблемам изменения климата; профессор Университета Осло Биатэ Сьяфэль, раскрывшая перспективы рассмотрения исков в Суде ЕС в контексте реализации ст. 11 Договора о ЕС; Махеш Чандра Мехта, описавший деятельность индийской НПО «MC Mehta Environmental Foundation», в том числе в сфере влияния изменения климата на биоразнообразие и жизнь населения.

¹ В докладе «Пределы роста» представлены результаты моделирования роста человеческой популяции и истощения природных ресурсов. В написании доклада принимали участие Донелла и Деннис Медоуз, Йорген Рандерс и Уильям Беренс. Отметим, что позже ими был опубликован доклад «Пределы роста. 30 лет спустя» (URL: <http://rsabc.ru/userfiles/d.-medouz-y.-randers-d.-medouz-predely-rosta.pdf>).

До вечера прошли еще две тематические сессии по семь круглых столов в каждой. В рамках круглых столов были заслушаны и выступления трех российских докладчиков. Старший научный сотрудник Санкт-Петербургского научно-исследовательского центра экологической безопасности РАН, кандидат юридических наук А. В. Кодолова рассказала об институте массовых жалоб при нарушении экологических прав человека в различных государствах мира и о внесении в российское законодательство поправок, которые в будущем позволят ввести данный институт и в нашей стране. Кандидаты юридических наук Н. В. Кичигин и А. Черноус представили совместный доклад «Защита экологических прав в судах России, Казахстана и Украины». Они показали, какие нововведения появились в Казахстане и Украине после ратификации Орхусской конвенции. А. М. Солнцев зачитал доклад о деятельности Конституционного Суда РФ в сфере разрешения экологических споров, проанализировал последние важные дела из этой области и отметил, что при вынесении решений КС использует широкую доказательственную базу, ссылаясь на документы мягкого права, не ратифицированные Россией конвенции и акты ЕС.

Закончился коллоквиум итоговым пленарным заседанием, на котором эмерит-профессор из Калифорнийского университета Оран Янг выступил с докладом «Является ли создание международного экологического суда прогрессивной мерой?». В нем он, изучив все аргументы «за» и «против», пришел к выводу о несвоевременности создания такого суда.

Всего на коллоквиуме было заслушано более 70 научных докладов. Итоги коллоквиума предполагается опубликовать. Очередной XV коллоквиум Академии экологического права состоится в июне 2017 г. в Университете Себу на Филиппинах.

Библиография

Boer B. Environmental Law Dimensions of Human Rights. Oxford, 2015.

Charter of the global judicial institute for the environment // URL: <http://welcongress.org/wp-content/uploads/2016/05/Charter-of-the-Global-Judicial-Institute-Rio-de-Janeiro-29-April-2016-....pdf>.

Climate Change Law: Elgar Encyclopedia of Environmental Law series / ed. by D. A. Farber. 2016 // URL: <http://www.e-elgar.com/shop/climate-change-law>.

International Advisory Council UNEP for the Advancement of Justice, Governance and Law for Enforcement Sustainability // URL: <http://www.unep.org/delc/worldcongress/TheInternationalAdvisoryCouncil/tab-id/105851/Default.aspx>.

Legal Aspects of Sustainable Development. Horizontal and Sectorial Policy Issues / ed. by V. Mauerhofer. Berlin, 2016.

Platjouw M. F. Environmental law and the Ecosystem approach – maintaining ecological integrity through consistency in law. Routledge, 2016.

Pring G., Pring C. Greening justice. 2009 // URL: <http://www.law.du.edu/documents/ect-study/greening-justice-book.pdf>.

The Elizabeth Haub Prize for environmental law // URL: <http://www.juridicum.su.se/ehp/news.html>.

Urgenda Foundation v. the Netherlands (2015) // URL: <http://www.urgenda.nl/documents/VerdictDistrict-Court-Urgenda-v-Staat-24.06.2015.pdf>.

World Declaration on Environmental Rule of Law // URL: <http://welcongress.org/wp-content/uploads/2016/06/World-Declaration-on-the-Environmental-Rule-of-Law.pdf>.

Wright M. The Vermont Environmental Court // URL: https://law.pace.edu/sites/default/files/IJIEA/jci-Wright_The%20Vermont%20Environmental_%20Courtfinal%202_cropped.pdf.

Гордеева Е. М. К вопросу об эффективности экологического права: Третья конференция Европейского форума экологического права // Евразийский юрид. журн. 2016. № 4.

Копылов М. Н. Вклад Международного союза охраны природы и природных ресурсов в кодификацию и прогрессивное развитие международного экологического права // Московский журн. междунар. права. 2003. № 2.

Медоуз Д., Рандерс Й., Медоуз Д. Пределы роста. 30 лет спустя // URL: <http://rsabc.ru/userfiles/d.-medouz-y.-randers-d.-medouz-predely-rosta.pdf>.

Эрик Солхейм // URL: <http://www.unepcom.ru/unep/unep-bodies/dir.html>.

Bibliography

Boer B. Environmental Law Dimensions of Human Rights. Oxford, 2015.

Charter of the global judicial institute for the environment // URL: <http://welcongress.org/wp-content/uploads/2016/05/Charter-of-the-Global-Judicial-Institute-Rio-de-Janeiro-29-April-2016-....pdf>.

Climate Change Law: Elgar Encyclopedia of Environmental Law series / ed. by D. A. Farber. 2016 // URL: <http://www.e-elgar.com/shop/climate-change-law>.

Ehrik Solxejm // URL: <http://www.unepcom.ru/unep/unep-bodies/dir.html>.

Gordeeva E. M. K voprosu ob ehffektivnosti ehkologicheskogo prava: Tret'ya konferenciya Evropejskogo foruma ehkologicheskogo prava // Evrazijskij yurid. zhurn. 2016. № 4.

International Advisory Council UNEP for the Advancement of Justice, Governance and Law for Enforcement Sustainability // URL: <http://www.unep.org/delc/worldcongress/TheInternationalAdvisoryCouncil/tab-id/105851/Default.aspx>.

Kopylov M. N. Vklad Mezhdunarodnogo soyuza oxrany prirody i prirodnyx resursov v kodifikaciyu i progressivnoe razvitiye mezhdunarodnogo ehkologicheskogo prava // Moskovskij zhurn. mezhdunar. prava. 2003. № 2.

Legal Aspects of Sustainable Development. Horizontal and Sectorial Policy Issues / ed. by V. Mauerhofer. Berlin, 2016.

Medouz D., Randers J., Medouz D. Predely rosta. 30 let spustya // URL: <http://rsabc.ru/userfiles/d.-medouz-y.-randers-d.-medouz-predely-rosta.pdf>.

Platjouw M. F. Environmental law and the Ecosystem approach – maintaining ecological integrity through consistency in law. Routledge, 2016.

Pring G., Pring C. Greening justice. 2009 // URL: <http://www.law.du.edu/documents/ect-study/greening-justice-book.pdf>.

The Elizabeth Haub Prize for environmental law // URL: <http://www.juridicum.su.se/ehp/news.html>.

Urgenda Foundation v. the Netherlands (2015) // URL: <http://www.urgenda.nl/documents/VerdictDistrict-Court-Urgenda-v-Staat-24.06.2015.pdf>.

World Declaration on Environmental Rule of Law // URL: <http://welcongress.org/wp-content/uploads/2016/06/World-Declaration-on-the-Environmental-Rule-of-Law.pdf>.

Wright M. The Vermont Environmental Court // URL: https://law.pace.edu/sites/default/files/IJIEA/jci-Wright_The%20Vermont%20Environmental_%20Courtfinal%202_cropped.pdf.

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

Главный редактор Издательского дома
Уральского государственного юридического университета
А. Н. Митин

Редакторы *Н. Н. Рассохина, Т. А. Шиловских*
Дизайн обложки *И. М. Митрофанова*
Компьютерная вёрстка *А. А. Холодилова*

Подписано к использованию 30.12.16.
Уч.-изд. л. 13,53.
Объем 2,32 МВ

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, п. 1 ч. 4 ст. 11
Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ
маркировке не подлежит

Издательский дом
Уральского государственного юридического университета.
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23.
Тел.: 375-58-31, 374-32-35. E-mail: idom@list.ru